

9(154)

1185

И. Исаков

ЗВЕЗДЫ СЛАВЫ КИРГИЗИИ

17192. 1769

u

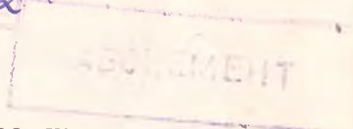

900541

И. ИСАКОВ и 85

ЗВЕЗДЫ СЛАВЫ КИРГИЗИИ

О ПОЛНЫХ КАВАЛЕРАХ ОРДЕНА СЛАВЫ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «КЫРГЫЗСТАН»
Фрунзе — 1975

9(C54)

C(Кирг) + 9(C)27

И 85

Исаков И.

И 85 Звезды славы Киргизии. (О полных кавалерах ордена Славы). Ф., «Кыргызстан», 1975. ©
204 с.

В предлагаемой книге рассказывается о 27 кавалерах ордена Славы всех трех степеней — киргизстанцах.

C(Кирг) + 9(C)27

124—116

М 451 (17)—75 27—75

1—2—4

© Издательство «Кыргызстан», 1975 г.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Шел третий год Великой Отечественной войны. Позади уже были разгром фашистов под Москвой, легендарная битва на Волге, Курское сражение. Только что освободили Киев. На стволах орудий и башнях танков все чаще стал встречаться клич: «На Берлин!».

И в эти дни Советское правительство учредило для солдат новую награду — орден Славы I, II, III степеней.

Орден Славы — особый знак доблести и воинской чести солдат Советской Армии. Этот орден как бы утверждал: нет такой силы, которая бы могла отнять у нашего народа его завоевания. Он звал воинов на новые героические дела, к окончательной победе над гитлеровской Германией.

Пункты статута ордена Славы точные, конкретные, ясные. Их 32. И каждый из них — мерило подвига, на который способны лишь люди сильные духом, беззаветно преданные делу коммунизма, самоотверженные в борьбе за независимость социалистической Родины. Орден Славы вручался рядовым защитникам Родины, творцам Победы, которые сражались в первых рядах, бесстрашно шли на врага и побеждали в самых опасных и трудных ситуациях не столько числом, сколько воинским умением и личной храбростью.

Чтобы стать кавалером ордена Славы всех 3-х степеней надо было совершить непосредственно в бою не менее трех героических подвигов. Поэтому человек с тремя орденами Славы — советский патриот, внесший своими личными боевыми делами достойный вклад в дело разгрома фашизма, подлинный специалист своего дела, в совершенстве овладевший оружием, делавший на поле боя и то, что записано в статуте ордена, и даже

больше. В полном кавалере ордена Славы воплощены лучшие черты советского воина-победителя.

Предлагаемая книга документальных рассказов — первая попытка представить читателю наших земляков, киргизстанцев — полных кавалеров ордена Славы. Автор пользовался документами архивов, встречался со своими героями, и каждая страница книги — это объективный рассказ о событиях минувшей войны, о доблести и бесстрашии советского солдата.

Народ должен знать своих героев. Это не просто привычная красивая фраза. Предлагаемая книга о 27 киргизстанцах — полных кавалерах ордена Славы и их ратных подвигах, в которой есть новые, незнакомые нам имена, — бесспорно дополнит героическую летопись Киргизии, сохранит для потомков имена наших бесстрашных земляков, внесших свой достойный вклад в Победу над фашизмом. В этом направлении автор сделал нужное и полезное дело.

Книга, несомненно, представляет значительный интерес для читателей, особенно для молодежи. Она учит преданности делу родной Коммунистической партии, беззаветному служению Советской отчизне. Когда листаешь страницы книги, невольно проникаешься чувством гордости за нашу армию, за отважных киргизстанцев, снискавших на полях сражений благодарность народную.

Начальник политического отдела
Военного комиссариата
Киргизской ССР полковник —
Веприков Б.

У К А З

ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР

об учреждении ордена Славы I, II, III степеней

Президиум Верховного Совета Советских Социалистических Республик постановляет:

1. Учредить для награждения лиц рядового и сержантского состава Красной Армии, а в авиации и лиц, имеющих звание младшего лейтенанта, отличившихся в боях за Советскую Родину, орден Славы I, II, III степеней.

2. Утвердить статут ордена Славы I, II, III степеней.

3. Утвердить описание ордена Славы I, II, III степеней.

Председатель Президиума
Верховного Совета СССР
М. Калинин

Секретарь Президиума Вер-
ховного Совета СССР
А. Горкин

Москва, Кремль.
8 ноября 1943 года.

СТАТУТ ОРДЕНА СЛАВЫ

1. Орденом Славы награждаются лица рядового и сержантского состава Красной Армии, а в авиации и лица, имеющие звание младшего лейтенанта, проявившие в боях за Советскую Родину славные подвиги храбрости, мужества и бесстрашия.

2. Орден Славы состоит из трех степеней:

- орден Славы I степени;
- орден Славы II степени;
- орден Славы III степени.

Высшей степенью является I степень, награждение же производится последовательно: третьей степенью, второй степенью и первой степенью.

3. Орденом Славы награждаются за то, что:

ворвавшись первым в расположение противника, личной храбростью содействовал успеху общего дела;

находясь в загоревшемся танке, продолжал выполнять боевую задачу;

в минуту опасности спас Знамя своей части от захвата противником;

из личного оружия меткой стрельбой уничтожил от 10 до 50 солдат и офицеров противника;

в бою огнем противотанкового ружья вывел из строя не менее двух танков противника;

уничтожил ручными гранатами на поле боя или в тылу противника от одного до трех танков;

уничтожил огнем артиллерии или пулемета не менее трех самолетов противника;

презирая опасность, первым ворвался в дзот (дот, окоп или блиндаж) противника, решительными действиями уничтожил его гарнизон;

в результате личной разведки установил слабые места обороны противника и вывел наши войска в тыл противника;

лично захватил в плен вражеского офицера;
ночью снял сторожевой пост (дозор, секрет) противника или захватил его;

лично, с находчивостью и смелостью пробравшись к позиции противника, уничтожил его пулемет или миномет;

будучи в ночной вылазке, уничтожил склад противника с военным имуществом;

рискуя жизнью, спас в бою командира от угрожающей ему непосредственной опасности;

пренебрегая личной опасностью, в бою захватил неприятельское знамя;

будучи ранен, после перевязки снова вернулся в строй;

из личного оружия сбил самолет противника;

уничтожив огнем артиллерии или миномета огневые средства противника, обеспечил успешные действия своего подразделения;

под огнем противника проделал для наступающего подразделения проход в проволочных заграждениях противника;

рискуя жизнью, под огнем противника оказывал помощь раненым в течение ряда боев;

находясь в подбитом танке, продолжал из оружия танка выполнять боевую задачу;

стремительно врезавшись на своем танке в колонну противника, смял ее и продолжал выполнять боевое задание;

своим танком смял одно или несколько орудий противника или уничтожил не менее двух пулеметных гнезд;

находясь в разведке, добыл ценные сведения о противнике;

летчик-истребитель уничтожил в воздушном бою от двух до четырех самолетов-истребителей противника или от трех до шести самолетов-бомбардировщиков;

летчик-штурмовик в результате штурмового налета

уничтожил от двух до пяти танков противника или от трех до шести паровозов, или взорвал эшелон на железнодорожной станции или перегоне, или уничтожил на аэродроме противника не менее двух самолетов;

летчик-штурмовик в результате смелых инициативных действий уничтожил в воздушном бою один или два самолета противника;

экипаж дневного бомбардировщика уничтожил железнодорожный эшелон, взорвал мост, склад боеприпасов, горючего, уничтожил штаб какого-либо соединения противника, разрушил железнодорожную станцию или перегон, взорвал электростанцию, подорвал плотину, уничтожил военное судно, транспорт, катер, уничтожил на аэродроме противника не менее двух самолетов;

экипаж легкого ночного бомбардировщика взорвал склад боеприпасов, горючего, уничтожил штаб противника, взорвал железнодорожный эшелон, подорвал мост;

экипаж дальнего ночного бомбардировщика разрушил железнодорожную станцию, взорвал склад боеприпасов, горючего, разрушил портовое сооружение, уничтожил морской транспорт или железнодорожный эшелон, разрушил или сжег важный завод или фабрику;

экипаж дневного бомбардировщика за смелое действие в воздушном бою, в результате чего было сбито от одного до двух самолетов;

экипаж разведчика за успешно выполненную разведку, в результате которой получены ценные данные о противнике.

4. Награждение орденом Славы 1 степени производится только Президиумом Верховного Совета СССР.

5. Награжденные орденами Славы всех трех степеней, кроме льгот и преимуществ, установленных общим положением об орденах СССР, удостоиваются права:

а) присвоения воинского звания:

рядовые, ефрейторы и сержанты — старшины;

имеющие звание старшины — младшего лейтенанта;

младшие лейтенанты в авиации — лейтенанта;

б) увеличения пенсии при утрате ими трудоспособности против положенной пенсии на 50 процентов;

в) бесплатного обучения детей в средних и высших учебных заведениях.

6. Ордена Славы носят на левой стороне груди по старшинству орденов справа налево. При наличии других орденов и медалей, ордена Славы (или ленты их, при повседневном ношении) располагаются левее других орденов, но правее медалей.

НЕШТАТНЫЙ ТАНКИСТ

Абрамов Алексей Федорович родился 31 декабря 1925 года в селе Давиловка Белебеевского района Башкирской АССР в семье рабочего. В 1936 году родители Абрамова переехали в г. Кок-Янгак. 15 сентября 1943 года Сузакским военкоматом был призван в Красную Армию. Боевое крещение принял осенью 1943 года под Смоленском. Воевал в составе Западного и 2 Белорусского фронтов. Участвовал в боях на Наревском плацдарме, брал штурмом Мариенбург, Данциг, Кенигсберг. Боевой путь привел Абрамова к городу Грабов на Эльде.

Алексей Федорович Абрамов награжден медалью «За боевые заслуги» и Указом Президиума Верховного Совета СССР от 27 июля 1972 года — орденом Славы первой степени.

В конце 1945 года он вернулся в г. Кок-Янгак и вот уже 30 лет работает на шахте «Кок-Янгак» комбината «Средзуголь».

Восемнадцатилетним парнем Алексей уже на передовой под Смоленском.

Короткий митинг перед наступлением и — в бой.

Рота, где находился Алексей, пошла в атаку. Она выбила фашистов из траншей и преследовала их четыре километра, но в болотистом кустарнике наткнулась на вторую линию обороны. Бойцам пришлось залечь, окопаться.

Алексей оказался рядом с командиром роты Тряпукиным.

— Связным будешь, — сказал тот, окинув взглядом крепкую, плотную фигуру Алексея.

Алексей кивнул, но не знал, что это такое. «Дело покажет», — подумал он, а пока что окапывался, как делали другие красноармейцы.

Немцы опомнились, открыли огонь из пулеметов, мешали закрепиться.

Посвист пуль над головой беспокоил, думалось, что какая-то может вонзиться и в его тело, но рядом был озабоченный капитан, и Алексей прогонял от себя эти мысли. А когда укрылся в ячейке, совсем перестал обращать внимание на пули, копал траншею, чтобы соединиться с ячейкой капитана. Земля была мягкой, торфянистой, копалось легко...

— Ну, оторвались мы, — сетовал капитан, — надо обязательно удержать эту позицию.

Вдруг в траншею к Алексею скатилось двое бойцов.

— Связные мы, — сказал один, отдуваясь. Второй спросил: «Где капитан?» Капитан выглянул. И сразу над головами роем зажужжали пули. Немцы заметили командный пункт, сосредоточили огонь.

Солнце как назло поднялось над леском и своими лучами освещало эту полянку с редким кустарником. Туман с болота не спешил надвинуться на нее, и воздух был свежим.

«Как у нас в горах», — подумал Алексей.

Капитан приказал связным вернуться к бойцам, чтобы те подтянулись к переднему краю.

Первый связной успел только выглянуть из траншеи и осел убитый. Второй — отполз на несколько шагов и тоже замер навсегда.

— А надо, Алеша, — сказал капитан.

«Ясное дело — немцы в атаку собираются», — понял Алексей.

Он прислушался к пулям, приготовился к прыжку из траншеи и выбросился в какой-то миг, когда не уловил уже привычного посвиста пуль и дальше не полз, а катился, кувыркался, пока не очутился среди кочек, поросших пожухлой осокой.

Теперь пополз, но не спешил, выбирал дорогу между самыми большими кочками. Думал о приказе, который должен во что бы то ни стало доставить командирам отставших взводов.

Те встретили его на краю кустарника, смотрели внимательно, искали на шинели пятна крови.

— Не ранен? — спросил один, не веря своим глазам.

— Царапнуло... — Алексей неумело забинтовывал палец на левой руке. Кто-то, смеясь, помогал.

— Приказ такой, — передал Алексей, — до вечера наблюдать и, в случае чего, поддержать капитана, а по темноте выдвинуться на передний край.

— Ясно, — ответил пожилой командир взвода.

Солнце еще только коснулось вершин леса. Окопы противника оказались в тени, и та же тень напозла на полянку, где окопались капитан и десятка полтора бойцов. Становилось прохладно. Туман над болотом оседал инеем. Затихали пулеметы.

А потом наступила полная тишина, в которой стрекотание сороки показалось треском зенитного пулемета.

«Вот она какая — война, — думал Алексей, — как работа — с умом делать надо».

Сумерки наступали медленно, долго не гасла заря за лесом, потом темноту вспарывали ракеты и трассирующие пули.

Алексей приполз в свой окоп вместе с пожилым командиром взвода.

Капитан пожал ему руку:

— К награде представляю — достоин, — сказал, волнуясь.

Немцы заметили движение на позиции роты, усилили пулеметный огонь и открыли минометный. Взрывы мин выворачивали душу.

Ночью пришло неожиданное подкрепление. Капитану подвели телефон.

— Живем, Алеша! — говорил он, связываясь с артиллеристами.

— Сейчас дадим ориентиры пулеметов, пушкири подают их.

Но затея капитана не удалась. На стрельбу наших орудий ответили немецкие. Началась артиллерийская дуэль по вспышкам залпов, а на позицию роты по-прежнему сыпались мины, и над головами бойцов трассировали пули.

Одна мина взорвалась совсем близко. Алексея до пояса засыпало обвалившимся бруствером траншеи.

«А могло прямо попасть», — думал он, выбираясь.

Грохотало до зари. Потом наступила тишина, которая каждое мгновение могла взорваться, и взорвалась. Началась артподготовка, а следом рота поднялась в атаку...

Прошло два месяца. Было ранение, был далекий Тюменский госпиталь... И снова фронт...

На танк, несущийся в атаку, нацелены и орудия, и пулеметы, и бойцу-десантнику негде укрыться от пуль и осколков. Сколько же смелости надо иметь, чтобы

«верхом на броне» пройти тысячи километров. А ведь он не только десантник. Он глаза и уши танка, он охрана танка. Надо вовремя разглядеть опасность и решительными действиями, порой с риском для жизни, спасти танк и его экипаж. Доводилось Алексею попадать в сложные ситуации, и всегда его выручали смекалка и отвага.

...Танки шли «ощупью», на их броне сидели десантники. Впереди в белой мгле трещали пулеметы, ухали орудия. Напуганные короткой артподготовкой, немцы «отстреливались».

Снег слепил глаза.

Танковый взвод шел на доты. Свернуть некуда, проход в минном поле вел только вперед. И вдруг головной танк встал. Из него вырвался дым. Танк лейтенанта Гущина тоже остановился. Гущин выглянул из люка, растерянный и злой.

— Алешка, что там?— спросил он, мотнув головой вперед.

Алексей прыгнул в снег, молча пополз.

«Что там? — думал он и отвечал сам себе: — Конечно, истребители танков — фаустники...»

Снег забивался в рукава полушубка, таял от горячего тела. Алексею было жарко. Над ним посвистывали пули. Впереди слышался треск пулеметных очередей.

— Куда стреляют, гады?— ругался он.— Не видят ни черта, а стреляют.

Небо спустилось почти до земли, мутное, тяжелое, и с него падал серый снег.

«Вообще-то, это хорошо,— думал Алексей.— Танки слышно, а не видно, а меня и не слышно и не видно».

Он оглянулся назад. Танки едва виднелись темными пятнами. Головной горел лампадой во мгле. Пламя и дым, колыхаясь, боролись с падающим снегом.

Трескотня пулеметов затихала. Фашисты успокаива-

лись. Слышались их голоса. Кто-то смеялся, говорил возбужденно. Алексей свернул на этот голос.

«Теперь бы попасть в амбразуру и дело сделано», — думал он и осторожно со связкой гранат подползал ближе.

Порыв ветра качнул куст, снег пригоршнями посыпался в лицо. Алексей привстал, швырнул гранаты и кубарем покатился назад.

Взрывы, всплески огня и клубок дыма закрыли полнеба...

А сзади, ревя мотором, мчался танк Гущина. Десантники на его броне казались снежными комьями.

— Прыгай! — крикнул лейтенант Гущин.

Танк на секунду приостановился. Кто-то подал Алексею руку. Он очутился на броне, и танк рванулся вперед. Мимо промелькнул черный, замолкший дот.

Задние танки разворачивались на соседние доты. Из ячеек выскакивали фрицы. Их темные фигуры ясно различались на сером фоне пороши. По ним били из автоматов. Они что-то кричали, бросали оружие и, падая, вытягивали руки вперед.

Вдруг сосед Алексея охнул, съежился.

— Ты чего? — Алексей протянул к нему руку но тот неожиданно свалился. За ним упал второй десантник, потом третий.

«Откуда стреляют гады?» — удивился Алексей. Он оглядывался, мгла застилала даль, а вблизи белели запыленные кусты.

Алексей переполз на правый борт — там никогó не осталось. Танк мчался по снежному полю, подминал под себя кусты, перемахивал через воронки и, казалось, не мог остановиться. А слева и справа неслись другие танки, за ними курилась поземка, их орудия «плевались» огнем, и они тоже не думали останавливаться.

«Куда же без десанта?» — подумал Алексей, и в это время танк вздрогнул, шарахнулся в сторону и встал.

Алексей слетел с него в куст, запутался в ветвях, но быстро выбрался и подобрал автомат.

Второй танк, что мчался слева, тоже встал. Над ним поднялся столб дыма.

Лейтенант Гушин, выглянув из танка, кричал кому-то:

— Сюда, быстро сюда!

Потом повторил:

— Алеша, быстро сюда!— и скрылся в танке.

Алексей втиснулся следом. В танке было тихо. Отчетливо слышались щелчки пуль о броню. Стонал раненый, заряжающий орудия.

— Действуй за него,— сказал Гушин.

Танк заревел мотором, двинулся вперед.

Работа заряжающего для Алексея была не в новинку. Он обучался этому делу после госпиталя, но по разным случайностям до сих пор оставался десантником, хотя Гушин и называл его танкистом.

Орудие стреляло непрерывно. Алексей не видел, куда попадают его снаряды, только потом узнал: они подбили четыре бронетранспортера, две пушки и подавили три станковых пулемета.

Последний раз Алексей зарядил орудие, когда в танке было уже нестерпимо жарко. Танк горел. Лобовой стрелок Василий Романов был убит. В живых остались лейтенант Гушин, командир орудия Титов и он, Алексей.

Выбравшись из горящего танка, они поползли по колее назад, а мимо шли танки других взводов, и за ними бежала пехота.

Прорыв увенчался успехом.

...Алексей был ранен. Подлечив в санбате свои раны, зашагал он дальше дорогами войны. Ему еще пришлось форсировать Одер, штурмовать города Лихен, Фюрстенберг, Грайсфальд. В районе населенных пунктов Валь-

Бревенчатый плот остановился в пяти метрах от берега, сел на мель. Маннаф прыгнул в воду, побрел дальше. Расчет смотрел, как вода поднималась выше его колен, потом заговорили:

— Прокатим, пройдем.

Сержант спросил:

— Какое дно?

— Песок!

— Прокатим!

Орудие столкнули с плота и на руках покатили на берег.

А вокруг рвались мины. Столбами поднималась вода вместе с песком, фонтанами рассыпались осколки, и весь берег грохотал. Там уже залегла пехота, ожидала истребителей огневых точек.

Оскальзываясь, артиллеристы падали у колес орудия и, пользуясь случаем, окунали потные лица в прохладную Вислу.

Уже на берегу, когда орудие начало обстрел вражеских позиций, Маннаф почувствовал, как что-то царапнуло его по бедру. Он потрогал то место, увидел кровь и удивленно посмотрел на других.

— Что?— спросил сержант.— Задело? Ничего — заживет.

Маннаф успокоился. Его перевязали, пошутили, и он продолжал делать то, что полагалось делать заряжающему: посылал в казенник снаряд за снарядом.

Днем подошли к деревне, заросшей ивами. Фашисты укрылись в ней, вели непрерывный огонь, бросались в контратаки при поддержке танков. Всюду рвались снаряды, мины, бомбы. И только поздно вечером все стихло. Немцы откатились за деревню в холмы, поросшие кустарником.

— Заняли господствующие высоты,— пошутил сержант, командир орудия.

— Теперь посидим здесь,— серьезно ответил наводчик, пожилой, с рыжими ершистыми усами.

Он угадал. С этого дня потянулись долгие месяцы обороны Пулавского плацдарма.

Но Маннафу они не казались скучными. Плацдарм требовал, чтобы его расширяли, укрепляли, защищали. В яростных схватках приходилось вгрызаться в оборону противника и шаг за шагом создавать предпосылки для будущего мощного удара. Артиллерийские перестрелки на плацдарме были явлением частым.

В конце августа дивизион вел огонь по противнику. Вражеская артиллерия не заставила себя ждать. Шквал огня обрушился на позиции дивизиона. Осколки щелкали по щиту, стволу, станинам, грохотали разрывы мин и снарядов. Но расчет, где Маннаф был заряжающим, привычно делал свое дело. Пока шел бой, он не чувствовал ни усталости, ни рап. Но когда упала на землю тревожная тишина, по телу прошла предательская слабость. Оглядел себя — брюки и сапоги в крови... А потом, уткнувшись в казенник, сполз на землю.

За этот бой Аубакиров был награжден орденом Славы III степени.

Потом был прорыв обороны противника и наступление. Маннаф всегда действовал быстро и умело. Он был сноровистым, подвижным и почти никогда не думал, что его могут убить.

— Вот здесь места не останется, все ордена будут,— смеясь, говорил товарищам, показывая на свою выпуклую грудь.

— Ну, а сколько все-таки тебе лет? Семнадцать или восемнадцать?— спросил сержант, сам еще только начавший бриться.

Орудие стояло в укрытии. Была передышка между боями. На дворе шел январь сорок пятого. Все заснежено. Воздух морозный, а в блиндаже тепло и уютно, горит фитиль в снарядной гильзе.

— От мамки, должно быть, сбежал...— поддакнул сержанту наводчик. Он усмехнулся и тут же вздохнул:— Не легко им там, мамкам нашим... Четвертый год...

— Я не сбежал, она сама отпустила,— ответил Маннаф серьезно, с обидой.

Посуровевший наводчик хмыкнул несколько раз, а сержант спросил:

— А сперва не отпускала?..

Расчет смеялся по доброму, не обидно, и Маннаф тоже рассмеялся, вспомнив, как добился досрочной мобилизации. Сложно это было. Пришлось пойти даже на подделку свидетельства о рождении, и ссылался на погибшего брата, доказывал, что хочет отомстить за него. Этим и тронул мать, уступила она — отпустила, а то хотела идти к военкому.

Кочкорка тогда была небольшим селом, все знали друг друга, и все-таки удивились, когда тетушка Насима сама подтвердила, что ее девятый сын родился не в двадцать шестом, а в двадцать пятом году.

— А как же ты переправил шестерку на пятерку?— спросил сержант, когда Маннаф рассказал все.

— Я был киномехаником, ездил по району с передвижкой. А район у нас—ого! Тянь-Шань! Горы. Военком давал повестки. Мы познакомились.

— Понятно...— усмехнулся наводчик, приглаживая усы, и в раздумье добавил:— Мой пострел такой же растет. Весной, должно быть, призовут...

— Пусть в артиллерию просится,— ответил сержант.

Никто не отозвался, не успел. В блиндаж спустился командир батареи. Поздоровавшись, он молча достал из планшетки карту, расстелил ее на столе, долго рассматривал, потом подозревал всех.

— Смотрите сюда.

Маннаф увидел около пальца командира населенный пункт и вслух прочитал его название.

— Да,— продолжал командир батареи,— Нова-Воля. Идем дальше. А где-то здесь и везде пулеметы. Уйма. И все они посыпятся на нашу пехоту, если мы,— наша батарея, не уничтожим их.

Бой завязался на окраине села. Пулеметы противника вдавили пехоту в снег, и только батарея оставалась открытой. Маннаф заменил раненого наводчика. Орудие стреляло непрерывно, но пулеметных точек почти не уменьшалось. Снегопад мешал видеть, залеплял панораму. По шиту орудия постоянно щелкали пули.

Маннаф сжался, как пружина, напряг внимание, сосредоточился. В доме под островерхой черепичной крышей вспыхивали желтоватые огоньки. Он показал на них сержанту.

— Пулемет,— ответил тот,— наводи в окно.

«Красивый дом — жалко», подумал Маннаф. Что-то толкнуло его в плечо. Он машинально пощупал и продолжал наводить.

Первый снаряд ударил в крышу. Второй разорвался в доме.

— Молодец, Маннаф!— кричал сержант, и вдруг удивился:— Почему рука в крови?

— Не знаю,— ответил Маннаф. Он увидел второй пулемет в соседнем доме и наводил орудие туда, а плечо жгло, и по рукаву текла кровь.

— В укрытие!— скомандовал сержант.

— Нет. Еще есть,— ответил Маннаф.

Снаряды ложились то слева, то справа.

«Почему мимо?»,— злился Маннаф. Ему хотелось лечь, перевести дух, попить воды — во рту пересыхало. Язык становился шершавым, и кружилась голова. Но вот наконец снаряд попал в дом. Желтые вспышки погасли.

Из снега поднималась пехота, слышалось «ура». А из домов выскакивали фашисты и бежали по ровной, обсаженной деревьями, улице. Их было много, они бежали

гольной. Маннаф паводил по ним и торопил заряжающего. Повсюду рвались снаряды, горели красивые дома. Вокруг грохотало и в небо поднимались столбы черного дыма.

А потом звуки укатились на дальнюю окраину и там затихли. Молоденькая санитарка перевязала рану у Маннафа, хотела отправить его в медсанбат, но он отказался. На Висле хуже было и то он не ушел с поля боя.

Вскоре принесли обед. Маннаф с жадностью хлебал борщ и только теперь перевел дух, отпуская ту «пружину», которая сжалась в нем во время боя. Ребята вокруг были все молодые, жизнерадостные. Они уже забывали бой и жили той особой фронтовой семьей, в которой делили и радость и опасность. После обеда пришел парторг дивизии.

— Видел вас в бою, видел,—сказал он, здороваясь,—настоящие боги войны. Но, говорят, некоторые не подчиняются приказам медслужбы. Кто это?

Все оглянулись на Маннафа. Парторг усмехнулся:

— Между прочим, я тоже не люблю госпитальный режим — никакой жизни.

Маннаф осмелел, решил высказать мысли, которые в последнее время занимали его:

— Я хочу вступить в члены Коммунистической партии. Можно?

— А почему нельзя?—удивился парторг.—Когда вы вели огонь с открытой позиции, у нас на НП говорили, что вы, должно быть, все коммунисты и показываете пример мужества. А сейчас перед нами стоит новая задача: развивать наступление на Лодзь и дальше — на Берлин. Потребуются большие усилия...

Маннаф слушал так, словно обращались только к нему, и он должен ответить, и так ответить, чтобы никто не усомнился в его слове.

— Я хочу идти дальше коммунистом!—сказал он,—Берлин, победа — конец войне.

Когда ушел парторг, Маннаф достал лист бумаги, взял карандаш и задумался. Мысли, которые были ему так понятны и близки, никак не удавалось переложить в слова. И тогда он написал: «Прошу принять меня в члены большевистской партии. Я ненавижу фашизм и готов...» Когда он несколько раз перечитал написанное, исправив ошибки, то удивился: как, оказывается, просто звучит то, что имеет такой большой смысл в его жизни, в его мечтах.

В этот день весь расчет подал заявления о вступлении в члены партии.

...Прошли месяцы. Позади сотни километров польской и немецкой земли. До Берлина оставалось немного. Надо взять маленький городок Лебус, да еще два-три таких же чистеньких, вымощенных булыжником, "и — Берлин.

Маннаф уже командовал расчетом, на его погонах желтела лычка старшего сержанта, а на груди красовались два ордена Славы. Он заметно возмужал, обветрил — на весеннем ветру, раздался в плечах, и походка изменилась — стала неторопливой, важной, и только черные глаза все так же блестели молодо, с затаенным озорством.

...Бой завязался на просторной луговине юго-западнее Лебуса. Фашисты всеми силами не давали обойти город. Орудие Маннафа в упор расстреливало танки и пехоту, которые бросались в контратаки, и все-таки те не пускали штурмующие части через луговину. Тогда Маннаф приказал расчету выдвинуться вперед, чтобы прикрыть пехотинцев. Орудие оказалось на открытом месте, как на зеленом сукне бильярдного стола. Следом выдвинулась вся батарея, а затем и две соседних. Непрерывный огонь на прямой наводке подавил пулеметные точки. Пехота смогла проскочить луговину, закрепилась на окраине городка. Вместе с ней на улицу вкатилось ору-

дие Маннафа. Вперед показались фашисты. Они открыли огонь по окраине.

— Наводи по ним! — скомандовал Маннаф.

Наша пехота продвинулась дальше, и в это время откуда-то прилетели мины. Маннаф качнулся, прижал руку к груди, куда ударил горячий осколок, но остался на месте.

— Заряжай! Огонь! — командовал он, стараясь не менять голоса, чтобы расчет не знал о его ранении.

В улицу входили вражеские танки. Они приближались. За ними крался десант.

— По головному танку...

Ноги подкосились. Падая, Маннаф видел окно мансарды ближнего дома. Молодая женщина удивленно смотрела на него, прижимая руки к щекам. Ему показалось, что это Ира. Утром он писал ей письмо, поздравлял с приближающимся праздником Первое мая и просил выслать фото.

«И маме надо написать», — подумал он, теряя сознание.

Головной танк остановился «босый» без гусениц. Другие свернули в проулки, во дворы.

Штурмующая пехота пошла в атаку.

А над Маннафом хлопотала медсестра.

— Сердце еще бьется. Помогите перенести...

Маннафа унесли в укрытие, перевязали.

Подбежал командир батареи. Не зная, что с Маннафом, он поблагодарил его за инициативу и весело добавил:

— «Слава первой степени» — твоя!

— Он без сознания, — сказала медсестра.

— Так чего же вы стоите?! — закричал командир. — В сабат — бегом!

Сабат располагался за той самой луговиной, которую полчаса назад преодолевал расчет Маннафа.

Врачи осмотрели рану, сделали, что требовалось, и поручили медсестре:

— Присматривай. Когда придет в себя, позовешь.

Маннаф был один в комнате старого кирпичного дома усадьбы садовода. Медсестра поправила подушку, всмотрелась в лицо. «Молоденький какой...» — вздохнулось ей.

Вдали гремел бой, и справа, с главного направления на Берлин, доносился низкий гул со взрывами тяжелых бомб, от которых вздрагивал дом.

«Но теперь уж скоро конец», — снова вздохнула медсестра.

В окно было видно, как въезжали все новые и новые санитарные машины. Вскоре в комнате, где лежал Маннаф, стало тесно. Привычно запахло иодом, слышались сдержанные стоны. Медсестра, помня приказ, почти не отходила от Маннафа, а он лежал спокойно, как будто спал.

Вечером к нему пришли друзья и командир дивизиона майор Колганов.

— Как он тут? — спросил майор.

Медсестра кивнула на бледное лицо:

— Все время так...

— А врачи что?

— Ничего...

— Ну, ладно. Беспокоить не будем. А когда проснется, дадите ему вот это, — майор протянул медсестре лист бумаги. — Это копия того, что пошло куда надо. Пусть почитает — это поможет... Друзья оставили подарки, письмо от Иры и ушли следом за майором.

«Кто же он такой?» — гадала медсестра, глядя на Маннафа, потом вспомнила о копии и прочитала: «Наградной лист». Дальше заполнялось двенадцать пунктов анкетных данных и шло короткое описание личного боевого подвига: «В бою 17 апреля 1945 года юго-западнее города Лебус (Германия) командир орудия товарищ

Аубакиров проявил образцы смелости, стойкости и бесстрашия...» Медсестра дочитала до конца и вернулась взглядом к началу, где стоял год рождения. «Господи, девятнадцать нет, а уже полный кавалер!..»

Он умер 19 апреля, не приходя в сознание.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 15 мая 1946 года Аубакиров Маннаф посмертно награжден орденом Славы 1 степени.

Во Фрунзе живет его мать Насима Мустафинична. Ее часто приглашают в школу, чтобы она рассказала подросткам, почти ровесникам Маннафа, о своем сыне.

«Короткая жизнь моего сына очень схожа с судьбой многих из его поколения,— рассказывает она,— Маннаф был простым парнем нашей Родины, трудолюбивым, жизнерадостным. И всегда был готов отдать жизнь за счастье своего народа, за нашу Родину. Таким его воспитала школа, комсомол. Немало хорошего он приобрел и когда рос в нашей большой семье. У него было восемь братьев и сестер. Двое из моих сыновей отдали жизнь за счастье советского народа. Берегите это счастье, уможайте его».

Он не вернулся домой. О его ратных подвигах рассказывают наградные листы. Они добавляют новые штрихи к облику человека, который отдал Отчизне самое дорогое — свою юную жизнь. Не думая о славе, он навечно обрел ее, оставаясь живым в памяти людей.

Он похоронен в районе города Франкфурта-на-Одере, на северной окраине пригородного местечка Шторков. На могиле всегда можно увидеть алые цветы, совсем такие, как тюльпаны на далеких горах Киргизии.

ПОЕДИНОК В БЕРЛИНЕ

Бадигин Михаил Петрович родился 21 октября 1923 года в селе Суруловка Новоспасского района Ульяновской области. До войны учился в школе, работал на почте.

В феврале 1942 года Карасуйским военкоматом Ошской области был призван на военную службу. Боевой путь артиллериста начался 20 ноября 1942 года под Сталинградом. Бадигин прошел с боями через Днепр, Южный Буг, Днестр, Вислу, Одер, освобождал Днепропетровск, Апостолово, Одессу, Тирасполь, штурмовал Познань, Кюстрин и закончил войну в Берлине. В октябре 1944 года во время боев на Магнушевском плацдарме вступил в партию. Имеет три ранения.

Награжден орденами: Красной Звезды, Славы III и II степеней, а Указом Президиума Верховного Совета СССР от 15 мая 1946 года — орденом Славы I степени.

После войны Бадигин приехал в г. Ош. В настоящее время работает в Ошском обкоме КП Киргизии.

Светало... В лесу просыпались птицы. В деревне пели петухи, а над траншеями нашей пехоты поднимались струйки дыма. Солдаты закуривали спросонья, потягивались. Утро начиналось тихое, мирное. За траншеями стояла батарея 76-миллиметровых противотанковых пушек. Их расчеты готовились к бою и поглядывали то на свой лес, то на тот, что зеленел вдаль за скошенным полем. Там были немцы. Оттуда ожидалась атака.

Командир батареи, лейтенант Маслов, показывая на окраину деревни, сказал Бадигину, командиру орудия, что стояло крайним:

— Приготовь там запасную позицию и все прочее... Может понадобится.

Бадигин одобрил его решение. Запасная позиция при наступлении немцев окажется на их фланге и огонь с нее будет эффективным. Но воевать одному на отшибе от всех не так-то просто. Расчет у Бадигина побывал в разных ситуациях, прошел с боями путь от Сталинграда до Вислы, мог выдержать любое испытание, и все-таки эта задача, которую ставил лейтенант, требовала крайнего напряжения сил. Дело в том, что разведчики только что сообщили новость: у немцев за лесом сосредоточиваются «королевские тигры» и, наверное, сегодня они пойдут в атаку. Фашистское командование хочет во что бы то ни стало ликвидировать плацдармы на западном берегу Вислы, удержать Варшаву — остановить наступление наших фронтов. Так что бой предстоял не из легких...

— Приказано приготовить позицию здесь, — сказал он бодро, когда привел свой расчет на огород крайнего дома.

— «Картошку жалко... — усмехнулся наводчик Гриша Кравченко. Огород буйно зеленел картофельной ботвой. По меже стояли яблони с поспевающими яблоками. Бойцы попробовали яблоки и набрали их в карманы.

— Все равно осыпятся, когда начнется, — разрешил Бадигин.

Через час все было готово. Бойцы оборудовали огневую, сделали ниши для боезапаса и отрыли щели для себя.

В этом районе предполагались оборонительные бои. Шла перегруппировка наших войск, подтягивались тылы, отставшие во время последнего сорокадневного наступления, пополнялся боезапас, а в общем готовились новые мощные удары, которые предусматривались стратегическими планами Верховной Ставки.

Это был Магнушевский плацдарм, вошедший в историю Отечественной войны затяжными тяжелыми боями. На север от него была Варшава. Южнее гремели бои на Пулавском плацдарме.

8 августа 1944 года немцы начали атаку на этом участке ровно в десять часов, после короткого, но мощного артналета. На опушке леса показались «королевские тигры». Рев их двигателей, усиленный эхом леса, оглушал. Казалось, воздух уплотнился, дрожал и давил на уши. Лязгали гусеницы, коротко рывкали башенные орудия, непрерывно строчили пулеметы. Земля тряслась, гудела, осыпались края траншей. За «тиграми» бежали автоматчики.

— Девять, — насчитал Бадигин.

Вначале «тигры» открыли огонь по деревне, там загорелось несколько домов, и дым густыми клубами повалил на наши позиции.

— Хитро придумали, — подумал Бадигин.

Наши пехотинцы кашляли, протирали глаза, но не видели противника, а грохот моторов и лязг гусениц накатывался на них и казалось — это конец, никакая сила не остановит лавину металла. И вдруг из нашей траншеи выскочил боец. Бросив автомат, он зажал уши и кинулся к лесу. За ним выскакивали другие.

— Стой! — закричал Маслов.

— Назад, славяне, назад! — старшина батареи Шкарупа бросился наперерез, выхватил пистолет, потрясал им над головой. А вокруг рвались снаряды, свистели пули, и солдаты, увидев старшину, который ничего не боялся, остановились.

— Назад, славяне, назад, — повторил он с просьбой, — Танки мы остановим, а с пехотой без вас не справиться. — Назад, братцы!

В это время батарея открыла огонь. Залп разрывов залясал перед танками. Они неуклюже покачивались и, шиплескивая, огненные трассы, надвигались на наши позиции. Некоторые сбавили скорость, видимо не решились идти под разрывы. Этим воспользовались артиллеристы. Под стальной башней переднего танка заклумилось черно-багровое пламя, у соседнего оказалась перебитой гусеница, и он остановился, продолжая стрелять. Второй снаряд поджег его, в небо взметнулся столб пламени.

— Смотрите, славяне! — Шкарупа показывал на «тигры» и подталкивал молодых, необстрелянных солдат к траншеям.

— Бадигин, на колеса! — приказал лейтенант.

Расчет Бадигина прекратил огонь и бегом, взявшись за станины и упираясь в щит, устремился на запасную позицию.

— Наводить по ближнему! — скомандовал Бадигин и, опасаясь, что его могут не услышать, встал рядом с заряжающим. Когда крест на башне обозначился четко, он подал команду, подтверждая ее взмахом руки. Взметнулось пламя из ствола пушки, дрогнул воздух. Танк дернулся и остановился.

Кравченко, не отрываясь от панорамы, радостно воскликнул:

— Есть один! А ну, давай еще!...

Второй танк начал поворачивать на деревню, но то-

же загорелся. «Молодец, Гриша», — подумал Бадигин, показывая наводчику на третий танк.

В это время перед орудием разорвался снаряд. Волной орудие сдвинуло. Наводчик упал и, вскакивая, схватился за голову. Его ударило прицелом.

— Заряжай! — крикнул Бадигин, заменяя наводчика.

Немцы стреляли из леса по батарее и по деревне. Снаряды рвались вокруг. Упал подносчик, и вдруг орудие подпрыгнуло, правое колесо отлетело в сторону, ствол ткнулся в землю и зарылся в нее.

— В укрытие! — приказал Бадигин.

Бойцы перебежали в щели, открыли огонь из личного оружия, отсекая вражеских автоматчиков от танков. А те ворвались на батарею, давили орудия, утюжили щели, но остановились, подорванные гранатами.

Увидев подбитые «королевские тигры», немцы отхлынули назад, их артиллерия замолчала, бой кончился.

Бадигин опустился на дно траншеи, приложился щекой к прохладной глине. У него кружилась голова, жгло плечо. Кровь стекала по рукаву гимнастерки, капала с пальцев.

— Сержант... Миша... — Кравченко, прикрывая ладонью опухший глаз, смотрел на Бадигина вторым глазом, тараща его и как будто не верил, что его командир может быть ранен.

— Товарищи, сюда! — позвал он, а сам все еще рассматривал Бадигина.

Бойцы подняли сержанта, положили на кучу зеленой картофельной ботвы, разорвали гимнастерку, перевязали рану. Бадигину стало неловко перед ними. Он превозмог слабость, приподнялся.

— Надо похоронить товарищей...

Уже вечерело. Было тихо. Из леса слышались голоса птиц, пахло цветами, пестревшими на опушке, и гарью. Похоронив товарищей, бойцы приводили в порядок по-

зиции, пытался отремонтировать орудие Бадигина. Оно было целее других, на нем требовалось заменить колесо, но оказалось, что это невозможно — лопнула ось.

— И не надо, — сказал лейтенант Маслов, — сюда идет замена. Соберитесь на отдых.

Он был ранен, сильно хромал, опираясь на палку, срезанную в лесу.

— А ты отправляйся в санбат, — приказал он Бадигину.

Бадигин молча кивнул, но когда лейтенант ушел, остался со своим расчетом. На заходе солнца их сменила новая батарея, и в траншею пришла другая рота пехотинцев.

За этот бой Михаил Бадигин в числе многих своих товарищей был награжден орденом Славы III степени. Рана его оказалась не опасной, скоро она зажила, и он остался на плацдарме. Батарею укомплектовали новыми орудиями, пополнили людьми...

Полнение составляли солдаты, прошедшие всю войну, вернувшиеся из госпиталей, переброшенные с других фронтов. На их гимнастерках сияли ордена, медали. Бойцы пришли прорывать оборону фашистов, наступать дальше — на Берлин, кончать войну.

Прорыв начался 12 января 1945 года.

Расчет орудия Бадигина входил в состав стрелковых войск и всегда выдвигался на танкоопасные участки. Недаром полк именовался так длинно: 266 гвардейский армейский истребительный противотанковый артиллерийский Нижне-Днепровский Краснознаменный, орденов Суворова, Кутузова и Богдана Хмельницкого. Он уничтожал «королевских тигров» и просто «тигров», самоходки и «пантеры». Полк поддерживал пехоту, когда ей было трудно и не отставал от нее, когда она наступала.

Представляя старшего сержанта Бадигина к ордену Славы II степени, командир полка подчеркнул именно

эту неразрывность расчета орудия и пехоты: «За весь период наступления непрерывно находился со своим орудием в передовых подразделениях пехоты».

...И вот пришел день, когда колеса орудия катились по мощным улицам Берлина. Штурмовая группа продвигалась вдоль домов, следя за окопами, а расчет толкал перед собой орудие прямо по середине улицы, готовый развернуть его в любую сторону. Улица вела к рейхстагу. На соседних гремели танки, трещали выстрелы, а на этой было тихо. Это настораживало. Пехота чувствует себя плохо, когда тихо. Ожидается засада, удар с фланга, с тыла.

Бадигин с автоматом наготове шел впереди орудия, всматривался в проулки, в подъезды домов, заглядывал во дворы. Грохот боев у соседей мешал слышать своего противника. Многие дома горели, подожженные во время артподготовки, рушились целые стены, звенело стекло, во дворах металась и кричали женщины и дети, но ниоткуда не стреляли, и это была «тишина» угнетающая, страшная, ощутимая нервами.

И вдруг из-за угла полуразрушенного дома показался ствол. Он выползал, под ним показались гусеницы, потом вся самоходка.

— Стой! — крикнул Бадигин, бросаясь к орудию, и сам, встав за наводчика, повернул ствол на самоходку, стал наводить.

Расчет отбежал на тротуар, пехотинцы замерли, прижимаясь к стенам. Место оказалось таким, что не было ни подъездов, ни ворот, а окна были высоко—не запрыгнуть в них. Все смотрели на самоходку, ожидая, что будет. Она тоже остановилась. Ее орудие разворачивалось на пушку. Секунды решали все. Бадигин успел подумать «нельзя промахнуться» и наводил точно под ствол самоходки. Нервы его напряглись, он перестал ощущать себя, а когда делал выстрел, подумал о пустяке, кото-

ей неизвестно почему пришел в мысли: «Куда я дел автомат?».

Резко грянул выстрел, и одновременно качнулась самоходка, из нее вырвалось пламя. За ним повалил густой дым, и следом прогремело несколько взрывов, слившихся в гул,— это в самоходке взорвался боезапас.

Пехота бросилась вперед, расчет подбежал к орудию и снова покати́л его по середине улицы. Но на перекрестке опять остановились. Из окон двух домов ударили пулеметы, автоматы, завязался бой. Он был недолгим. Подошедшие с флангов соседи ворвались в дома и уничтожили засевших там фашистов.

Это был последний бой Михаила Петровича. 2 мая он с бойцами расчета был в толпе солдат на площади рейхстага, смотрел на купол, на знамя над скульптурной группой, на колонны и на пробоины в стенах, и как все вспоминал, сколько пройдено, что пережито на пути к этому красивому, но чужому зданию.

9 мая 1945 года командир полка, заканчивая описание подвигов Михаила Петровича Бадигина, написал: «За смелость и отвагу, проявленные в боях по овладению столицей фашистской Германии городом Берлин, достоин награждения орденом Славы I степени».

БОЙ В ОКРУЖЕНИИ

Байтурсунов Насир родился 17 ноября 1915 года в селе Кокмерен Джумгальского района Наринской области. До войны окончил учительский техникум, работал в школе.

15 февраля 1943 года Джумгальским военкоматом был призван на военную службу. Воевал на Брянском, 2 и 1 Белорусском фронтах. Форсировал реки Дзержин, Березину, Вислу, Одер, Шпрее. Освобождал Белоруссию, участвовал в боях на польской земле, в Восточной Померании и Силезии, в Берлинской битве.

Насир Байтурсунов один из немногих воинов, кто за подвиги храбрости, мужества и бесстрашия награжден четырьмя орденами Славы (два III степени). Указом Президиума Верховного Совета СССР от 31 мая 1945 года он награжден орденом Славы I степени. В числе отличий есть орден Красной Звезды и медаль «За отвагу».

Сейчас ветеран войны работает в колхозе «Рассвет» Сокулукского района.

Ранним утром 17 апреля войска 33 армии начали форсировать Одер. Было ветрено, холодно, по реке шли пенные волны, над ней летели низкие рваные тучи, временами моросил дождь.

Немцы встретили наступающих огнем почти из всех видов оружия. Река кипела от разрывов мин и снарядов, туманом поднимались фонтанчики от пуль.

Понтон с орудием сержанта Байтурсунова причалил к берегу недалеко от одинокого, полуразрушенного дома. В нем засел пулеметный расчет, но под натиском пехоты он умолк. Бойцы заняли позицию в этом доме.

За ним расстилалось небольшое поле, дальше начинала зеленеть липовая роща, слева закрывала горизонт деревня с острым шпилем кирхи в центре, справа местность холмилась — там гремел бой, что-то горело, выбрасывая в небо густые клубы дыма. Здесь пехотинцы не смогли ворваться ни в рощу, ни в деревню. Пулеметы перекрестным огнем прижали их к земле на поле. Они спешно окапывались, чтобы удержать плацдарм. Их поддерживало орудие Байтурсунова. Остальная батарея высадилась немного правее и вела бой с самоходками, которые пытались ударить по главным нашим силам с фланга.

Вдруг из деревни вышли еще четыре самоходки. Ведя огонь, они спешили на помощь своим.

— Огонь по «фердинанду»! — приказал Байтурсунов.

Самоходки шли мимо домика, выходили на поле, где окапывалась наша пехота. Наступила критическая минута. Гусеницы «фердинандов» могли смять позиции пехоты. За ними бежали автоматчики.

— Огонь! — командовал Байтурсунов. — Бронебойным!

Орудие стреляло на предельной скорострельности. Его снаряды рвались впереди самоходов, но вот один блеснул на броне, самоходка «споткнулась», встала и густо задымилась, а через минуту встала вторая, обогнав

первую на десяток метров. Остальные две поспешно свернули в рощу и, ломая деревья, скрылись в ней. Автоматчики отступили назад в деревню, их скрыл дым горящих самоходок. Он, как нарочно поставленная дымовая завеса, встал между деревней и полем и заволакивал деревню.

— Вперед! — приказал Байтурсунов. Он спешил воспользоваться дымовой завесой, на ходу объяснял расчету свой план боя. Но этого и не требовалось. Расчет и так понимал его и правильно оценивал обстановку.

Они ворвались на окраину деревни, заняли двор у перекрестка улиц и только теперь оглянулись. Пехота не поддержала их, замешкалась, а потом была снова прижата к земле пулеметами, строчившими из рощи.

Два других пулемета оказались по соседству за перекрестком, в палисаднике углового дома, но они молчали, ожидая, когда рассеется дым, скрывший от них поле.

Байтурсунов и наводчик Кузнецов видели их с мансарды «своего» дома и тоже не могли открыть огонь — мешал кирпичный забор, огораживающий усадьбу, которую они заняли. Вдоль забора шла дорога на лужайку у рощи. Там под стеной крайнего дома расположился еще один пулемет, ударивший по нашей пехоте с фланга. Байтурсунов показал на него наводчику. Кузнецов, понимая, кивнул и бегом спустился во двор. Через минуту орудие открыло огонь. Второй снаряд накрыл пулемет, он замолчал, а автоматчики, что были неподалеку, недоуменно озирались по сторонам, не понимая, откуда ударило орудие.

Байтурсунов смотрел на них в бинокль и усмехался. Но вдруг недалеко начали рваться мины. «Нас все-таки, zaseкли», — понял Байтурсунов.

— Орудие в укрытие! — приказал он.

Расчет, не мешкая, закатил орудие в сарай, а сам занял круговую оборону, понимая, почему командир спустился с мансарды и залег у ворот. Они давно научи-

лись понимать его короткие команды, жесты или просто взгляд.

Две мины одна за другой попали в дом. Он вспыхнул факелом. Горела внутренняя деревянная отделка. Через несколько минут крыша и одна стена рухнули. Несколько мин попали и в надворные постройки, но кирпичные, они не горели, только остались без крыш.

Обстрел прекратился, немцы посчитали, что покончили с оружием, перенесли огонь на пехоту.

Байтурсунов залез на оголенные стропила сарая, укрылся за остатками черепицы и некоторое время высматривал минометную батарею. Она оказалась на опушке леса. Ее заметила наша батарея и уже пристреливала, а заодно вела огонь по всей опушке, подавляя пулеметные точки. Немцы начали отступать в деревню, пошли прямо на оружие Байтурсунова.

— К бою! — приказал он.

Расчет выкатил оружие и встретил их картечью. Они шарахнулись влево за дома, где укрывались те два пулемета, по которым не могло стрелять оружие.

Наша пехота поднялась, захватила рощу, но в деревню не могла ворваться, мешали все те же пулеметы. Развернувшись, они вели огонь вдоль забора, пристреливали всю лужайку.

«Шайтан, настоящий сволочь!» — выругался Байтурсунов. Он подозвал бойцов расчета, сказал прямо:

— Надо выйти на улицу, другой позиции нет.

Бойцы молчали. Они были готовы выполнить приказ, но Байтурсунов не приказывал, советовался, и они думали, искали способ уничтожить пулеметы с меньшим риском.

— Товарищ сержант, разреши, отвлеку их, — наконец сказал замковой.

— Как?

— Гранатами. Попроюсь через улицу и — из соседнего дома...

— Давай. Взрыв двух гранат будет сигнал для нас. По этому сигналу мы выходим на прямую наводку.

— Ясно.

Замковой ушел. Расчет приготовил оружие, распахнул ворота. Было условлено сделать три выстрела и, если промах,— отходить назад.

— Нет уж, я попробую без промаха,— сказал Кузнецов,— только прицел не подвел бы.

Потянулись минуты ожидания. Все заметили, что день уже перевалил за половину, что кругом стало тихо. Молчала наша батарея, не стреляли немцы, и гул боя за холмами укатился так далеко, что едва слышался.

— Птички поют...— удивленно проговорил заряжающий.— Соловьи, что ли?

В роще посвистывали сойки, щелкали скворцы. Расчет стоял по местам у оружия, прислушивался, словно боялся пропустить взрывы гранат.

— Вперед! — приказал Байтурсунов, как только они прогремели.

На улице поднялась суматоха. Немцы стреляли по дому, в котором спрятался замковой, пулеметчики лежали за пулеметами и только оглядывались.

— Огонь!

Оружие рывнуло, зазвенела гильза, в палисаднике рванул взрыв — один, второй, третий — там все смешалось, поднялось до крыши, окуталось дымом.

— В укрытие!

Автоматчики выскакивали из соседних домов, стреляли куда попало, а из проулка выходил бронетранспортер, и за ним бежали пехотинцы. Они видели одинокое оружие, стреляли по нему, начинали окружать.

— Занять круговую оборону!

Расчет оставил оружие во дворе, рассыпался по построикам, и в это время из рощи докатилось «ура!». Оно приближалось, его заглушал треск автоматных очередей, взрывы гранат.

Наша пехота ворвалась в деревню, сминала сопротивление врага, гнала его.

Много лет спустя, Байтурсунову показали наградной лист, в котором описывался этот бой. Прочитав, он улыбнулся: «Восемь часов вел самостоятельные бои в условиях окружения».

— Разве это главное?

— А что? — спросили его.

— Те минуты, которые мы были на улице.

— Почему?

— Другие Берлин брали, война кончалась, а мой расчет под пулеметы вышел. — Это герои...

Работники военкомата переглянулись, каждый подумал примерно одно: «Если расчет — герои, то кто же тот, кто вдохновлял их?». И всем захотелось еще раз пересчитать его наградные листы. В первом писалось:

«Сержант Байтурсунов в бою 26 июня 1944 года при прорыве обороны противника на западном берегу реки Друть (Белоруссия) огнем своего орудия разбил 3 огневых точки противника, чем способствовал быстрому захвату первых траншей противника.

В бою 25 июня 1944 года, отбивая контратаки противника, подбил одну самоходную пушку «фердинанд» и уничтожил трех фашистов.

Достоин правительственной награды ордена Славы III степени».

Во втором:

«В бою 29 июня 1944 года под населенным пунктом Дешница точным огнем своего орудия разбил 6 автомашин и уничтожил одну зенитную точку противника на переправе через реку Березина.

В бою 30 июня 1944 года, отбивая четыре контратаки противника, разбил 3 пулеметные точки и уничтожил 20 немцев.

Награжден вторым орденом Славы III степени».

Далее:

«В бою 14 января 1945 года при прорыве обороны противника на западном берегу реки Вислы, сопровождая огнем своего орудия подразделение полка, разбил 7 пулеметных точек противника, подбил 3 автомашины с военным грузом и одну самоходную пушку «фердинанд», истребив при этом 15 немцев. Достигнув четвертой траншеи противника, рассеял и частично уничтожил вражескую орудийную прислугу, в результате чего было захвачено 4 немецких орудия.

Награжден орденом Славы II степени».

За свой последний подвиг, когда он на протяжении 8-ми часов вел самостоятельные бои в условиях окружения и решил успех боя за населенный пункт, сержант Байтурсунов был удостоен высшей солдатской награды — ордена Славы I степени.

Почетно стать солдатским героем, заслужить три ордена Славы, но еще почетней получить четвертый.

В УСАДЬБЕ ГУТТА

Булапаков Дмитрий Григорьевич родился 23 февраля 1913 года в деревне Кураково Чебулинского района Кемеровской области. До войны учился в местной школе, работал на руднике.

В феврале 1942 года был призван на военную службу. Воевал на фронтах: Волховском, Ленинградском и 2 Белорусском. Освобождал от блокады Ленинград, воевал на Карельском перешейке, в Эстонии, участвовал в Восточно-Прусской операции и в Берлинской битве. Имеет четыре ранения. Награжден орденами Славы III, II степеней и за героизм, проявленный в боях на западном берегу Вислы, Указом Президиума Верховного Совета СССР от 29 июня 1945 года — орденом Славы I степени. В числе наград есть орден Красной Звезды, медаль «За отвагу».

После окончания войны Булапаков приехал в Киргизию и ныне живет в городе Фрунзе. Он вышел на пенсию и находится на заслуженном отдыхе.

Июнь тысяча девятьсот сорок четвертого был жарким. Наши войска наступали и днем и ночью, освобождая от врагов Советскую землю. Позади уже осталась река Сестра, линия Маннергейма. Полк наступал на Выборг.

Головной дозор, в составе которого был Буланакон, двигался по шоссе. Неожиданно группа была атакована. Дозору пришлось занять оборону. Противник, имея взвод, пять раз пытался выбить наших бойцов с занимаемого рубежа.

Когда финны отступили после пятой неудачной атаки, наши бойцы бросились в контратаку. Завязалась рукопашная. Соппротивление противника было сломлено, финны скрылись в лесу. Только теперь Дмитрий почувствовал слабость. Он был ранен, но отказался идти в сапбат, хотел участвовать в штурме Выборга.

Наши войска вышли на Советско-Финляндскую границу.

За смелость и мужество в бою Дмитрию Буланакону 21 июня перед строем полка был вручен орден Славы III степени. Произошло это в Выборге, на другой день после его освобождения.

В сентябре 1944 года начались бои за освобождение Эстонии. 46-я стрелковая дивизия действовала севернее Тарту. В этих боях Дмитрий Буланакон снова показал свое умение воевать. Он был уже младшим сержантом, командиром отделения. Противник, защищая дорогу, ввел в бой свежие силы. Плотный минометный и пулеметный огонь прижал нашу пехоту к земле. Буланакон поднял голову, огляделся. Мины рвались среди пехотинцев.

«Надо вырваться вперед», — подумал он и вскочил. За ним поднялись и побежали другие. Сначала бойцы его отделения, а потом весь взвод. Громкое «ура» догнало его у немецких траншей. Через несколько минут они были захвачены — бой закончился.

В городе Тарту, в канун 27 годовщины Октября младший сержант Буланакон был награжден орденом Славы II степени.

Из Эстонии дивизия вступила на польскую землю.

Большая богатая усадьба на берегу Вислы называлась Гутта. Господский дом был разрушен. Во дворе, вымощенном камнем, зияли глубокие воронки, несколько срубленных снарядами деревьев образовали завал, часть решетчатого забора упала на живую изгородь и примяла её. Но целыми остались подсобные постройки: конюшня, коровник и дом прислуги.

Вывод занял оборону и первые два дня только слышал грохот боев на соседних участках плацдарма. На третий день сержант сходил к командиру роты узнать, какой будет приказ. -

— Что-то мы застряли, — сказал он.

Старший лейтенант был так же расстроен бездействием.

— Приказано укрепить оборону, — сердито ответил он на предложение Буланакон наступать.

Буланакон вернулся в усадьбу и, проверив часовых, уже хотел заняться письмами домой, но раздался крик: «Танки!»

В поле, за поваленным забором, показались танки, за ними, пригибаясь, бежала пехота.

— По местам, к бою! — скомандовал Буланакон.

Бойцы бросились в траншеи, готовили оружие, и вскоре расчеты противотанковых ружей открыли огонь.

Фашисты залегли в стерне, ожидали, когда танки покажут огневые точки. Два танка шли на развалины господского дома, полагая, что там главный узел обороны. Третий танк стрелял по надворным постройкам. За ним шла самоходная пушка. Потом она остановилась и открыла огонь по саду, примыкавшему к двору. Атака была спокойной, словно немцы знали, что перед ними всего один вывод, и думали смять его без особых усилий.

Огонь наших противотанковых ружей вначале не давал никаких результатов. Танки были далеко и приближались медленно. Буланакوف приказал прекратить огонь, беречь патроны, подпустить танки ближе. На наших позициях стало тихо. Слышался лязг гусениц, гул моторов. А в развалинах, в саду и в постройках рвались снаряды, не причиняя никакого вреда взводу. Вскоре дом прислуги загорелся. Ветер с Вислы понес дым через наши траншеи над полем. Фашистская пехота, думая, что ее прикрывает эта дымовая завеса, начала приближаться короткими перебежками. По ней ударили наши автоматчики. Она снова залегла и стала окапываться. Два танка неожиданно повернули на сад, полагая, что их пехоту остановили огневые точки, расположенные там. Они были уже совсем близко и шли наискось вдоль наших позиций.

Буланакوف приказал открыть огонь. После нескольких выстрелов танки почти одновременно задымили, из них стали выскакивать танкисты, но они тут же попадали под обстрел наших автоматчиков. Третий танк и самоходное орудие поспешно повернули назад, но, отойдя на середину поля, остановились и повели беглый огонь по двору усадьбы. Снаряды рвались за траншеями, все так же не причиняя вреда, а вражеская пехота, не успев окопаться, открыла беспорядочную стрельбу из автоматов и карабинов. Пули заройлись над траншеями, защелкали о каменные постройки и, рикошетируя, жужжали, улетая в сторону Вислы.

Бойцы взвода посмеивались:

— Лютуют, а чего — сами не знают...

— Патроны лишние расходуют, чтобы легче отступить было.

В это время пошел дождь. Горевший дом прислуги запарил и вскоре погас. Немцы прекратили огонь, видно было, как они спешат закончить окапывание. Танк и самоходная пушка продолжали постреливать, словно для

того, чтобы только беспокоить наши позиции. А дождь усиливался, и скоро поле покрылось лужами.

Потом за полем показалось еще два танка. Они шли на большой скорости, за ними из-под гусениц струилась жидкая грязь. Стрелявший танк и самоходка, заревев моторами, тоже пошли на наши траншеи.

Взвод приготовился встретить их противотанковыми гранатами. Передний танк часто поворачивал то влево, то вправо, расчет «пэтэра» не мог поразить его, и он, проскочив траншеи, ушел в сад, ломая и выворачивая молодые деревья. Второй — остановился подбитый. Третий — тоже проскочил траншеи, но горел, подорванный гранатами. Самоходка шла прямо на Буланакова. У него не было гранат. Он взглянул на расчет противотанкового ружья. Ружье лежало на бруствере, его первый номер пытался подняться со дна траншеи, залитой водой, но, схватившись за плечо, упал.

Буланаков бросился к ружью, выстрелил раз, второй, самоходка вильнула в сторону, остановилась. По ней били бойцы из автоматов, уничтожая выскочивший расчет. А прорвавшийся танк уходил по саду в сторону и был подорван соседним взводом.

Стрельба и грохот смолкли, остался только шум дождя. Траншеи заливало мутной водой. Бойцы промокли, были в грязи.

Финисты решили выбить взвод и вновь пошли в атаку, не дожидаясь новых танков. По сигналу белой ракеты они выскочили из своих окопчиков и бросились на наши траншеи, стреляя длинными очередями. Осколки валились, они падали в лужи, но тут же вскакивали и снова бежали, словно спешили укрыться от дождя в уцелевших постройках усадьбы.

Взвод подпустил их на расстояние прицельного огня и застал залечь, но через две-три минуты они опять поднялись в атаку. Взвод встретил их гранатами. Нем-

цы отходили к своим окопчикам, не торопясь, по двое, по трое. И тогда Буланакow поднялся на бруствер.

— Вперед, за мной! — закричал он.

Взвод бросился в контратаку. Бойцы поняли своего командира, им нужно было захватить оружие и патроны врага, иначе следующую атаку они не отобьют. Натиск был стремительным и неожиданным для фашистов. Они не успели отступить до своих окопов. Началась рукопашная.

Буланакow первым подобрал автомат убитого фашиста и поливал из него бегущих. Одни падали сраженные, другие спешили поднять руки. Бой закончился у самых окопчиков. Среди пленных оказался один офицер, а среди трофеев — несколько ручных пулеметов и ящики с патронами. «До утра хватит», — говорили бойцы, когда собрали и принесли все в конюшню. Кое-кто ломал дощатые перегородки, разводил костры, чтобы обсушиться. Пленных отправили к командиру роты.

Уже вечерело. Пасмурный день сменяли серые угрюмые сумерки. На поле показались новые танки, а за ними так же, как днем, бежала пехота. Это была четвертая атака. Взвод встретил ее в траншеях, залитых холодной водой, которую стягивало тонким ледком. Но как только прозвучали первые выстрелы «пэтээровцев», справа, из-за лесочка, резко хлопнули «сорокапятки», и головной танк вспыхнул ярким пламенем.

— Живем, славяне! — раздалось над траншеями взвода.

Горевший факелом «тигр» остановил другие танки. Пятясь, они ушли с поля. А потом гул моторов стал ослабевать и совсем затих.

Буланакow и бойцы едва держались на ногах. Мокрые, усталые, они хотели одного — согреться. И когда на смену пришло подразделение польской армии, они никуда не ушли — остались в конюшне у большого кост-

ра. Польские солдаты поделились с нашими бойцами сухими рубашками, портянками.

В бою за господский двор Гутта Буланакوف заслужил звание полного кавалера ордена Славы. Золотая звездочка была вручена ему в июне 1945 года. Но до этого дня ему пришлось еще пройти много военных дорог.

БОЕВОЕ СОДРУЖЕСТВО

Буханцов Кирилл Иванович родился 17 июля 1919 года в селе Лебединовка Аламединского района Киргизской ССР. Призван в армию Аламединским военкоматом 12 сентября 1939 года. Отечественная война застала его на кадровой службе в Ашхабаде. Боевое крещение получил под Ельней в июле 1941 года. Воевал на Юго-Западном, Московском, Западном, 1 и 2 Украинских фронтах. Освобождал Белоруссию, участвовал в разгроме немцев в Корсунь-Шевченковском «котле», прошел с боями Румынию, Венгрию, Чехословакию. Получил три ранения, две коштузии.

Подвиги Буханцова отмечены высокими наградами — орденами Отечественной войны II степени, Славы трех степеней, медалями «За отвагу», «За оборону Москвы» и другими. Орденом Славы I степени он награжден Указом Президиума Верховного Совета СССР от 15 мая 1946 года.

Сейчас Кирилл Иванович живет во Фрунзе и свыше двадцати лет работает в сфере бытового обслуживания.

В первом наградном листе на Буханцова записано: «В февраля 1945 года в бою на восточной окраине селения Митровицы (Чехословакия), выполняя обязанности парторга роты, своим примером мужества и отваги, воодушевляя бойцов, умело продвигаясь вперед, подполз к пулемету противника, броском гранаты подавил огонь и уничтожил расчет, чем обеспечил проход бойцам, продвигавшимся вперед. Достоин награждения орденом Славы III степени»...

Путь 133 стрелковой Смоленской дивизии, входившей в состав 40-й армии, лежал к городу Зволену — крупному промышленному центру, важному узлу дорог в Карпатах.

Было начало марта — распутица. Ручьи превратились в реки, шли дожди, по ночам случались заморозки, выпадал снежок. А в лесу лежал еще зимний зернистый снег.

Холмистую местность немцы использовали, превращая каждую высотку в укрепленный рубеж, а деревни — в узлы обороны.

Взвод подходил к одной из деревушек по ложбине, заросшей кустами шиповника, смородины и черемухи. Недалеко от окраины Буханцов приказал сосредоточиться для броска. Надо было перебежать небольшой пустырь. По данным разведки, враг ожидал атаки со стороны кладбища. Там было удобно маскироваться, и они готовились встретить атакующих пулеметами, а здесь, за заборами огородов и садов, оставались только автоматчики, прикрывающие фланги.

— Приготовить гранаты! — приказал Буханцов.

Бойцы расположились двумя цепями, ожидали сигнала. Грязные, мокрые, они были суровыми, готовыми сокрушить на своем пути все. И вдруг со стороны огородов послышалась музыка. Какой-то фашист заиграл на губной гармошке.

— Сволочи, сухие сидят., проговорил командир первого отделения.

— Ударим гранатами, — отозвался Буханцов.

По цепям передали: «приготовить гранаты», а через минуту все пришло в движение. Взрывы гранат, очереди автоматов, крик «ура» слились в привычный гул штурма. Бойцы опрокинули противника и гнали его через деревню, пока не услышали команду: «Прекратить преследование, закрепиться, занять оборону!».

Буханцов видел, что силы неравны, и, если выйти в поле, враг может уничтожить взвод. Внезапность принесла успех, но дальше нельзя рисковать. Да и приказ был определенным: занять деревню и удерживать ее до подхода подкрепления.

Взвод остановился, спешно занимал оборону. На улице появились жители деревни, кое-кто из мужчин подбирал брошенное немцами оружие, просился принять «в войско».

Буханцов не знал как поступить. Никаких указаний на этот счет не было. Чехи впервые пришли с такой просьбой.

Румынская 4 армия уже воевала против немцев. Она шла вместе с 40 армией 2 Украинского фронта. Буханцов однажды участвовал в бою, где румыны дрались рядом с русскими.

— А вы умеете воевать? — спросил он, желая оттянуть время, чтобы подумать, как же быть.

— Приходилось, — отвечали они.

— Будешь командиром у своих, — сказал Буханцов, обращаясь к одному из мужчин.

Буханцов снял свою шапку, отцепил с нее звездочку и прикрепил на войлочную шляпу чеха. Это действовало магически. Чехи подтянулись, выстроились в подобие строя и старательно выполняли приказы своего нового командира. Вместе с бойцами, он объяснил тем, кто не умел стрелять, как это делать, и заставил каж-

лого выстрелить. Некоторые закрывали глаза и отворачивались, но бойцы не смеялись над ними. Было понятно, как довели этот мирный народ до того, что он сам берется за оружие, хотя и не знает, как стрелять.

Вскоре вернулись два бойца, посланные в разведку, и доложили, что фашисты остановились за полем под лесистой горой и наблюдают за деревней. У них один бронетранспортер. Количество немцев установить не удалось.

Вывод Буханцова захватил только один пулемет, тридцать шесть автоматов и карабинов. Оружие убитых тоже досталось взводу.

А время шло... Немцы опомнились, перегруппировались, обошли деревню со стороны кладбища, готовясь контратаковать оттуда.

День был солнечный, окрестности обозревались хорошо (деревня стояла на пригорке), маневр врага разгадывался просто.

Буханцов с частью взвода занял позиции перед кладбищем, остальные бойцы вперемишку с чехами закрепились со стороны лесистой горы. Началось томительное ожидание боя.

Деревня затихла. Женщины и дети попрятались, собаки, ощутив необычную тишину, настороженно прислушивались к ней, а фашисты почему-то мешкали. Они могли беспрепятственно занять кладбище, атаковать с него, а вместо этого концентрировались на окраине леса, собирались брать кладбище штурмом.

— Не видят, что ли? — удивлялся Буханцов.

Они готовились открыто. Бронетранспортер вышел на край леса. Цепи автоматчиков тоже выдвинулись и только ждали сигнала. «Тут что-то не то», — сомневался Буханцов. Он послал бойца на колокольню осмотреть окрестность в тылу и, когда боец вернулся с докладом, все понял. Враг пытался выманить взвод на кладбище, чтобы контратакой с тыла вернуть деревню. Там, за по-

лем, приготовилась вторая группа фашистов, которая скрытно по лесу зашла в тыл.

«Такая петрушка нам не ко двору»,— решил Буханцов. Он приказал двум отделениям и пулеметчикам занять новую позицию со стороны поля, а сам, с отделением и отрядом чехов «клюнул» на хитрость немцев, начал занимать кладбище. В ту же минуту двинулся бронетранспортер, фашисты пошли в контратаку, поливали пулями кладбище, что-то орали, но дойдя до половины ложбины, залегли в кустах и продолжали беспорядочную стрельбу, стараясь привлечь внимание. А тем временем по полю с другой стороны короткими перебежками приближалась основная группа. Ее подпустили на расстояние прицельного огня и, когда она бросилась в атаку, били по ней в упор. Потеряв больше половины состава, она откатилась в лес.

Вторая атака при поддержке бронетранспортера кончилась тем же. Бронетранспортер, встреченный гранатами, поспешил отойти на безопасное расстояние.

Наступила тишина. Солнце уже склонялось к вершинам гор. На лес напозла тень, он почернел, стал угрюмым, ветер глухо шумел в нем.

Фашисты ушли из ложбины. Взвод и отряд чехов вернулись в деревню на первые позиции. И тут на улице появились женщины и дети. Они принесли бойцам и своим родственникам обед, как в страду на поле, так же подсаживались и смотрели, чтобы все было съедено. Раненых окружили заботой, обмыли раны, перевязали чистым полотном, накормили и разобрали по домам.

Перед заходом солнца в лесу, там, где скрылись немцы, загремел бой. Буханцов и бойцы не знали, что там происходит, приготовились к обороне. Но скоро выяснилось, что это на помощь взводу пришли наши. А через час в деревню вступили передовые части полка.

Буханцов нашел командира батальона, доложил

о выполнении задания и получил разрешение вывести взвод на отдых.

На рассвете следующего дня полк двинулся в сторону Зволена. Несколько дней длились ожесточенные бои на улицах города. Лишь 14 марта он был полностью освобожден.

Войска 40-й армии продолжали наступление в горах. По шоссе, грунтовым и проселочным дорогам, по бездорожью и заболоченным поймам рек, в обход опорных пунктов, через завалы и минные поля шел вперед со своим взводом старшина Буханцов.

Путь преградила река Ваг и город на ней. Тренчин — военно-промышленный центр, где находились крупнейший танкостроительный и ремонтный заводы.

Фашисты оборонялись изо всех сил, но не смогли остановить наше наступление. Армия взяла город и пошла дальше.

Ранним апрельским утром, используя последние минуты сумерек, «эскадра» подручных плавсредств с двумя взводами бойцов форсировала очередную водную преграду. Десант был обнаружен у самого берега, и это спасло бойцов. Высадка происходила уже под артиллерийским и ружейно-пулеметным огнем.

Буханцов собрал свой взвод, отвел его по берегу вниз и вывел на обрыв. Стремительно продвигаясь вперед, взвод прорвал оборону противника и устремился к железнодорожной станции Мельчихе. После короткой схватки, станционное здание было захвачено.

Вскоре подошел второй взвод. Общими усилиями они захватили всю станцию.

В следующем бою, на пути продвижения батальона, Буханцов лично уничтожил в рукопашной схватке 12 фашистов. Будучи раненым, он не вышел из боя, а продолжал вести огонь и командовать взводом.

8 мая 1945 года он стал полным кавалером ордена Славы.

КОМАНДИР ОРУДИЯ

Вертиков Алексей Георгиевич родился 3 марта 1922 года в деревне Козинка Левинского района Орловской области. В 1939 году родители Вертикова переехали в село Беловодское Киргизской ССР. В 1942 году был призван на военную службу. В ноябре 1943 года, под Киевом принял первый бой. Воевал на Центральном, Брянском и 1 Белорусском фронтах. Освобождал Ковель, Калининичи, форсировал Припять, Буг, Вислу, Одер, участвовал в боях в Померании, в Силезии, штурмовал Берлин.

Дважды ранен, контужен.

За боевые подвиги Вертиков награжден орденами Красной Звезды, Славы трех степеней и боевыми медалями. Орденом Славы 1 степени он награжден Указом Президиума Верховного Совета СССР от 15 мая 1946 года.

В наши дни Алексей Георгиевич живет в селе Калининское.

Известие о войне застало Алексея в Новосибирской области. Он работал в совхозе «НКВД». Ему было девятнадцать лет. Он мог идти на фронт, но дирекция совхоза не отпускала, выдала «бронь», и только в октябре ему удалось вырваться оттуда под предлогом плохого здоровья родителей, которые жили в Киргизии.

Он прискал к ним в село Беловодское, а через несколько месяцев ушел в армию. Но опять ему не повезло. Вместо фронта его отправили в Алма-Ату. Там, в бывшем кавалерийском полку, он прошел занятия по курсу молодого бойца, потом, наконец, повезли в сторону Москвы. Он стал солдатом 11 кавалерийского Краснознаменного полка, входившего в состав 4-й кавалерийской гвардейской дивизии.

В мае 1942 года его послали учиться в корпусную школу младших командиров. Учеба не прекращалась ни днем, ни ночью. Марши, стрельбы, тактические учения чередовались друг с другом. На занятиях руководитель говорил: командир противотанкового орудия должен быть человеком молниеносного соображения, моментально ориентироваться, быстро считать. Мыслить в два-три раза быстрее, чем движется танк. Тогда смысл слова «противотанковая» обретет реальную силу.

Прошли весна и лето 1943 года. Фронт приближался к Киеву. И только на Днепре Вертиков увидел фашистов — не пленных, понуро идущих в наш тыл, а ошеломленных неудачами, поджигающих деревню, чтобы она не осталась на земле.

Первый бой. Он самый страшный. У Алексея подгибались ноги, душа замирала, а потом было нестерпимо стыдно, думалось, что все знают, как он боялся умереть. Это было в конце ноября, под деревней Хатки, южнее Киева. Но другое мнение было у командира полка.

«Товарищ Вертиков в боях за деревни Остражанка и Кочуры, будучи командиром орудия, проявил исключительную смелость и отвагу. Огнем своего орудия он

уничтожил 2 миномета, 3 брочки с боеприпасами, кухню и до 20 солдат противника».

Зимой Алексей забыл пережитое в первом бою, воевал умело, с ненавистью, казалось, не ведал страха и заслужил первую награду — орден Славы III степени.

А потом пришел «трудный» бой. Все бои нелегкие, но бой под деревней Залесично в Польше выдался особенно тяжелым.

Стрелковый взвод, которому было придано орудие Алексея, занял позицию в густом кустарнике перед заснеженным полем. Впереди виднелась деревня...

Расчет орудия не спал, кутаясь поплотней в полушубки, натягивая на самые брови шапки. Все ожидали рассвета, а с ним и боя.

Алексей думал о бойцах. Все они воевали больше него, и тот страшный первый бой на Днепре для них был обычным, как и этот, что предстоял, а он почему-то волновался. Слишком неравные силы столкнутся, и неизвестно, когда подойдут батальоны полка. «А там, — Алексей смотрел на деревню, — не меньше двух рот, и, конечно, есть артиллерия и минометы».

С вечера, когда взвод и расчет занимали позиции, немцы обстреливали кустарник, раскрыли некоторые свои огневые точки, теперь Алексей понимал, какой силе придется противостоять.

— Коней уведите подальше, — приказал он ездовым.

— Есть! — живо отозвался Калягин. — Я на них от Москвы еду, думаю до Берлина доехать.

Он побежал к коням, и в это время в деревне ухнул первый залп. Взрывы снарядов разорвались с недолетом, потом ближе и сзади и по сторонам. Иней с кустов сыпался порошей. Земля вставала столбами взрывов, жужжали осколки, летели срезанные ветки. Всюду грохотало, дымило, все дрожало и брызгало огнем.

— Это перед атакой, — сказал Хрипунков, наводчик

орудия. Он лежал у щита и как ни в чем ни бывало закуривал.

Уже совсем рассветало, когда кончился обстрел. На окраине деревни появились немцы. Они выходили на окантину, готовились наступать широкой цепью. Наши пехотинцы отряхивались, выбрасывали из ячеек мерзлые комья земли, проверяли исправность оружия. Пулеметчики возились у пулеметов. Раненые бинтовали себя. Тяжелораненых бойцов, не нарушая маскировки, отвозили в глубину кустарника.

— Что-то в открытую готовятся, — сказал Хрипунков, глядя на немцев через прицел. — К чему бы это!

Словно отвечая ему, в деревне снова загрохотали орудия. Тут же на наших позициях вздыбились разрывы снарядов и мин, и вражеские солдаты пошли в атаку тремя плотными цепями.

— Держать на прицеле переднюю цепь! — скомандовал Алексей. Снаряд фугасный! Пристрелка! Приготовить осколочные!

Расчет действовал быстро, четко. Цепи врага вышли из поля, приближались. На позиции взвода затрещали автоматы, сухо защелкали выстрелы карабинов, но цепи не остановились. Первая цепь побежала, было видно, как из под ног разлетался сухой снег.

— Огонь! — скомандовал Алексей. Фугас разорвался в первой цепи. Алексей изменил прицел и приказал стрелять беглым, веером. Орудие заработало. Осколочные снаряды рвались в самой цепи. Было видно, как в цепях появляются бреши, как на снегу зачернели неподвижные фигуры упавших. Потом цепь залегла, открыла огонь из автоматов.

— Огонь по второй цепи! — приказал Алексей.

Снаряды рвались точно во второй цепи. Это заметили первая цепь и поднялась в атаку. Но ее встретили наши пулеметы. Они заговорили в самое подходящее время. Пулеметчики открыли огонь с обоих флангов.

Фашисты шарахнулись назад. Орудие Алексея било по ним, и на снегу оставались черные трупы.

Все посмотрели на деревню. На ее окраине копошились орудийные расчеты. Вражеские артиллеристы выходили на прямую наводку, чтобы уничтожить наши огневые точки. Алексей приказал сменить позицию, которую, видимо, засекли и готовились накрыть.

Маскируясь за кустами, расчет на руках перекатил пушку вперед, полагая, что немцы будут обстреливать глубину кустарника. Коней и боевую брчку переместили дальше в глубину.

День начинался ясный, морозный.

Пулеметчики тоже сменили позиции. Сержант, заменивший погибшего командира взвода, сам выбрал для них места и пришел к Алексею посоветоваться.

— Пожалуй, надо молчать, пока не подойдут на расстояние броска гранаты, — сказал он. — У нас гранат много, а вы, товарищ гвардии старший сержант, ударьте, когда мы пустим в ход гранаты.

Он говорил с Алексеем почтительно, хотя по званию был почти равным, а по возрасту сошел бы Алексею за отца. Его черные густые усы были уже с проседью, серые глаза смотрели умно и спокойно.

— Хорошо. Но может быть что-то изменится, — ответил Алексей. — Гранаты надо бы оставить на крайний случай. Мы картечь приготовили.

— Думаете, до вечера затянется?.. Да-а, все может быть..., — согласился сержант и ушел к своим пехотинцам.

Минут через пятнадцать фашисты повторили обстрел. Он длился недолго, но там, где были старые позиции орудия и пулеметов, земля, снег и ветки кустов не успевали оседать, словно их подбрасывали огромными лопатами и ловили на лету. Не меньше снарядов легло и в глубине кустарника, куда могли бы отойти пехотинцы, если бы поступили по немецкой тактике — ушли с пере-

дойой на время обстрела. Потом противник опять смело пошел в атаку. На середине поля, там где их утром встретили осколочные снаряды, они замешкались на минуту, но преодолели страх и бросились дальше бежать. В это время их орудия и минометы прекратили огонь.

Наступила тишина. В ней отчетливо слышались команды офицеров, подгонявших солдат. Фашисты бежали уже по чистому полю, где не было ни воронок, ни групп.

Орудие открыло огонь картечью. Пулеметы ударили в флангов. Немцы залегли, но потом продолжали приближаться по-пластунски.

— Осатанели, что ли? — спросил Хрипунков, не отрываясь от прицела. И вдруг закричал: — Не вижу! Кусты мешают!

— На колеса! — приказал Вертиков.

Расчет выкатил орудие на прямую наводку. Его закатили из деревни, открыли огонь. Снаряды рвались вокруг, свистели осколки, позицию заволакивало дымом. Но огонь орудия остановил атакующих немцев. Они попятнулись назад, и в это время справа пошел в атаку подоспевший наш батальон. Он преследовал немцев, косил их огнем автоматов и с ходу ворвался в деревню.

За участие во взятии деревни Залесично, Вертиков был награжден орденом Славы II степени.

Потом были еще бои. Фронт катился на запад, к Берлину, и, там, в городе Штральзунде, пришла победа.

Командир полка писал в последнем наградном листе: «В боях с немецкими захватчиками с 15 апреля по 1 мая 1945 года товарищ Вертиков из своего орудия вел непрерывный огонь, метко поражая огневые точки и живую силу противника. В бою за населенный пункт Бридики 30 апреля 1945 года товарищ Вертиков под

сильным вражеским огнем выкатил свое орудие на открытую позицию и прямой наводкой уничтожил 1 самоходку, 6 огневых точек и до 30 солдат и офицеров противника».

Наградной лист был подписан 18 мая 1945 года.

Указом Президиума Верховного Совета Союза ССР от 15 мая 1946 года Вертиков награжден орденом Славы I степени.

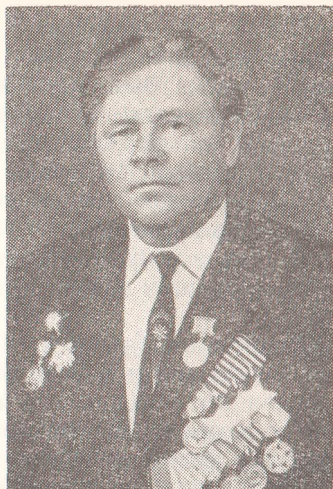

ЗА ЛИНИЕЙ ФРОНТА

Герасимов Михаил Кузьмич родился 20 октября 1920 года в селе Ребрихи, Ребрихинского района Алтайского края. В армию был призван осенью 1940 года. Фронтная служба зенитчика Герасимова началась под Великими Луками в августе 1941 года. В 1942 году он окончил курсы воздушных стрелков. Воевал на Калининском, Воронежском, 1 и 2 Украинских фронтах. 226 боевых вылетов совершил Герасимов, на его личном счету 5 сбитых самолетов.

За мужество и героизм Герасимов награжден орденами Красной Звезды, Отечественной войны II степени, Красного Знамени и Славы трех степеней. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 15 мая 1946 года он награжден орденом Славы 1 степени.

С 1965 года Михаил Кузьмич живет и работает в городе Фрунзе.

После освобождения Киева 6 ноября 1943 года многие летчики и воздушные стрелки 90 гвардейского штурмового полка были награждены орденами. В их числе был и Герасимов. Его наградили сразу тремя орденами: Красной Звезды, Отечественной войны II степени и орденом Красного Знамени.

«За отличное выполнение 76 боевых вылетов», — говорилось в приказе...

В то время шли тяжелые бои на переправах через Днепр, авиация всеми силами помогала наземным войскам.

Ранним ноябрьским утром ИЛ-2 с бортовым номером 4 вылетел в район Винницы на разведку. Там находился штаб фашистской группы войск «Юг». Оттуда шло подкрепление на оборону «Восточного вала», за которым фашисты думали удержаться, остановить наступление советских войск. Надо было знать, что там делается, куда перебрасываются резервы.

Летчик, лейтенант Ваулин, и воздушный стрелок Герасимов готовились к этому полету два дня. Изучали карту, обстановку на фронте, готовили самолет и оружие.

И вот под крылом Днепр. Несмотря на ранний час, на его берегах грохочут орудия, клубится дым, белеют охваченные пеной всплески разрывов, серыми муравьями плывут лодки. Потом он остается сзади. Дальше тянулись паутина дорог, села, рыжие поля в стернях, зеленые луга в побелевшей отаве со скирдами сена, впереди, на горизонте, голубоватая дымка, в которой угадывался позолоченный осенью лес. Когда пролетали над ним, попали в зону обстрела зениток. Один снаряд задел хвост. Их тряхнуло, сбило с курса, но больше ничего не случилось.

— Лететь можно, — сказал Ваулин.

Герасимов видел пробойну и удивлялся, почему не было взрыва. Снаряд, как болванка, прошил хвост и упал

визит. Летчики и воздушные стрелки часто видели «висячие» снаряды. Достигнув предела в своей высоте, они останавливались и потом падали. На этот раз было то же самое, только снаряд прошел через хвост ИЛа.

«Если бы он разорвался, мы бы уже падали», — спокойно думал Герасимов, наблюдая за воздухом. В полете и в бою он был обязан видеть все, как в небе так и на земле. Иначе их атакуют и собивают. Летчик ведет самолет, видит только прямо по курсу — он занят, за остальным должен наблюдать стрелок.

Позолоченный лес кончался, за ним раскинулся широкий луг со скирдами, с деревнями, окруженными почерневшими садами.

— На опушке батареи, — доложил Герасимов.

— Вижу, — ответил летчик, и в этот момент самолет подбросило, тряхнуло, и он развалился надвое: хвост полетел в одну сторону, фюзеляж с экипажем — в другую.

— Прыгай, Миша! — Крикнул Ваулин.

Герасимов вывалился за борт, дернул за кольцо парашюта...

Внизу зеленел последней отавой луг, скирды, как мохнатые холмы на кладбище, были черными. Лес остался далеко сзади, Михаила несло к деревне. «Нельзя туда», — думал он, подтягивая стропы, чтобы уменьшить снос от ветра.

Земля приближалась быстро. Он упал, его накрыло парашютом.

«Скорей, скорей», — торопил он себя. Надо было сбросить парашют, подальше уйти от места приземления, спрятаться до ночи, потом найти товарища и пробраться к своим.

«Почему я не видел его парашюта — думал он, когда остановился у скирды, чтобы перевести дух. На лугу было тихо, безлюдно. Две вороны, каркая, летели в сто-

рону леса. Солнце набирало высоту, сохла роса. От скирды пахло прелым сеном.

«Видно дожди были, когда косили», — машинально отметил Герасимов. От скирды к скирде, оглядываясь и прислушиваясь, он уходил дальше, и вдруг подумал: «Зачем? Если немцы из деревни видели и будут искать с собаками, то никуда не уйти, а если не будут искать, то уходить от деревни глупо — с голоду подохну». Он вернулся к ближней скирде, вырыл в ней нору и, стараясь замаскировать следы, спрятался.

Прошло минут десять. Сидеть ничего не видя, слышать только шуршание мышей, стало невозможно. И он решил выбраться, посмотреть, что делается вокруг.

На лугу по-прежнему было тихо, пустынно. В деревне пели петухи, дымились печные трубы. Из леса слышалась стрельба. Солнце стояло высоко, по небу плыли рваные тучи. Земля была сырой, холодной — ожидала снега.

«Где же Анатолий» — думал Герасимов, всматриваясь вдаль. Почерневшие от дождей скирды стояли угрюмо, тоскливо. Ему представлялось, как здесь былолюдно во время сенокоса. Он вырос в Алтайской деревне, любил пору сенокоса и сейчас почувствовал нестерпимую тоску, подумал, что, может быть, сегодня или завтра на него наткнутся фашисты и все кончится.

Месяц назад ему исполнилось двадцать три, жить хотелось долго, жизнь казалась чудом. Он вспомнил товарищей по эскадрилье, своего летчика Анатолия Ваулина и, испытывая злость на тех, кто сбил его, поклялся vybrать отсюда живым.

Время тянулось медленно. День кончался словно пехотя. Солнце клонилось к горизонту, путаясь в тучах. Тени от скирд перечеркнули луг, на нем поднимался серый холодный туман. Но не успело солнце скрыться, как туман осел инеем, и луг побелел, как в лунную ночь.

Герасимов шел к деревне. Он решил узнать, есть ли

там немцы, хотел раздобыть гражданскую одежду, потом думал пробираться через линию фронта. Недалеко от деревни он спрятал документы, кобуру, знаки отличия и приблизился к огороду крайней хаты. Было уже темно, деревня замерла, словно опустела, нигде не мерцал ни один огонек, тишину не нарушал даже лай собак.

«Без людей, что ли?» — недоумевал Михаил и вдруг увидел смутную фигуру человека, идущего к нему. Он лег в бурьян, притаился. Человек прошел совсем рядом. Герасимов увидел, что это женщина. Она шла быстро, оглядывалась и несла какой-то узелок, пряча его под шаль на груди. Ее поведение подсказывало, что она прячется от людей, значит, может быть союзницей.

«Надо узнать, куда она спешит», — Герасимов стал следить за ней, но не подходил близко, чтобы не выдать себя раньше времени. Она спешила на луг и там осматривала скирды, перебегала от одной к другой, а потом, когда была далеко от деревни, стала негромко звать:

— Летчик, где вы?..

Теперь Герасимов понял: она ищет его, хочет помочь. И он отозвался, вышел из-за скирды.

— Здравствуйте. Вы, наверное, кушать хотите? — сильно смущаясь, она протянула ему узелок.

Герасимов сел под скирду, развернул его. Там оказался хлеб, кусок сала, вареная картошка, лук и соленые огурцы. Днем ему хотелось есть, но вечером, пробираясь в деревню, он заглушил голод. Теперь ощутил такой аппетит, что ел все сразу. Эта женщина рассказала ему о том, что в лесу есть партизаны, но сейчас он окружен фашистами и пробраться туда нельзя. В селе много чужих из приднепровских сел. Немцы собираются строить укрепления, нужна рабочая сила. Но пока не трогают. Что-то у них не получается.

— Как там на фронте? — спросила она.

— Форсируем Днепр, — ответил Герасимов.

— Вам нельзя оставаться здесь. Холодно. Я спрячу вас дома.

Ее дом был той самой хатой, к которой Михаил подкрадывался вечером. В нем она жила после того, как ее выселили из родного дома, занятого под полицейскую управу. Две комнаты соединялись дверью с конюшней, в которой сейчас был кое-как устроен школьный класс: стояли четыре парты, классная доска, старый шкаф с глобусом за разбитым стеклом, а на небеленой стене висела карта западного полушария. Из этой «школы» был выход на огород. «В случае чего, можно уйти незаметно», — размышлял Герасимов, осматривая свое убежище. До войны эта женщина работала учительницей. Она настойчиво доказывала, что он должен остаться у нее.

— Вы не пройдете через фронт. Туда едут и едут. Там много немцев. Подождите.

Герасимов не спорил. Он уже видел, что выйти из убежища — это значит добровольно попасть в руки фашистов. Фронт еще не установился, неизвестно, где можно пройти.

Сутки прошли благополучно. Ночью грохот фронта приблизился. Слышались отдельные взрывы. Над горизонтом мерцало зарево. К утру оно переместилось на юг, и грохот покатился стороной. А фашисты, окружавшие лес, спешно уходили на запад. Они так торопились, что даже не задержались в деревне, прошли за озером, видимо, боялись встретить партизан. Те появились к вечеру. Деревня ожила. На улицу вышли толпы людей. Они смеялись, плакали, целовали партизан.

Через день Герасимов был в своем полку. И снова боевые вылеты, воздушные бои.

В октябре 1944 года он был награжден орденом Славы III степени. Потом, в следующем наградном листе, о нем писали: «С 1 ноября на 2 Украинском фронте отлично выполнил 36 успешных боевых вылетов на штур-

мону живой силы и техники противника. За этот период составом экипажа уничтожено: 6 танков, 7 вагонов, 14 автомашин, 11 повозок, взорвано 2 склада с боеприпасами и подавлен огонь 4 зенитно-огневых точек.

Товарищ Герасимов, опытный воздушный стрелок, мастер воздушного боя и ведения прицельного огня по наземным целям. Хорошо разбирается в конструкциях и силуэтах самолетов противника и отлично знает тактику истребительной авиации. В бою мужественный, смелый, готовый до самопожертвования бить и уничтожать врага. Отлично наблюдает за воздухом, хорошо ориентируется в обстановке и часто помогает командиру в выборе объекта для атаки.

22 декабря 1944 года вылетел с ведущим шестерки ИЛ-2 в район Немце нанести удар по войскам и технике противника. В районе цели группа атаковала железнодорожный состав и со снижением легла на обратный курс. Перед линией фронта, в стороне, товарищ Герасимов заметил на дороге автомашины, но вести огонь не позволял угол обстрела. Попросив командира сделать перенос, товарищ Герасимов несколькими очередями зажег две автомашины. Группа в целом в этот вылет уничтожила: 2 вагона, 3 автомашины и создала два крупных очага пожара.

16 ноября 1944 года к шестерке штурмовиков при подходе к цели в районе Асод прорвались два ФВ-190, пытались разбить строй и атаковать. Товарищ Герасимов, быстро обнаружив ведущего пары истребителей противника, открыл по нему огонь и с первых же очередей подбил его. Оба истребителя, развернувшись со снижением, пошли на свою территорию. Группа успешно выполнила задание, уничтожив: 5 автомашин, одну артбатарею, нанесла большой урон живой силе противника...»

Будапештская и Венская наступательные операции и освобождение Чехословакии были последними этапами боевого пути Михаила Герасимова. 78 боевых вылетов

совершил он за это время. Штурмовыми ударами экипаж самолета уничтожил 13 танков, 6 самоходных орудий, 5 батарей зенитной артиллерии и много другой техники. До 200 немецких солдат и офицеров нашли свою смерть.

2 апреля 1944 года в районе города Дегтице штурмовики наносили удар за ударом по скоплению живой силы противника. На выходе из пике самолет был атакован двумя ФВ-190. Удачно маневрировав, летчик уклонился от атаки первого истребителя и, заложив крутой вираж, зашел так, что «фоккер» оказался под огнем воздушного стрелка. Противник был в 200 метрах. Быстро взяв его в прицел, Михаил двумя очередями перебил стабилизатор.

Через день в полк пришло подтверждение: штурмовик с бортовым номером 7 сбил один истребитель ФВ-190.

226 боевых вылетов и 5 лично сбитых вражеских самолетов — таков вклад полного кавалера ордена Славы Герасимова в победу над фашистской Германией.

ВПЕРЕД, ГВАРДИЯ, ВПЕРЕД!

Глотов Николай Тимофеевич родился 9 мая 1923 года в селе ~~Андреево~~ Иссык-Кульского района. В Красную Армию был призван 8 сентября 1941 года Иссык-Кульским военкоматом. Воевал в составе Степного, 2 Украинского, 1 Прибалтийского, 2 и 3 Белорусских фронтов. Участвовал в Курской битве, освобождал Харьков, Александрию, Знаменку, изгонял оккупантов из Литвы, Латвии.

За храбрость и умелые действия Глотов награжден орденами Красной Звезды, Славы трех степеней и медалью «За отвагу». Орденом Славы I степени он награжден Указом Президиума Верховного Совета СССР от 24 марта 1945 года за успешные боевые действия на Латвийской земле в районе города Приекуле.

В настоящее время Глотов живет и работает в поселке Шантобе Калининградской области.

Николай Глотов воевал в составе 5 гвардейской танковой армии.

«На Борисовском направлении разгорелись ожесточенные бои. Враг, введя в бой переброшенную из района Ковеля 5-ю танковую дивизию, стремился задержать наши части и прикрыть отход своей могилевской группировки. Наступавшая вдоль Минской автомагистрали 5 гвардейская танковая армия разгромила эту танковую дивизию и 29 июня передовыми отрядами вышла к Березине»¹.

В числе этих передовых отрядов был мотобатальон автоматчиков, в котором Николай Глотов командовал отделением. Он воевал уже два года, и за это время познал много солдатских секретов военного мастерства. Оказавшись на берегу Березины и видя, как враг спешит укрепиться за рекой, он скомандовал отделению «вперед!» и первым бросился в воду, прихватив с собой обломок бревна.

Отделение последовало за ним, за отделением — взвод и вся рота. Фашисты не ожидали такого натиска, бросили рыть окопы, взялись за оружие, но по ним уже ударили подошедшие танки. Взрывы снарядов рвались по всему берегу, немцы отступили в город и не смогли помешать форсированию реки.

Николай бросился на берег и снова скомандовал:
— Вперед! За мной!

Он едва переводил дух, ноги подкашивались от усталости, но зная, что задерживаться нельзя, бежал из последних сил и остановился только на окраине города.

«Зацепиться... Будет плацдарм...» — думал он, задыхаясь.

Справа и слева от них появились бойцы других отделений и взводов. К Николаю по развалинам пробрался командир батальона гвардии капитан Ерофеевских.

¹ История Великой Отечественной войны, том 4. стр. 173.

— Как дела, сержант? — спросил он, устраиваясь рядом и приставляя к глазам бинокль. — Тихо?

— Что-то притихли...

— Надо контратаку ждать.

— Не-ет, — протянул Желтухов, пожилой солдат недавно прибывший из резерва. — Сержант напугал их, до завтра не опомнятся.

— Хорошо бы.., — задумчиво продолжал капитан и пояснил: — Переправа не готова, танки отстали.

— А что же саперы?

— Наводят...

— Фрицы! — крикнул кто-то.

Впереди по развалинам крались фашистские автоматчики, на улицу выкатились два противотанковых орудия. По цепи наших автоматчиков передали команду: приготовиться к отражению контратаки. Но кто-то выстрелил, и немцы залегли.

Капитан выругался:

— Все пропало. Теперь без танков не выбить.

Орудия, не приближаясь, открыли огонь. Их снаряды рвались среди наших автоматчиков, появились раненые, убитые.

— Я пойду, товарищ капитан, разрешите? — спросил Николай, кивая в сторону орудий.

— Один?

— С отделением.

— Давай. Мы поддержим.

Николай подал знак своим бойцам, и они поползли. Груды кирпича, бревна, обгорелая дранка — скрывали их, но попадались и открытые места. Бойцы обходили их — это задерживало, они теряли друг друга из виду, а потом долго собирались вместе. Николай хотел ударить кучно, чтобы прорвать цепь фашистов и напасть на оружейные расчеты. Но те заметили это и стали обстреливать все пространство перед своими позициями. Тогда Николай поднял руку, все остановились и, следуя за

ним, перебрались в полуразрушенный дом. Расставив бойцов у окон и дверей, Николай поднялся на чердак, осмотрелся. Немцы были совсем рядом. Четверо лежали у забора, стреляли по кустам, что росли в палисаднике дома, в котором остался комбат с бойцами. Николай поставил автомат на одиночные выстрелы и, целясь точнее, уничтожил их четырьмя выстрелами. За трескотней своих автоматов они не слышали выстрелов Николая. Он спустился вниз и, собрав бойцов, быстро повел их вдоль забора мимо убитых. Минут через пять они были в тылу и уже сворачивали к орудиям, в это время на берегу заревели моторы, и наши танки ворвались в город. Их было больше двадцати, они сосредоточились под берегом и теперь мчались лавиной.

Фашисты кинулись бежать. Отделение Николая удрало по ним с тыла. Они бросали оружие и поднимали руки.

В наградном листе этот боевой эпизод описан так: «...Во время наступления на город Борисов товарищ Гловтов первым форсировал реку Березина на подручных средствах и первым ворвался на окраину города. В бою за город отделение автоматчиков под командой Глотова уничтожило 25 немецких солдат и офицеров. Лично товарищ Гловтов уничтожил 9 солдат и взял в плен 5. Достойн правительственной награды — ордена Красного Знамени».

Но командующий армией, отмечая личные заслуги сержанта Глотова в этом бою, не согласился с капитаном Ерофеевских и приказом по армии наградил Глотова орденом Славы III степени.

А наступление продолжалось. В июле 1944 года части нашей армии вели бои на территории Литвы. Город Ракув немцы укрепили обводом траншей в несколько рядов.

Наступающая рота наших автоматчиков задержалась в первой и на нее обрушился огонь минометов. Отделс-

ние Николая было на правом фланге, где траншеи упирались в болото, заросшее осокой и кустами краснотала.

— Вперед! — приказал Николай и, как всегда, сам пополз впереди отделения.

— Не зная броду — не лезь в воду, — ворчал сзади Желтухов.

Под погами бойцов хлюпала вонючая вода, кочки качались и тонули. Было раннее утро. Комары тучей вились вокруг, лезли в глаза, в уши, в рот. — Николай как будто ничего не замечал.

— Вперед, вперед, — повторял он шепотом, пропуская бойцов мимо себя, а потом, снова обгонял их и вел вдоль траншей.

Впереди слышались пулеметные очереди. Привстав на кустом, Николай увидел пулемет. Он занимал позицию на фланге второй траншеи и сейчас вел огонь по первой, не давая подняться в атаку нашей роте.

— За мной! — закричал Николай, когда до пулемета осталось метров тридцать. Отделение рванулось вперед, ударило из автоматов и через минуту трофейный пулемет в руках Глотова косил фашистов.

Рота увидела поддержку, поднялась в атаку.

Заслуги сержанта Глотова в боях на территории Литвы командир батальона в очередном наградном листе описывал так: «В боях за город Вильнюс товарищ Глотов в уличных боях уничтожил 8 солдат противника и взял в плен одного офицера». Это был лейтенант СС. Николай заметил, как тот юркнул в подъезд трехэтажного дома. В подъезде было полутемно. Николай остановился, чтобы глаза привыкли к темноте, прислушался. Деревянная лестница едва слышно скрипнула. Николай поднял голову. На освещенной стене маячила тень в фашистской фуражке.

— Сдавайся, не уйдешь! — сказал Николай и дал очередь в лестничный пролет. Тень метнулась и исчезла.

Хлопнула дверь, и все стихло. Николай затопал, выбегая на улицу, и там, нарочно громко, закричал:

— Пришлепнул гада!

Его отделение остановилось на площади, разговаривало с танкистами. А он, крадучись, вернулся в подъезд и, стараясь не скрипнуть ступеньками, поднялся на второй этаж. На площадку выходило три двери. Николай встал так, чтобы его тень была на той стене, на которой он видел фашиста и, качнувшись в разные стороны, понял, за какую дверь спрятался эсэсовец. Она не захлопнулась плотно, оставалась щель. Николай заглянул в нее, прислушался. За дверью было тихо. Он осторожно открыл ее и вошел в полутемный коридорчик, дальше вела стеклянная дверь. Она тоже была приоткрыта. Эсэсовец спешил, не закрывал за собой двери.

Николай вошел в просторную комнату, совершенно пустую, как будто хозяева уехали вместе с мебелью. Справа от входа была еще одна дверь, за ней слышалась какая-то возня. Николай толкнул ее ногой и, направив автомат на фашиста, крикнул:

— Руки вверх!

Тот вздрогнул, выронил из рук старый заношенный халат, который достал из гардероба.

— Переодеться надумал? — усмехнулся Николай.

Эсэсовец покосился на полку гардероба. Там лежал его пистолет.

— Отойди, — Николай кивком головы показал, куда отойти, и вывел его на улицу.

Бойцы отделения уже волновались, осматривая места, где наступали с боем, искали пропавшего командира.

— Живой! — закричал Желтухов. — Мы думали тебя того...

Через несколько дней 5-ю гвардейскую танковую армию перебросили в Латвию для нанесения ударов по группировке немецких армий «Север».

30 октября 1944 года Николай Гловов со своим отделением в составе мотобатальона воевал в районе Приекуле, недалеко от Либавы. Противник всеми силами пытался остановить наступление, чтобы спасти «Север», прижатый к побережью Балтийского моря. Бои разгорались за каждый хутор, которые усеяли всю прибрежную низменность, за каждую рощу, за каждый мостик.

Отделение Глотова, в составе взвода, наступало на хутор, видневшийся на краю березовой рощи. Неожиданно фашисты ударили с фланга. Бойцы залегли, стали отстреливаться. До слуха Николая донесся выкрик: «Лейтенанта убило!».

«И нас перебьют, если задержимся», — зло подумал он и, не раздумывая, вскочил.

— Вперед, гвардия! Вперед!

Непрерывно стреляя перед собой из автомата, он бежал к фашистским позициям, увлекая за собой бойцов.

«Лишь бы диск не кончился...» — думал он.

Фашисты на какое-то время растерялись, и это решило исход атаки. Их пулеметы и автоматы ударили по нашей нехоте, но поздно.

— Вот ты где, гад! — Николай с яростью швырнул гранату в пулемет и сразу же спрыгнул в траншею.

К нему бросились двое фрицев, но он опередил их. Началась рукопашная. Пошли в ход приклады, ножи. Слышались крики, ругательства. Одиночные выстрелы дополнялись короткими очередями. Кто-то хрипел. Предсмертный пронзительный крик вплеся в суматошный шум схватки...

После боя Гловов собрал остатки взвода, осматривал уставших бойцов, увидел Желтухова, неуверенно стоящего на ногах, спросил:

— Вы ранены?

— Перевоплонился. После личного общения с фрицами ноги не держат.

— Теперь все позади. Через пять минут выступаем на хутор. Проверить оружие.

А на следующий день опять был бой. Снова атаки, снова рукопашные. Так продолжалось до выхода армии на переформировку.

В конце 1944 года войска вплотную подошли к границам Восточной Пруссии. Гвардейцы пятой танковой стояли недалеко от реки Нарев и готовились к боям. Их было много. Штурм Млавы и Эльбинга, выход к берегу залива Фришес-Хафф. А когда 5 гвардейская танковая армия была передана в состав 3 Белорусского фронта, полный кавалер ордена Славы гвардии старшина Глотов брал штурмом Кенигсберг и закончил войну боями на Земландском полуострове.

ПОЗИЦИЯ ПОД ЯБЛОНЕЙ

Гудименко Николай Иванович родился в г. Фрунзе 24 февраля 1924 года. На военную службу был призван Фрунзенским горвоенкоматом 12 октября 1942 года. На фронте с сентября 1943 года. Воевал на Воронежском, Степном и 1 и 2 Украинских фронтах. Участвовал в освобождении Украины, в Уманско-Ботошанской операции, громил врага под Яссами, в Румынии под городом Хуши отбивал психические атаки, сражался на Сандомирском плацдарме, форсировал Одер, Нейссе, уничтожал фашистов в Берлинской битве, освобождал Чехословакию.

Полным кавалером солдатского боевого ордена вернулся Гудименко во Фрунзе. Орден Славы I степени был вручен ему на основании Указа Президиума Верховного Совета СССР от 10 апреля 1945 года.

Николай Иванович умер 6 июня 1969 года.

... Это было весной 1944 года. Наши войска вступили на территорию Румынии севернее города Яссы. В числе первых бойцов, шагнувших на «чужую» землю, был сержант Гудименко, наводчик орудия.

Батарея 76-миллиметровых орудий 849 артполка стояла на берегу реки Жижиа, прикрывая окопы нашей пехоты, занявшей рубеж на склонах, подступающих к долине гор. Мимо батареи, вдоль реки, проходила проселочная дорога. На ней виднелись опрокинутые автомашины, подбитые танки, орудия, а дальше окопы противника, заросшие, как и наши, молодой травой. На склонах гор густо зеленели виноградники, выше них — голубоватыми коврами — стлались буковые леса, а по берегам реки — кудрявились заросли ивняка, дикой вишни, и кое-где покрывались бурьянами брошенные огороды.

Одинокое хутора были пустынные. Вокруг них стояли развесистые черешни, усыпанные ягодами.

Затишье на передовой тревожило бойцов. По утрам в сизовой дымке, плывущей с гор, чудились ползущие цепи врага. Уши ловили подозрительные шорохи. Днем ожидался артоналет, а вечерами тени кустов снова казались чужими.

— Когда шли и гремело все — было лучше, — сказал Николай командиру орудия, смотревшему за реку в бинокль.

— Привыкайте, — ответил тот, не отрывая от глаз бинокль.

Николай пожал широкими плечами, оглянулся на заряжающего и подносчика, которые лежали под яблоней у колеса орудия. Те тоже пожали плечами, как будто согласились с Николаем: не новички они все, привыкали к разному — зачем советовать такое, как перводакам?

Сам командир был новеньким в их расчете и воевал не с «начала» (два года учился в тылу).

— Сегодня полезут,— обижаясь на старшину, сказал Николай, как будто назло.

— Перебежчик сказал? — ехидно отозвался командир.

— Нет. Чувствую по опыту.

Он подчеркивал, что воюет гораздо больше командира. Поддерживая Николая, заряжающий с нарочитой сменой вставил свое словечко:

— Никакой перебежчик не скажет того, что мы нутром чуем...

О позиции уже много говорили и всегда намекали, что командир выбрал ее неумело, хотя и знали — он подчинялся командиру батареи.

Было раннее утро. Солнце всходило над лесистыми вершинами гор. Тихо струилась вода в речке, в кустах осторожно, словно понимая обстановку, чирикали птички. Затишье затягивалось. Уже кончался май, а ожидаемого контрудара, о котором предупреждали командиры, все не было.

Николай рассматривал ничейную полосу в прицел, потом отошел в сторону, начал снимать гимнастерку, желая искупаться в речке.

— Отставить, — приказал старшина.

Николай с видом обиженного надел гимнастерку и, шнырнув ремень на землю, лег рядом с товарищами. Заряжающий сочувственно вздохнул. Подносчик, затянувшись дымом, выпускал его кольцами, глядя на них и на голубое безоблачное небо.

— Дежурство... — многозначительно сказал он, когда последнее кольцо дыма, путаясь в ветках яблони, растаяло. Расчет орудия нес дежурство по батарее. Никому отлучаться не разрешалось.

А солнце поднималось все выше, громче пели птички, с тыла ветерок принес запахи дыма и далекое пение пестухов. Там было румынское село. Когда его заняли, оно казалось брошенным. Большинство крестьян, боясь

Красной Армии, ушло в горы. Фашистская пропаганда сработала на первом этапе. Потом они стали возвращаться, теперь село жило «как до войны».

Вдруг воздух всколыхнулся грохотом взрывов. По горам покатилося эхо. В речке всплеснулись столбы воды, на берегу вздыбилась земля.

— В укрытие — крикнул командир орудия.

Блиндаж был рядом. Николай, не поднимаясь, скатился в него, встал, привел себя в порядок. Другие тоже принимали боевую форму.

Земля вздрагивала. На голову, на плечи сыпалась высохшая на бревнах земля. Визжали осколки.

Грохот оборвался так же внезапно, как и начался, и хотя по горам еще каталось эхо, все поняли, что сейчас начнется главное — бой.

Команда «по местам» была лишней. Расчет уже выскакивал к орудию, и каждый занимал свое место, убирали маскировку, готовил снаряды. А впереди, на «ничейной» земле, уже показался противник. Танки шли по дороге и рядом с ней. За ними бежала пехота.

Николай ясно видел в прицел синие и зеленые фигуры бегущих, но наводил по танку, который шел крайним к речке.

— Гудименко, как видишь? — спросил командир.

— Держу по гусенице.

— В нашем секторе три танка. Подпустим ближе. Без команды не стрелять!

— Ясно!

Прильнув к прицелу, Николай спокойно ворочал маховики, удерживая цель на нитях. Танк был уже близко, отчетливо слышался лязг гусениц.

— Огонь!

Орудие вздрогнуло, резко рывкнул выстрел, и Николай увидел взрыв своего снаряда рядом с танком. Второй снаряд поднял землю перед танком.

— Сейчас ты остановишься..., — шептал Николай, готовясь к третьему выстрелу.

Командир волновался, срывался на крик, но Николай спокойно повторял: «Сейчас, сейчас...», и нажал на спуск. Танк вздрогнул. Правая гусеница блеснула и отлетела в сторону. Танк развернулся, показывая крест на боку. А Николай уже наводил по второму, тот шел в зарослях ивняка. Выводил за собой пехоту на песчаную косу. Он шел наискосок. Николай хорошо видел падающие под ним кусты.

— Сейчас, сейчас... — повторял он, намереваясь встретить танк у края кустарника.

Но вдруг перед орудием поднялась куча земли. По щитку застучали осколки. Подносчик охнул, упал. Старшина махал рукой вправо, приказывал перенести огонь по миномету.

«А танк?» — спросил себя Николай и тут же догадался: танк укрылся в зарослях, его можно пока оставить. А на краю кустарника поднимались дымки — там работал миномет.

— Сейчас, сейчас... — опять повторял Николай, наводя орудие.

Мины рвались где-то сзади. Ветер приносил едкий дым, который мешал видеть. «Надо сменить позицию», — думал Николай, но продолжал наводить по дымкам. При солнечном свете и сквозь пелену дыма они едва виднелись. Николай напрягал зрение до рези в глазах. Его снаряды рвались рядом, а дымки, как живые, прыгали по краям кустарника, и он никак не мог погасить их. Грохот батареи, выстрелы своего орудия, разрывы мин оглушали. Николай не слышал команд старшины и в спешной готовности докладывал взмахом руки. Только потом, когда перестали рваться мины и реже стреляли соседние орудия, уловил слова командира и понял, что их орудие подавило минометную батарею.

«Вот почему прыгали дымки, — усмехнулся он, — там был не один миномет».

Шум боя затихал, удалялся рев танков, похожий на эхо грозы в горах.

Солнце стояло над самой долиной. Под его лучами синими зеркалами сияли излучины речки. Четко виднелась вся «ничейная» земля. На ней чадили густым черным дымом шесть танков. Один около самой речки стоял целым и, казалось, сейчас ринется в воду, чтобы спастись за постройками хутора на той стороне.

— А пехота не ушла, — сказал заряжающий, когда санитары уносили раненого подносчика, — должно быть, залегла в кустах.

Старшина в бинокль рассматривал прибрежный кустарник и не отвечал. Потом подал Николаю бинокль:

— Посмотри, под черешней, где огород кончается...

Николай взял бинокль, посмотрел.

— Пулемет.

— Имей в виду. Второй и третий ищи левее. Видишь?

— Вижу, — ответил Николай и пошел посмотреть в прицел.

— Вижу, — повторил он оттуда.

— Я и говорю: пехота не ушла, — заметил заряжающий. — На этом не кончится...

— Правильно, не конец это, — сказал политрук батареи, появляясь из-за яблони и спотыкаясь о срубленные осколками ветки. — Была разведка боем. Теперь надо ожидать настоящего дела. Фашисты намерены выбросить нас из Румынии, чтобы не потерять союзника. А наша задача — вывести ее из войны.

Политрук сел рядом с заряжающим, начал закуривать, угощал папиросами и интересовался настроением каждого.

— Настроение боевое, — сказал старшина за всех.

Получилось как-то сухо, шаблонно. Николай сердито поправил:

— Стоим не на месте, — и, показывая на выступ берега, сказал. — Не мешало бы пробраться туда.

— Это я согласую с командиром батареи, — пообещал политрук, когда уходил.

— И пополнение нам не забудьте, — сказал старшина. Теперь у него получилось в тон Николаю, и расчет вдруг понял, что он тоже недоволен позицией и, видимо, ругался с командиром батареи, и тоже, как и они, «нутром чувствовал» приближение боев, не зря все утро лежал на бруствере с биноклем и вглядывался вдаль.

Заряжающий подмигнул Николаю, тот облегченно вздохнул, пошевелил своими широкими плечами, словно стряхнул с них что-то мешающее выпрямиться. Он был веселым жизнелюбом, но вот пришел в расчет новый командир, хмурый, уставной, и ему было тяжело от одной мысли, что они не понимают друг друга. Оказывается, понимают. Командир уже увидел, какой у него наводчик, давал ему бинокль, показывал пулеметы, говорил: «Имей в виду». Значит, во время боя дергать не будет, а это для наводчика немаловажно.

В это время подошел боец, принесший завтрак, краксистый, белобрысый, с веснушками на лице.

— Принимайте в компанию, — сказал он, улыбаясь. — Степанов Степан. Велено остаться у вас пополнением.

Завтракали весело, но не успели закончить, как опять начался обстрел.

А через несколько дней командир 849-го артполка гвардии майор Воронов писал в наградном листе:

«В бою севернее города Яссы 30 мая 1944 года, когда противник большими силами пехоты и танков пошел в атаку на наши боевые порядки, товарищ Гудименко, несмотря на сильный обстрел врага и бомбежку с воздуха, огнем из своего орудия уничтожил один танк, три пулемета, до 50 солдат и офицеров и подавил огонь минометной батареи противника.

31 мая 1944 года, когда противник повторял одну атаку за другой, товарищ Гудименко огнем с прямой наводки расстреливал фашистов, уничтожил 60 солдат и офицеров, 4 пулемета, 75-миллиметровое орудие врага.

Достоин правительственной награды ордена Славы III степени».

Прошло два месяца. Бои гремели на территории Румынии; и там заполнили второй наградной лист: «26 августа 1944 года при движении наших частей к городу Хуши (южнее Ясс) группа автоматчиков противника ворвалась в город с задачей преградить дорогу. Товарищ Гудименко быстро развернул орудие и, подпустив противника на расстояние 15—20 метров, открыл по ним огонь. Сделав 35 выстрелов, товарищ Гудименко уничтожил до 100 гитлеровцев.

27 августа в районе города Хуши противник предпринял психическую атаку силою до 3000 солдат и офицеров. Находясь на прямой наводке, товарищ Гудименко уничтожил до 70 солдат и офицеров противника...

Достоин правительственной награды ордена Славы II степени».

После успешного завершения этой операции полк Николая Гудименко был переброшен на Вислу. Командир полка, гвардии майор Воронов, писал в наградном листе: «В бою в районе деревни Новы Селец на Сандомирском плацдарме 12 января 1945 года орудие наводчика Гудименко метко и безотказно вело огонь по живой силе и технике противника, разбило минометную батарею, подавило 75-миллиметровую батарею и уничтожило 48 солдат и офицеров.

13 января 1945 года перед городом Хмельник, несмотря на жестокий артиллерийский огонь противника, товарищ Гудименко точной наводкой своего орудия уничтожил бронетранспортер, машину с боеприпасами, 32 солдата и офицера и обеспечил продвижение пехоты.

19 января 1945 года сержант Гудименко со своим орудием в рядах первых вышел на германскую границу.

Николай Иванович Гудименко достоин правительственной награды ордена Славы I степени».

Потом Николай брал Бреславль, Дрезден и десятки мелких городов, каждый из которых фашисты превращали на пути Советской Армии в мощное укрепление и которые брались не легче Ясс и Хмельника.

СТАРШИНА ДУДКО

Дудко Федор Иванович родился 25 сентября 1903 года в селе Гребениковка Тростянецкого района Сумской области. В начале Великой Отечественной войны был эвакуирован с оборудованием сахарного завода в Киргизскую ССР в г. Токмак. В ноябре 1941 года Токмакским военкоматом был призван в Красную Армию. На фронте с 1943 года. Воевал на Воронежском, Степном, 2 Украинском и 1 Белорусском фронтах. В 1944 году вступил в ленинскую партию.

За мужество и героизм, проявленные в боях, награжден орденами Отечественной войны II и I степеней, Славы III, II степеней, а Указом Президиума Верховного Совета СССР от 15 мая 1946 года — орденом Славы I степени.

Сейчас Федор Иванович — персональный пенсионер. Живет в Сумской области.

В истории Великой Отечественной войны Корсунь-Шевченковская операция занимает особое положение. Для фашистской армии она стала «вторым Сталинградом». И знаменательно еще то, что завершение ее пришлось на то же время года — февраль, только на Волге в 1943 году немцы обморачивались, а здесь, на Днепре, в 1944 году сначала увязали в грязи, а потом их заносило метелью.

Но ранняя распутица, резко переменчивая погода — то дождь, то снег, больше затрудняли действия наших войск, чем мешали врагам держать оборону.

24 января войска 2 Украинского фронта начали прорыв обороны противника, а 25-го перешли в наступление, но «...стремясь ликвидировать прорыв, противник 27 января тремя танковыми дивизиями нанес контрудар...»¹.

Федор Иванович Дудко участвовал в этих боях командиром противотанкового орудия. На его счету было уже много боев, в которых орудие уничтожило десятки танков, самоходок, огневых точек, орудий и солдат противника. Мужественный, с большим жизненным и солдатским опытом, он смотрел на войну, как на тяжелую работу, которую надо сделать, чтобы вернуться домой и продолжить мирный труд.

В расчете его орудия подобрались такие же «старички», как он сам — моложе тридцати лет никого не было, но во время подготовки к наступлению двоих перевели и другие расчеты, а ему дали «молодое пополнение» — восемнадцатилетних парней, проживших все военные годы в оккупации. Они были приднепровские и все поглядывали назад, где остались их дома.

— Там слышно, как мы воюем, — сказал один из них Коля Остапчук. Второй, соглашаясь, добавил:

— А в ночи сполохи будет видно...

¹ История Великой Отечественной войны, том 4, стр. 65.

Федор Иванович и его старые товарищи улыбнулись, наводчик Загорулько потрепал Колю по плечу:

— Не тужите, хлопцы, война дело временное... С победой вернетесь, девчата за вами будут табуном ходить — герои!..

Расчет оборудовал позицию, готовился к бою. Батальону и батарее противотанковых орудий было приказано развернуться фронтом на юг и не дать противнику ударить по флангу наступающей дивизии.

Позиция орудия оказалась по-соседству с лысой, каменистой высотой под номером 206,1. Она была справа, а слева, отделяя орудие от батареи, тянулся обрывистый овраг, заросший по краям шиповником и ежевикой. Сейчас по нему шумел мутный ручей, сбегаящий с раскисшего поля, на котором спешно окапывалась наша пехота.

Время было раннее, всходило солнце. В голом шиповнике чирикали воробьи, над полем летали вороны, принимая пехоту за пахарей и собираясь покормиться червями из первой борозды, а на лысой высотке устраивался наблюдательный пункт. Оттуда слышался лязг лопат и чертыхание солдат, копавших в каменном грунте блиндаж.

Федор Иванович, осмотревшись вокруг, неодобрительно покачал головой, расправил черные густые усы и высказал предположение, что когда начнется бой, расчету достанется самая трудная работа.

— Почему? — спросил Загорулько.

— Фашисты будут брать в первую очередь бугор. — Федор Иванович кивнул на высоту, — а нам отдать его нельзя. Вот и будет вся катавасия в нашем секторе.

— Похоже на правду, — согласился замковой Остап Николаевич Тиртышный. Он тоже разглядел запорожские усы, прокашлялся и посоветовал своему командиру:

— Ты, Хведир, попросил бы у комбата еще снарядов, а то потом хлопцам придется через овраг лазить.

Федор Иванович согласился, приказал хлопцам запрягать в бричку волов и ехать вокруг оврага на батарею, а сам пошел напрямую.

В последние дни в расчете орудия, кроме лошадей, были две пары волов. По той грязи, которую размесили поiska на дорогах и в поле вола стали единственной тягой, способной помочь передвигаться и перевозить грузы.

Погоняя волов, хлопцы уехали, у орудия остались только Загорулько и Тыртышный. Они закурили (Загорулько самокрутку, Тыртышный прокуренную люльку). Вскоре вернулся Федор Иванович. Вытирая руки пучком прошлогодней травы, он молча сел к солдатам, закурил из своего кисета и только тогда сообщил результат разговора с командиром батареи.

— Снаряды привезут.

— А фашисты где?

— Идут из Новомиргорода. Танками идут.

— Не слышно еще... — Тыртышный повернул левое ухо в сторону юга, прислушивался.

— Бывал я там. Дороги — не дай боже, — Загорулько посмотрел под ноги и вдруг усмехнулся: — А что, Федор Иванович, после войны в Киргизию вернетесь или на свою родину Сумщину?

— Там побачим...

— Загадывать рано, — согласился Тыртышный.

Солище поднималось все выше, но из-за облачности день был пасмурным, а холодный ветер нес над полем сырые клочья тумана. В два часа дня с юга долетел гул моторов. Минут через двадцать танки показались на поле и, заметив овраг и высоту, повернули в проход между ними. Танки шли тяжело, их гусеницы вязли в разбухшей пахоте, моторы ревели натуженно, скорость была малой. На их броне густо сидели десантники, а дальше, сильно отставая, шла пехота и орудия на конной тяге.

Хлопцы из расчета Федора Ивановича заметно пере-

менились на лица, побледнели, глаза расширились, не могли оторваться от танков. Те шли двумя колоннами по четыре в каждой.

— По местам! — приказал командир.

Загорулько уже навел орудие на передний танк в правой колонне и доложил об этом спокойно, как будто на них ехали брички, запряженные волами.

Рев моторов нарастал, уже различались отдельные фигуры десантников, мелькали траки гусениц, залепленные грязью, плавно покачивались стволы орудий.

И вдруг в рев танков ворвался треск автоматных и пулеметных очередей — это наши пехотинцы открыли огонь по десантникам, и тех как ветром сдуло за танки, а танки, взревев еще громче, ринулись вперед, перестроились во фронт.

— Огонь! — крикнул Дудко.

Грянул выстрел, снаряд вспыхнул под башней ближнего танка. Из его открытого люка вырвалось красное пламя и дым. Он встал. За оврагом громыхнули орудия батареи. Вспыхнул еще один танк. Остальные открыли огонь, стали уклоняться за высоту. Но там увидели второй овраг и снова повернули в проход, где стояло орудие Дудко. Расчет подбил еще один танк, который уже вырвался на сухой косогор высоты и пытался обойти орудие с фланга. Четвертый танк, проскочив траншею нашей пехоты, был подожжен гранатами. А за оврагом гремела наша батарея, не давая приблизиться вражескому десанту и орудиям, которые стремились поддерживать танки. А танки уже разворачивались назад, откатывалась и их пехота.

На поле остались два орудия, у которых были побиты конные упряжки. Одна раненая лошадь с душераздирающим ржанием неслась по полю, но попала под пулеметную очередь и рухнула, подняв столб грязи, как взорвавшаяся бомба.

— Теперь надо ожидать гостинцев, — сказал Федор

Иванович, когда бой затих, а на краю поля у фашистов происходила перегруппировка сил. Оставшаяся артиллерия выходила на огневой рубеж, готовилась ударить по нашим позициям.

— Давай, хлопцы, в укрытие. На перекур, — добавил Федор Иванович.

Обстрел начался с такой плотностью, что если бы не штурмовики ИЛы, вызванные заранее, наши позиции не смогли бы отбить вторую атаку. Сделав несколько заходов, четверка ИЛов полностью «разгрузилась» на батарею фашистов, и она замолчала. Но враги не отказались от новой попытки смять нашу оборону. Используя готовые колени, оставшиеся танки опять ринулись в атаку, но теперь шли на большей скорости и рассчитывали, что это спасет их от снарядов наших орудий. Кроме того, они еще издали открыли огонь, и их снаряды рвались на наших позициях.

— Добре стреляют, — сказал Загорулько, когда один из снарядов взорвался перед щитом, и брызнувшая грязь залепила прицел.

— Надо почистить...

Орудия батареи вели непрерывный огонь. Передний танк завертелся на разбитой гусенице и беспомощно остановился. Неожиданно из-за него ударил пулемет. По щиту орудия защелкали пули. Охнул и зажал раненую руку Остап Тыртышный, упал Коля Остапчук. Запрокинув голову назад, медленно осел у станины Загорулько. Дудко бросился к панораме и тут же взрывной волной его отбросило в сторону, ударило оземь. Но он поднялся.

— Заряжай, Остап, заряжай.

Тыртышный, кривясь от боли, послал снаряд в ствол и окриком вывел из оцепенения подносчика:

— Иван, снаряды!

Тот вздрогнул, схватил снаряды, подал гильзой вперед.

— А Коля как же!.. — выкрикнул он с надрывом.

в состав Первого Белорусского фронта и Дудко принял участие в освобождении Польши, в разгроме врага в Восточной Померании.

«В ночь с 2 на 3 февраля 1945 года при отражении контратаки немцев в районе города Скампа огнем из своего орудия уничтожил прямой наводкой более взвода фашистской пехоты. Когда враг подошел близко к расположению нашей батареи, старшина Дудко уничтожил 15 немецких солдат и офицеров. Достоин правительственной награды — ордена Славы II степени». (Из наградного листа).

В последних числах апреля полк вел бои в Берлине. Нелегко было расчету Дудко ворваться в фашистскую столицу. Мосты через реки и каналы были уничтожены. Приходилось переправляться на подручных средствах под огнем обесиленного, но злобного врага. Артиллерийский расчет бил прямой наводкой по домам и чердакам, где засели «фаустники». На одной из улиц расчет попал под перекрестный огонь двух станковых пулеметов. Укрывшись в развалинах, артиллеристы вступили в бой, уничтожили пулеметы и одну автомашину, на которой вражеские солдаты пытались проскочить на окраину города. Используя стрелковое оружие, Дудко лично уничтожил семь солдат противника.

Подвиги старшины Дудко в Берлинской битве отмечены высшей солдатской наградой — орденом Славы I степени.

И ОПЯТЬ ВЫСОТА

Иванов Мстислав Борисович родился 3 января 1924 года в городе Костроме. В 1937 году родители Иванова переехали в Среднюю Азию. 20 августа 1942 года он был призван в ряды Красной Армии. Воевал на Воронежском, Степном и 2 Украинском фронтах. Участвовал в Курской битве, освобождал Украину, громил фашистов под Яссами, прошел с боями Румынию, Венгрию, Австрию, Чехословакию. Четыре раза ранен.

Награжден двумя орденами Красной Звезды, орденами Отечественной войны II степени, Славы III, II степеней и Указом Президиума Верховного Совета СССР от 15 мая 1946 года — орденом Славы I степени — за разгром пражского заслона под селом Загорска Быстрица и захват в плен 60 гитлеровцев.

В настоящее время Мстислав Борисович живет и работает в городе Фрунзе.

Триста третья стрелковая Верхне-Днепровская Краснознаменная дивизия в составе Седьмой гвардейской армии, обходя Будапешт с севера, подступала к границе Чехословакии. Противник оказывал яростное сопротивление. Местность в полосе наступления была сильно пересеченная, лесистая — это затрудняло продвижение дивизии. Она встретила сильно укрепленный рубеж и, не преодолев его с ходу, остановилась. На соседних участках фронт продолжал двигаться на запад в направлении Вены.

Узлом сопротивления противника была высота с небольшим леском на вершине. Окопы опоясывали этот лесок по кособоку. Из них открывалась большая площадь обзора и обстрела. Справа высоты проходила дорога в глубину долины, а по сторонам высились непроходимые скалы.

В первые сутки высоту атаквали одиннадцать раз — семь атак днем и четыре ночью. В результате — большие потери и никакого продвижения. Утром в штабе дивизии кто-то подал мысль послать на высоту разведчиков.

К этому времени войны уже была известна истина: там, где пехота ничего не может сделать, разведчики принесут успех. Это люди находчивые, хитрые, с особой отвагой.

Командир дивизии гвардии генерал-майор Федоровский согласился с поданной мыслью и сам пошел в роту разведчиков.

— Пехота морально не готова идти опять на высоту, — сказал он, собрав командиров. — Надежда на вас. Высоту надо взять до двенадцати ноль-ноль.

Среди присутствующих был двадцатилетний командир взвода Мстислав Иванов. Крепыш, с мужественными чертами лица, с серьезным взглядом, он привлек внимание генерала тем, что на его груди было больше, чем у других орденов: два ордена Славы, Красная Звезда, Отечественной войны II степени.

— Что скажешь, сержант? — генерал обращался к Мстиславу запросто, как за советом.

— Разрешите перенести операцию на ночь, — попросил Мстислав.

Молчавшие командиры осмелели, поддержали просьбу Мстислава, но оказалось, что откладывать операцию нельзя. Наступающие части в южных районах подвергаются угрозе флангового удара противника. Необходимо сковать его взятием высоты.

— Готовьтесь и выступайте, — сказал генерал, уходя. — Все, что вам потребуется, вплоть до поддержки «эрэсами» и авиацией, — дадим.

После его ухода командиры заговорили не сразу. Все понимали, какая тяжелая задача встала перед ними. Они сидели на поваленном дереве в лесу, смотрели сквозь голые ветви на высоту и каждый успел подумать, что эта «высотка» может стать последней в его жизни. И не когда-нибудь, а сегодня. Мстиславу вспомнилась первая — на Украине под Кировоградом. Он улыбнулся, печально глянул на орден Слава III степени, который получил тогда.

— Ты чего засиял? — спросил командир роты.

— Бой был смешной. Высоту брали и вроде бы взяли, а фрицы вроде бы не отдали. Мы не дошли до вершины метров 15—20, а они спустились на другую сторону метров на 15—20. Стрелять нельзя — не видно. Начали бросать гранаты. Мы ловим немецкие и спешим отправлять назад, они тоже ловят. Но мы выигрываем. Их заводы горят дольше, а наши некоторые рвутся. В общем — волейбол. Счет получился в нашу пользу...

Командиры представили картину этого «волейбола», хохотали, но потом опять посерьезнели. То дело — прошлое, кажется легким и смешным, а сейчас предстоит страшное. В траншеях на высоте много огневых точек, снайперские гнезда, а в лесу...

— Черт их знает, чего там нет, — сказал комроты, — но приказ получен. У кого есть предложения?

У разведчиков был обычай: готовиться к операции не признавая старшинства, званий, должностей. Могли высказываться все, и только так учитывалось все до последней мелочи.

На этот раз приняли план Мстислава, правда, с добавлениями, с заменой некоторых деталей. А через два часа тридцать разведчиков «пошли» на высоту. Ее склон до самых траншей порос высокой прошлогодней травой. В ней всюду лежали погибшие в тех одиннадцати атаках, что не принесли результата вчера.

Разведчики «пошли» так, что уже в двадцати метрах от своих окопов их потеряли даже те, кто провожал.

Они ползли цепью на расстоянии десяти-пятнадцати метров друг от друга. Ползли так, что ни одна травинка не качнулась резко, ни один камешек не покатился вниз.

Мстислав постоянно видел командира роты, Мстислава видел сосед справа и дальше все видели только того, кто подаст условный сигнал к атаке. После этого сигнала надо сосчитать до тридцати и вскакивать. Вскакивать без крика, без стрельбы. Стрелять можно только с бруствера в траншею.

Крутизна склона все увеличивалась, перестали попадаться погибшие. Солнце припекало спину, гимнастерски прилипали к взмокшим плечам. Все явственнее слышался щебет птиц в лесу.

Мстислав не знал, сколько времени прошло с того момента, как он лег в траву. У него были часы, но он забыл о них и не оглядывался назад, чтобы посмотреть, сколько прополз. Для этого надо было повернуться на бок или поднять голову над плечом, а значит, оторваться от земли, стать заметным. Он видел только траву впереди, которую надо осторожно раздвинуть, прижать, подать на нее свое тело и не потерять из виду командира роты.

Однажды на его пути встретился муравейник — небольшой, в три кулака холмик земли и сухих травинок, по которым торопливо бегали красные блестящие муравьи. Как быть? Ползти через них или свернуть? «Закусают гады, отвлекут», — подумал Мстислав и «обошел» муравейник. Это было не просто. Он задержался, отстал и потом пришлось догонять, чтобы выровнять цепь. Когда он был уже на месте и старался успокоить учащенное дыхание, командир роты подал сигнал «приготовиться».

Мстислав повторил сигнал для соседа, со счетом тридцать вскочил и побежал вперед. До траншеи было шагов сорок, в ней виднелись каски, торчало рыло пулемета, чернели стволы автоматов. Он бежал изо всех сил, ничего, кроме траншеи, не видел, но знал, что и справа и слева есть товарищи.

Было тихо, никто не топал, словно все бежали на цыпочках. Он увидел вытянутое от удивления лицо фашиста, направил на него автомат, но не стрелял. Лицо перекосилось гримасой ужаса, рот открывался для крика. «Молчи!..» — шепотом выдохнул Мстислав, перехватил автомат за ствол и со всего маха ударил по каске врага. Звон каски был первым звуком в этой безмолвной атаке. Бой вспыхнул. Затрещали автоматные очереди. Было светло, сияло солнце, дул слабый ветер. Ошеломленные фашисты, не успевая вскрикнуть, падали прошитые пулями.

Бой закончился в считанные минуты. Смолкли автоматы, осела пыль, поднятая пулями, растаял пороховой дым.

Лес был рядом. Стоило приподняться на цыпочки и можно видеть, что там делается. Немцы в недоумении спрашивали друг друга: «Вас ист лос?» — что случилось? Некоторые, прихватив оружие, шли посмотреть. Встречей с ними начался новый бой. Фашисты опомнились, стремились во что бы то ни стало выбить развед-

чиков из траншеи. Атаки следовали одна за другой. У разведчиков кончились патроны, гранаты. В ход пошло оружие, захваченное в траншее. До вечера разведчики отбили семь атак противника.

Командир роты погиб. Оставалось девятнадцать человек. Командование взял на себя Мстислав Иванов. Последняя атака в сумерках была особенно яростной.

Фашисты ворвались в траншею, завязалась рукопашная, и все-таки разведчики удержались. Ночью их сменила пехота. Немцы не посмели атаковать в темноте, испытав разведчиков днем. Но на заре пошли в психическую атаку и выбили нашу пехоту.

Разведчики узнали об этом, когда к ним снова пришел командир дивизии.

— За взятие траншей вчера, вы будете награждены,— сказал он полусонным разведчикам.— Но сейчас опять надо брать высоту.

Мстислав попросил отложить до ночи.

— Нет,— ответил генерал.— Высоту нужно взять сейчас. Требуйте для поддержки что надо, но высота должна быть наша.

— Что, кроме артподготовки, поможет?— вопросом ответил Мстислав.— Давайте артподготовку. Сверим часы. Ровно в восемь ноль-ноль она должна оборваться. Мы используем те полторы-две минуты, пока фашисты будут отряхиваться.

Генерал с благодарностью пожал руку Мстислава, а через час утреннюю тишину разорвал грохот канонады. Высота была освещена первыми красноватыми лучами солнца, казалась нарисованной на синем фоне неба. На ее вершине рвались снаряды, лес заволакивало желтым дымом, в небо летели ветки, камни. Воздух и земля дрожали, гул катился по скалам, как грохот горного обвала.

Разведчики снова ползли на высоту. Ползли под самые разрывы снарядов. Остановились только когда

осколки стали долетать до них. Лежали, смотрели на минутные стрелки часов, ждали, готовые броситься в знакомые траншеи. И не опоздали. Едва осела вздыбленная последними снарядами земля, они вскочили и ринулись в траншеи. Их было сорок. И снова ни одного выкрика, ни одного выстрела. Они успели увидеть, как вражеские солдаты отряхивались от пыли, как приходили в себя, и опять увидели изумленные лица, первые grimасы ужаса.

Боя не было. Немцы не успели взяться за оружие, но с флангов ударили пулеметы, и разведчики упали в траншею, освобождая для себя места огнем автоматов. Бой начался в следующую минуту, когда из леса пошла лавина фашистов. Но скоро немцы поняли, что в траншею вернулись те, кто был вчера. Атака захлебнулась. Враги отступили в глубь леса. Вернулась тишина.

Мстислав обошел свои позиции, поговорил с товарищами. Все понимали, что их ждет, и были готовы держаться до последнего. Их осталось двадцать семь. Боеприпасов хватало. Три вражеских станковых пулемета могли действовать, патронов к ним тоже хватало.

И вдруг из лесу послышалась русская речь.

— Здесь армия Власова — русские и украинцы. Так что, вам, дальше не пройти. Лучше уходите, пока вас не турнули пинком под зад! — выкрикивал насмешливым голосом какой-то власовец.

Рядом с Мстиславом у пулемета стоял пожилой разведчик, носивший усы «Тараса Бульбы». Он громко прокашлялся и ответил с украинским акцентом:

— А петлюровцев у вас там нема? А то я в гражданскую добре навчився волтузить их. Сукины сыны! Как вы земляками считали себя?

В лесу замолчали.

Мстислав подал команду «приготовиться». Он догадывался, что там обдумывают какую-то каверзу. Но ничего особенного не случилось. Просто власовцы пошли

в атаку. Озлобленные, они бросились толпой, как в уличную драку, и откатились, когда увидели, что их бьют спокойно, расчетливо, не как попало, наверняка,

Пожилой разведчик громко спросил:

— Ну, что, сукины сыны, теперь вам хозяева по мордам надают и снова погонят?

— Не дразни их, Захарыч,— попросил Мстислав,— нам и без этого хватит...

День только начинался. Подкрепление подойти не могло. Немцы простреливали косогор с флангов. Предстояло держаться до ночи, а силы таяли, патроны убавлялись. После атаки власовцев в группе Мстислава осталось двадцать три человека. Среди них почти половина были ранены. Было жарко. Надо было беречь воду, раненым это давалось с трудом уже сейчас. А что будет в полдень?

— Может быть вызвать огонь?— спросил Мстислав.

Захарыч молча приглаживал усы, оглядывался на позиции дивизии, посматривал на опушку леса.

— Они на самом краю,— сказал он, кивая на опушку.— Рядом с нами. Артиллерия вышивать не умест. Накроет нас заодно с ними.

Мстислав согласился. В такой обстановке огонь артиллерии только навредит. А бить по глубине леса нет смысла, там одни кухни. Мстислав подумал, что было бы хорошо ударить с тыла. Представив как бы это изменило обстановку, он решил: надо выстоять до ночи, а ночью осуществить этот план. Из траншеи ему было видно ложбину на косогоре, по которой можно проникнуть в тыл. И он хорошо знал, как действует на психику врага перестрелка в его тылу. «Человек пять хватит»,— думал он.

Немцы и власовцы снова пошли в атаку и снова откатились, встретив плотный прицельный огонь. Разведчики экономили патроны, сражались не числом, а умением.

Весь день на высоте то и дело вспыхивали бои. Вечером все смолкло. В штабе дивизии успели подумать, что разведчики погибли. Последний бой был особенно тревожным. Частые взрывы гранат подсказывали о тяжелом положении разведчиков. Они отбивались гранатами, или их забрасывали гранатами.

Пехота, выдвинувшись на исходный рубеж, ждала темноты, но никто не знал, в чьих руках траншея, кто встретит там. Командир дивизии был на передовой. Смеркалось. Тишина казалась злобещей. Над высотой громоздились тучи, собирался дождь. С долины по расщелке, между высотой и скалами, тянуло сырым сквозняком. Пехотинцы в шинелях ежились, их пробирала дрожь.

— Командуйте вперед,— тихо сказал генерал.

Командиры штурмовых подразделений передали команды, пехота пошла на высоту. Пошла тихо, попластунски. Темнота скрыла ее, и явилась тревожная неизвестность. Время как будто остановилось. Генерал не сводил глаз с высоты, офицеры ежеминутно приседали и, прячась под плащпалатку, подсвечивали фонариками циферблаты. Прошло пять минут, потом десять. Тишина сомкнулась наглухо, но каждый ожидал, ожидал первыми взрыва, треска автоматных очередей, крика. И вдруг перед ними за бруствером поднялся из травы человек без пилотки, без шинели, в гимнастерке без ремня. Он спрыгнул в окоп и, очутившись перед генералом, спокойно доложил обстановку на высоте. Закончил предложением зайти в тыл противника.

— Можешь возглавить группу? Не ранен?— спросил генерал.

— Могу, товарищ гвардии генерал. Я знаю дорогу.

— Спасибо, сержант. Сейчас отдыхайте. Пойдете в три часа. Группу вам подготовят.

Мстиславу дали шинель, шапку. Отвели в командирскую землянку, и он тут же уснул.

Ночью шел дождь. Мстислав не слышал. Его кое-как разбудили в три часа, и он не сразу понял, что от него требуется, был во власти сна, видел курсантов училища младших командиров, читал им письмо отца из Сталинграда, собирался идти к начальнику училища, чтобы отпустили на фронт.

— Генерал вызывает,— говорили ему.

— Мой отец не генерал, он погиб,— ответил Мстислав.

— Пора в тыл идти, высоту брать,— его трясли за плечи, подняли и поставили на ноги.

Дождь кончался, где-то в темноте журчал ручей, и Мстиславу казалось, что это плещется вода в Волге.

— Твои разведчики на высоте ждут.

— Их не сменили?— Мстислав наконец пришел в себя. Вспомнил, что было в прошлые сутки, что он должен делать, и явился к генералу снова бодрый, деятельный, готовый выполнить любую задачу.

...На рассвете высота была взята. Фашисты и власовцы не выдержали, когда в их тылу завязались бои. Треск автоматных очередей, взрывы противотанковых гранат приближались и были всюду — и слева, и справа, и за спиной, и это сломило их. Они бросились «прорываться окружение».

Мстислав со своей группой расстреливал бегущих и в эту минуту опять вспоминал последнее письмо отца: «Скорее становись настоящим воином. Родину надо спасать. Это, сын, не простое дело, надо уметь воевать». И он научился воевать. На его счету десятки «языков», высоток, переправ, плацдармов и уничтоженных фашистов.

За эту высоту он получил орден Славы I степени.

В ОГНЕННОМ ВИХРЕ

Исманов Хусаин родился 24 января 1924 года в селе Орок Сокулукского района. На военную службу призван 4 января 1943 года Аламединским военкоматом. Участвовал в изгнании фашистов с Украины, форсировал Вислу, воевал на Магнушевском плацдарме, освобождал Варшаву, штурмовал Берлин. Отличался в боях при взятии города Познань, где в составе батареи огнем орудия нанес противнику большой урон.

За боевые заслуги награжден орденами Красной Звезды, Славы III, II степеней и Указом Президиума Верховного Совета СССР от 31 мая 1945 года — орденом Славы I степени. В числе наград есть польская медаль «За Варшаву».

В 1956 году Хусаин Исманов погиб при исполнении служебных обязанностей.

Уставшие в непрерывных наступательных боях войска I Белорусского фронта с большими потерями подошли к Висле, форсировали ее южнее Варшавы и, заняв небольшие плацдармы в районах городов Магнушев и Пулавы, перешли к оборонительным боям. Требовалось подтянуть тылы, пополнить подразделения...

Хусаин Исманов был наводчиком 76-миллиметрового противотанкового орудия в 86 гвардейском отдельном истребительно-противотанковом дивизионе, который занимал оборону в районе высоты 146,8 на Магнушевском плацдарме.

Ранним погожим утром 18 августа 1944 года у этой высоты начался особенно ожесточенный бой. Фашисты стремились занять высоту, чтобы обстреливать плацдарм прицельным огнем. Первыми на наши позиции пошли их танки. Потом бронетранспортеры и пехота...

Ржаное поле впереди наших позиций стало черным от массы наваливающейся техники и фашистов. В воздухе стоял сплошной гул моторов. Земля дрожала.

Хусаин считался обстрелянным бойцом. Уже год служил в действующей армии, но такого еще не видел, и внутри у него что-то похолодело. Он невольно оглянулся назад, словно искал, куда спрятаться.

— Держись, сынок, — обратился к Хусайну заряжающий. Он был пожилым человеком, участвовал в гражданской войне, считал весь орудийный расчет своими сыновьями, а бойцы ласково называли его дядей Федей.

— Держись, а то потом стыдно будет, — добавил дядя Федя с такой верой в «потом», что Хусаин даже улыбнулся. «Конечно, ничего не случится — «потом» будет — конец не придет».

Он навел орудие спокойно, весело крикнул: «Готов!» и, когда после выстрела орудие встало на место, с жадностью смотрел в прицел на результаты своей работы. Снаряд разорвался перед танком, но тот встал. Видимо,

осколками ранило водителя. Волнуясь, как бы танк не сдвинулся с места, Хусаин снова навел по нему и опять крикнул: «Готов». Второй снаряд вспыхнул на броне, третий — ушел куда-то. Хусаин поторопился, плохо навел, но танк уже горел и из него выпрыгивали танкисты. А слева и справа горели еще два танка, подбитые соседними орудиями.

— По бронетранспортерам! — командовал сержант Кондаков, командир орудия.

Хусаин едва слышал его голос в грохоте боя. Яснее прозвучали слова дяди Феди:

— Не спеши, сынок, не спеши... Мазать нельзя. И Хусаин заставил себя успокоиться.

Бронетранспортер, по которому он стрелял, завертелся на одном месте, вспыхнул дымным пламенем и затих. Другие поворачивали назад. Справа загорелись еще два танка, остальные начали пятиться. Хусаин наводил по одному из них, но тот шарахался из стороны в сторону, уходил зигзагами. Четыре снаряда, посланные ему вслед, пролетели мимо, взрывались в толпах отступающей пехоты — это не устраивало Хусаина.

— Как так — почему? — удивлялся он с растерянным видом. — Я хорошо наводил.

Дядя Федя, ухмыляясь в прокуренные усы, садился на снарядный ящик, вытирал пилоткой пот со лба и поглядывал на сержанта Кондакова, ожидая, что тот скажет.

— Объявляю благодарность, товарищи...

Он собирался сказать что-то еще, но подносчик снарядов Василий Опашко помешал криком:

— Горит! Рожь горит!

Все обернулись к полю. Там буйно загоралась от подожженных танков рожь. И ветер гнал пламя на батарею, на окопы стрелковой роты, а дым козырьком нависал над ними, закрывая горизонт и часть неба.

— Плохо дело, сынки,— серьезно сказал заряжающий,— Ну-ка бегом в речку, окунайтесь, чтобы мокрыми были.

Хусаин и Василий побежали первыми. На обратном пути им встретились Кондаков и дядя Федя.

— Смотрите за противником,— крикнул на бегу сержант.

Они вернулись в тот момент, когда огонь уже бушевал над окопами стрелковой роты, а на сожженном поле, поднимая вихри черного пепла, снова появились танки и бронетранспортеры. Сквозь вал огня они казались большими, чем были на самом деле, и колыхались, как мираж.

Батарея открыла огонь с предельной скорострельностью. Соседние батареи, где не было пожара, помогали, но танки все-таки прошли через окопы стрелков. Их остановили, расстреливая в упор. Последний встал в десяти метрах перед орудием Хусаина.

Была какая-то минута, когда орудие танка и орудие Хусаина направили стволы друг на друга, и судьба решалась мгновением. Кто первый выстрелит? В эту минуту Хусаин не чувствовал себя, словно нервы атрофировались. Он видел только башню танка и наводил по ней. Его выстрел грянул раньше. Танк вздрогнул, башня замерла, из нее повалил черный дым. Его подхватил догнавший вал пламени. Послышался гул вихря.

— Орудие вперед! — приказал Кондаков.

Расчет на руках перекатил орудие сквозь пламя. Впереди бой вела пехота. На многих красноармейцах горели гимнастерки, но они отбивались от наседавших фашистов. Тлеющие стерня чадили — дым плыл над землей, как половодье. Слышались крики, непрерывно трещали пулеметы, рвались гранаты.

— По фашистам — ого-нь! — командовал Кондаков, задыхаясь от кашля.

Хусаин почти ничего не видел. Глаза слезились от дыма, даль закрывало клубящееся облако, но он наводил, орудие стреляло, и снаряды рвались среди наседавших фашистов. Бой достиг наивысшего напряжения и, казалось, ему не будет конца. Хусаин уже не слышал команд Кондакова, наводил самостоятельно. Дядя Федя сильно хромал и морщился от боли в раненой ноге. Подносчик снарядов, придерживая перевязанную руку, прибежал со старой позиции, принес ящик со снарядами и снова убежал.

— Ах, ты, Вася, кот Василий...— проговорил дядя Федя, останавливаясь со снарядом в руках.

Исманов оглянулся. Подносчик с ящиком на плече опустился на одно колено, покачивался, пытаясь встать, но упал. Ящик со снарядами накрыл его голову. Хусаин посмотрел на дядю Федю, словно не понимал, что произошло. Тот сердито заряжал, но говорил, как обычно, спокойно:

— Ничего, сынок, стреляем...

Сержант Кондаков лежал в сторонке. Над ним хлопотала медсестра.

«Я не оглох»,— подумал Хусаин, только теперь понимая, почему перестал слышать команды.

— Наводи, сынок, наводи,— говорил дядя Федя,— не давай им уйти.

Фашисты откатывались назад. По ним били наши минометы, спрятанные за высотой. Кто-то умело корректировал огонь минометчиков. Разрывы ложились плотной цепью, в самой гуще вражеских солдат, и не отставали от них, пока позволяла дальность стрельбы.

— А ты провожай, провожай их, чтобы еще не захотелось,— говорил дядя Федя, работая, как машина: два шага к ящику, выстрел — и снова к ящику.

А вокруг все стихало. Перестала чадить стерня, уплыл дым. Солнце светило по-утреннему приветливо

и, если бы не черное поле да еще горящие танки, казалось бы, что ничего страшного и не было.

Прекратив стрельбу, дядя Федя, сидя на пустом снарядном ящике, закуривал, как после какого-то мирного труда.

— А ты, значит, сынок, не научился?— спросил он, качнув кисет, висевший на шнурке.— Это не обязательно. Я в твои годы тоже не курил. Потом, в тридцатые годы, пристрастился. Кушать было нечего, так хоть табаклом голод отгоняли. Тяжелые были годы... А все же лучше, чем война... Лучше.— Он говорил медленно, думал и, наверное, видел прищуренными голубоватыми глазами то, о чем говорил.

— А ты, значит, из Киргизии?— спросил он, собираясь задать свой обычный вопрос: как там, что пишут? Он спрашивал об этом у всех «своих сынков» даже тогда, когда они давно не получали писем, и он знал об этом, но спрашивал, чтобы они вспоминали, что писалось из дому раньше.

— Так-так,— размышлял он,— далеко твой дом... А пишут что?

— Колхоз выполнил хлебопоставку, но отправляет на фронт сверх плана,— ответил Хусаин.

Дядя Федя повел кустистой бровью, прикинул что-то в уме.

— Это мать пишет?

— Нет, председатель.

— А он почему это тебе пишет?

— Я после школы у него секретарем работал до мобилизации.

— Так-так... Вроде отчета, значит?

— Нет, зачем отчет? Мать писать не умеет. Идет к нему. Он пишет.

Дядя Федя понимающе кивнул, помолчал, оглядываясь по сторонам, и уточнил:

— Ну, а мать-то как там?..

— Ничего. Колхоз помогает. Город рядом, базар есть. Наш колхоз «Джал» близко от города Фрунзе. В других местах не знаю как...

Дядя Федя опять кивнул.

— Везде сейчас тяжело... Но скоро закончим...

Он затоптал окурок и встал с таким видом, словно собирался сейчас «закончить». Хусаин тоже поднялся. Он уже привык делать все так же, как этот спокойный, рассудительный солдат. Они сходили на батарею, попросили пополнения из тех, кто остался без орудий. Потом устроили новую позицию, используя подбитый танк как прикрытие, пообедали и приготовились к следующим боям.

В это время позиции обходил командир полка гвардии майор Репин. Увидев дядю Федю, он задержался, присел выкурить папиросу, как с хорошим знакомым. Они были земляками, разговор начался с взаимных вопросов о домашних, потом перешел на текущие дела.

— Твой?— спросил майор, постукав костяшками пальцев о броню танка, у которого они сидели.

— Точнее будет — его,— дядя Федя кивнул на Хусаина.

— Один?

— Нет, не один, вот тот еще, а потом бронетранспортер,— дядя Федя показал на выгоревшее поле, где застыли подбитые танки и бронетранспортеры.

— Почему представления нет?

— Некому писать, товарищ гвардии майор. Командир орудия тяжелый, в сапбат унесли. Командир батареи... Сами знаете... Грамотный был человек. Я думаю, после войны вышел бы в ученые...

— Подожди, Федор Михайлович, о капитане будет другой разговор. Рассказывай, как у вас было,— майор достал из планшетки блокнот, приготовился записывать.

— Как было...— нехотя говорил дядя Федя.— Обыкновенно. Могу сказать только вот про него,— дядя Федя опять кивнул на Хусаина.— Другой бы: «мама!» и — в кусты, когда они повалили, а он даже не оглянулся. Но, признаться, страшно было. Врать не буду. Такой атаки мы еще не отбивали. Один пожар чего стоит...

Майор записывал, расспрашивал о сержанте Кондакове, о подносчике снарядов, потом встал серьезный, сдерживал волнение и поблагодарил. Поспешил уйти, словно был виноват в пережитом бойцами.

Дядя Федя был тоже строгим и тоже скрывал смущение. Понимая его, новый командир орудия старший сержант Воробьев, командир погибшего расчета, приказал вырыть под танком блиндаж, отвлекая этим от неловкой минуты.

— Верно, укрытие получится что надо!— оживился дядя Федя, и Хусайн почувствовал, как самому стало проще и свободнее среди нового расчета.

Копали блиндаж, шутили, говорили, что офицеры специально прислали этот танк, чтобы расчет не пострадал при артподготовке.

— Гореть в нем уже нечему, а пробить его — не просто. Будем, как у Христа за пазухой.

Работа шла споро. До вечера закончили и благоустроились. Собравшись все и заняв место, какое кому понравилось, сидели; продолжали шутить и вдруг замолкли, прислушались. Вдали нарастал и приближался гул тяжелых бомбардировщиков. Никто не сомневался, что это. Все отличали звук своих от фашистских.

— Испытать надумали...— сказал новый командир расчета. Сказал без тени шутки, и никто не улыбнулся. Тяжелые бомбардировщики несли такие бомбы, что танк над головами расчета ничего не изменит, если бомбы упадут хотя бы рядом.

Все притихли, вслушиваясь в гул, а потом потихоньку, скрывая друг от друга, переводили дух. Бомбарди-

ровщики свернули на Варшаву, летели по приказу Гитлера, сравнять город с землей.

— Поляки поляков уничтожают с помощью немцев,— проговорил дядя Федя и сплюнул под ноги.

Он сказал об авантюре правительства польских эмигрантов, которое преждевременно подняло в Варшаве восстание, стремясь до прихода Красной Армии установить свою власть и тем самым помешать польскому комитету национального освобождения установить народную власть.

— Еще не убили медведя, уже шкуру делят,— дядя Федя покачивал головой с осуждением и вздыхал.

— Надо скорей гнать фашистов,— горячася сказал Хусаин.

— Надо,— согласился дядя Федя,— да ведь мы не дружилые. Была батарея, одно орудие осталось. Из пятерых мы с тобой двое здесь. Так что... Сам понимаешь...

— Накапливание сил,— сказал Воробьев, поясняя Хусаину и добавил непонятное:— Тактика и стратегия...

— Все равно скорей надо,— сказал Хусаин, сжимая кулаки.—Тактика, стратегия—потом, гнать сейчас надо!

Дядя Федя ухмыльнулся в свои прокуренные усы, положил руку на плечо Хусаина.

— Погоним, сынок, погоним...

— Когда?

— Не горячись. Придет время погоним.

Не скоро пришло это время. Только через четыре с половиной месяца.

«14 января 1945 года в боях по прорыву глубоко эшелонированной обороны противника в районе Магнушевского плацдарма, находясь впереди боевых порядков пехоты, в период интенсивной артподготовки и преследования противника, пренебрегая жизнью, уничтожил огнем своего орудия 2 дота, блиндаж, 14 гитле-

ровцев». Так скупо написано во втором наградном листе на орудийного наводчика Хусаина Исманова.

А через месяц он был в Познани. Фронт ушел далеко вперед, на Одер. Хусаин со своим расчетом в составе 82-ой гвардейской стрелковой дивизии «застрял». Фашисты-фанатики сопротивлялись с отчаянием обреченных на смерть.

23 февраля наши войска пошли на решающий штурм. И снова орудие Хусаина было с атакующими. Метким огнем оно уничтожало пулеметные точки, дзоты, блиндажи и косило фашистов. За мужество и умелые действия в этих боях Хусаин Исманов был награжден орденом Славы I степени.

А потом догонял фронт, форсировавший Одер, и снова воевал так, что заслужил орден Красной Звезды.

Закончил он войну последним выстрелом по рейхстагу в Берлине. А вскоре артиллерийский дивизион неожиданно построили по большому сбору. Солдаты спрашивали, по какому случаю, зачем, высказывали предположения, что объявят демобилизацию. Пришли командиры и с ними офицеры польской армии. Когда командир дивизиона назвал фамилию Хусаина, он растерялся, но толчок сзади вывел его из оцепенения, он вышел из строя.

«...За мужество в боях, за освобождение Варшавы,— читал командир дивизиона,— приказом министра обороны Польской Республики награждается медалью «За Варшаву».

Это была восьмая награда гвардейца.

САПЕРЫ

Кадыркулов Идирис родился 15 сентября 1917 года в селе Казарман Тогуз-Тороузского района Киргизской ССР. 10 декабря 1939 года был призван на военную службу Тогуз-Тороузским военкоматом. На фронте с декабря 1941 года. Воевал на Сев. Двище, в числе первых форсировал Днепр, преодолевал Южный Буг, Тиссу, Дунай, Грон, Мораву, Дыйе. На реке Ипель, командуя отделением саперов, разминировал берег, навел переправу и обеспечил переход на вражеский берег основных сил дивизии. Дважды ранен.

Награжден орденами Красной Звезды, Славы III, II степеней и Указом Президиума Верховного Совета СССР от 28 апреля 1945 года — орденом Славы I степени. В числе боевых наград есть медали «За отвагу». «За взятие Вены» и другие.

В наши дни Идирис Кадыркулов живет в колхозе им. Ленина Тогуз-Тороузского района и работает в районном Управлении оросительных систем.

Темная сентябрьская ночь была ветреной. Днепр пенился, с гребешков волн срывались брызги, летели в лица гребцов. Надувная лодка пересекала реку наискось, ее сносило течением и ветром. Люди в ней вглядывались в черный берег, прислушивались, но темнота не давала видеть, а шум ветра и плеск волн мешали слышать.

— Не знаю, кто нам позавидует...— прошептал Кондратьев, сидевший на носу лодки с ручным пулеметом в руках. Рядом с ним, припадая к борту, полусидел-полулежал Идирис с автоматом. Он не понял товарища, но расспрашивать не стал. По тону голоса догадался, что тот чем-то недоволен. Он вытер лицо рукавом шинели, поправил на голове шапку.

Темный берег приближался. Уже различались кусты, коряги, и чуть заметно белела полоса прибоя.

— Навались!— приказал Кондратьев гребцам.

Четверо солдат засопели чаще. Лодка пошла прямо к берегу. Кондратьев и Идирис привстали, готовясь выскочить. Их глаза впивались в кусты, ожидали увидеть вспышки выстрелов. Но берег молчал. Лодка ткнулась в него, стала разворачиваться, сносимая течением. Солдаты прыгали на берег, бежали в кусты. Двое остались, выгружали бревна, лопаты, моток стального троса, потом вытащили лодку и стали быстро копать яму.

— Ты и Попов в обороне,— сказал Кондратьев, оставляя Идирису ручной пулемет.— Окапывайтесь.

Идирис молча кивнул, Попов ответил:

— Не видно ничего.

— Утром увидим.

Кондратьев вернулся к работавшим на берегу, сменил одного из солдат, второго сменил напарник Попова.

Мягкая земля поддавалась легко. Яма становилась все глубже.

— Давай дальше,— командовал Кондратьев, выбираясь из нее.— До воды копай.

В яму прыгнули начинавшие копать, а Кондратьев вернулся к Идирису.

— Что видно?

— Никто — куст.

— Попов, а у тебя?

— То же самое. Пожалуй, здесь никого нет.

— «Никого нет»! — передразнил Кондратьев сердито. — А в бинокль что видел?

— Так это днем было... Ушли, наверное.

С берега тихо позвали:

— Старшина, вода...

— Я потяну трос один. Смотрите тут. Идирис, ты за старшего.

— Понимаю, хорошо.

— Смотрите, — повторил Кондратьев.

На берегу закапывали столб, привязывали к нему трос, Кондратьев сел в лодку. Через минуту он скрылся в темноте, и только вздрагивающий трос подсказывал, что лодка уходит на свой берег. А ветер шумел, плескались волны, шелестели кусты. Небо заволакивали низкие осенние тучи. Ни одна звездочка не проглядывала сквозь них. Только иногда появлялось расплывчатое белесое пятно там, где должна быть луна.

— Что такое не позавидует? — спросил Идирис, когда к нему пришел сменившийся солдат. Они копали траншеи. Строили оборонительный рубеж. Попов, услышав вопрос, хмыкнул:

— Ты и здесь учишь русский язык? Ну, парень...

— Это Кондратьев сказал про нашу судьбу. Хуже сапера не придумаешь, — ответил солдат.

— Зачем придумывать? Мы главный человек на войне, — ответил Идирис.

Попов опять усмехнулся:

— Верно, Идирис. Если после войны кто-нибудь замерит все наши траншеи, блиндажи и подсчитает, сколько мы земли переверочали, сколько мостов взорвали и

построили, да сколько на брюхе по минным полям проползли, то мы будем главными чернорабочими войны...

Вскоре траншея была готова. Саперы устроились в ней поудобней, ветками загородились от ветра и намеревались отдохнуть до утра, но трос натянулся, по нему пришли лодки с пехотой, плоты с орудиями, и саперам пришлось копать новые ямы, ставить другие столбы, тянуть на свой берег дополнительные тросы.

Переправа началась. Передовые части 7 гвардейской армии форсировали Днепр. Фашисты обнаружили их только на рассвете. Завязался бой. На переправу обрушился минометно-артиллерийский огонь. Тросы рвались. Лодки сносило вниз. Саперы тянули новые тросы, навели понтонный мост для тяжелой артиллерии и танков. Мокрые, не раз сброшенные взрывом в Днепр, они продолжали свою работу, не обращая внимания ни на обстрел, ни на холодный сентябрьский ветер, ни на мутные волны реки.

Днем через понтонный мост шли танки, тягачи с гаубицами, пехота, санитарные повозки, походные кухни. А отделение Кондратьева уже было впереди войск, обезвреживало минное поле. Противник открыл ружейно-пулеметный огонь, не пускал на поле. Пришлось ждать ночи.

Саперный батальон майора Воронкова занял окраину села, отдыхал перед ночной работой. Комбат собрал командиров рот, поставил перед ними задачу, потом спросил:

— Кто думает писать представления к награде, доложите. Первым поднялся старший лейтенант Мальцев. Но майор не дал ему говорить.

— Все знаем твою шестерку. Не хвастай. Пиши молча. Достойны. Только, подскажу, киргизу... как его фамилия, не могу запомнить...

— Кадыркулов Идирис.

— Вот ему — орден Красной Звезды. Сам видел его. Заслужил.

...Ночь наступила опять темная, холодная, с промозглым ветром. Идирис в отделении Кондратьева полз впереди, ощупывал каждую кочку, каждую ямку. Грязь студила руки. Шинель промокла, в сапогах хлюпала вода. Сложно найти мину ночью в земле, еще сложнее обезвредить. Надо хорошо знать все системы мин, их секреты. Надо действовать предельно осторожно, ошибок не должно быть, иначе, взрыв, смерть.

Идирис нашел первую мину, окопал ее, ощупал. Взрыватель один. Выворачивая его, Идирис не верил, что немцы заминировали поле такими простыми минами.

«Это, наверное, только тут, дальше хитрые будут», — думал он. Идирис пополз дальше, нашел вторую мину. Она была тоже с одним взрывателем. Он обезвредил ее, пополз в сторону. Надо было разгадать систему минирования поля. И вдруг невдалеке выстрелила сигнальная ракета. Кто-то допустил ошибку. Не заметил, не нащупал проволочку, тронул ее. Ракета взлетела в небо, подала сигнал, и почти следом над полем засветились другие ракеты, засвистели пули. Фашисты открыли пулеметный огонь, стремились выбить саперов, но они вдавились в землю, замерли, и как только гасли ракеты, продолжали работу.

К утру проходы были готовы. Многих товарищей саперы не досчитались. Идирис был ранен, но с поля ушел, когда закончил работу.

Фронт уходил дальше. Идирис Кадыркулов оставался на его переднем крае. Прошел Кировоград, Новоукраинку, Первомайск.

В марте 1944 года на пути разлился Южный Буг. Мутный, широкий, с плывущими льдинами, с раскисшими берегами, он казался непреодолимой преградой. Но фронт не мог останавливаться. 7 гвардейская армия

форсировала реку с ходу. Для саперов это значит работа день и ночь под огнем противника, на открытой реке, а потом делать проходы в минных полях на вражеском берегу.

В наградном листе за эти дни майор Воронков о Кадыркулове писал:

«...Особенно отличился в дни наступления в марте 1944 года. Он шел впереди пехоты, проделывал проходы в минных полях противника. Лично обнаружил и снял 138 немецких мин. Несмотря на обстрел со стороны противника, четко и смело выполнял поставленную задачу. Достоин награждения орденом Славы III степени».

Армия наступала дальше. В Румынии Идирис воевал в составе взвода разведчиков. Часто ходил в тыл противника, помогал брать «языка». Рослый, крепкий, с недюжинной силой, он быстро завоевал авторитет у разведчиков тем, что и мины снимал, «как семечки грыз», и в бою дрался, «как танк».

На его груди среди орденов появился значок «Отличный минер», который давался только за мастерство.

К сентябрю 1944 года, когда он был награжден вторым орденом Славы, на его боевом счету значилось три тысячи поставленных мин и две с половиной тысячи обезвреженных. Две тысячи пятьсот раз Идирис держал в руках смерть. Две тысячи пятьсот раз, рискуя своей жизнью, он спас кого-то от смерти. И снова вперед, и снова преграды, минные поля, разведка в тылу, подрыв мостов, наведение переправ.

Все реки трудно форсировать, но одна на границе Венгрии и Чехословакии далась так, что запомнилась Идирису на всю жизнь.

Пасмурный день, дождь со снегом, подмороженная корка земли на минном поле, взорванная плотина на речке Ипель, мины с секретом в деревянной оболочке, которых не улавливал миноискатель, обстрел противни-

ком, переправа по ледяной воде вплавь — все застряло в памяти, словно было на прошлой неделе.

За эту операцию его представили к ордену Славы I степени.

Он стал первым полным кавалером ордена Славы в своем саперном батальоне, и его товарищи знали: Идирис это заслужил.

ВОЗДУШНЫЙ СТРЕЛОК

Карымшаков Абдыкасым родился в 1913 году в селе Курменты Тюпского района Иссык-Кульской области. В сентябре 1941 года Пржевальским военкоматом был призван в армию. Воевал в составе Южного, 4 и 1 Украинских и 3 Белорусского фронтов. Участвовал в боях за Таганрог, Мелитополь, Джанкой, Севастополь, громил вражеские группировки под Витебском, Борисовым, на Сандомирском плацдарме, в Восточной Пруссии, штурмовал Кенигсберг. Карымшаков совершил 203 боевых вылета и лично сбил 7 самолетов врага. Храбрость, мужество и бесстрашие воздушного стрелка Родина отметила наградами — орденами Красной Звезды, Красного Знамени, Отечественной войны 1 степени, Славы трех степеней. Золотая звезда Славы вручена Карымшакову по Указу Президиума Верховного Совета СССР от 29 июня 1945 года.

В настоящее время полный кавалер солдатской славы живет на своей родине и трудится в колхозе им. К. Маркса.

Военная биография Карымшакова Абдыкасыма началась за два года до первого боевого вылета. Служба авиационным оружейником, учеба в летно-технической школе, постоянные тренировки подготовили его настоящим воздушным стрелком—первым защитником и помощником летчика в себе.

Война уже гремела в степях Донбасса, когда он на илтурмовике ИЛ-2 поднялся в воздух с боевым заданием: илтурмовать и бомбить технику и живую силу противника на станции Волноваха. Это степной поселок на дороге между городами Донецк и Жданов. Фашисты превратили его в сильный опорный пункт на пути в Крым. Группе в шесть ИЛов было приказано нанести удар по нему, чтобы помочь наземным войскам. На одном из ИЛов был и Абдыкасым.

Под крылом тянулись однообразные степные перека-ты, над головой развернулась блеклая синь, впереди — свои, а сзади... «Фокке-Вульфы» любят охотиться на замыкающих. «Успеет ли вовремя заметить их стрелок», — думал летчик.

— Андрей, как там?— летчик волновался, забыл киргизское имя стрелка, называл, как в полку привыкли.

— Впереди справа два истребителя, — ответил стрелок.

— Где?

— Впереди справа, командир.

На горизонте, вырастая из точек, приближались два наших истребителя. Их еще никто не успел заметить. Летчик удивился, но ничего не сказал, на душе стало спокойнее.

«Говорит, в горах родился, наверное, зрение особое», — думал он, и вдруг почувствовал себя так, словно его облили холодной водой. Мотор сделал перебой, потом еще и еще. А ведущий уже пошел в пике на станцию, и там ясно был виден эшелон с танками, чернели толпы фашистов. Надо пикировать. Но как пикировать,

когда барахлит мотор? И тут же засверкали белые шапки разрывов. Слева их густо, впереди они сливались в сплошное облако. Спасение в вираже. ИЛ склонился на крыло, ушел в сторону. Другие отштурмовали, возвращались.

— Идем на цель,— сказал летчик, проклиная мотор, который «прочихался» и теперь, как нарочно, работал четко.

— Понял, командир,— ответил стрелок.

Штурмовка прошла благополучно. Из зоны зениток тоже вышли удачно, а дальше снова перебой. Летчик нервничал: менял обороты, манипулировал высотным корректором, газом и забывал оглядываться назад, будто больше не боялся «мессеров». Только на аэродроме вспомнил о них.

— Ни одного не было?— спросил удивленно.

— Нет, командир.

— Молодец, Андрей. Спасибо!— летчик обнял стрелка, радовался его спокойствию, его выдержке.

Кто воевал на ИЛах, тот хорошо знает цену взаимодействия между летчиком и стрелком. Воздушный стрелок — главная оборона на штурмовике. В его руках две жизни: командира и его. Он обязан не только первым увидеть вражеские истребители и доложить о них командиру, но и умело отбить атаки. Безграничное доверие друг другу — это основа боеспособности экипажа. И плохо, если летчик оглядывается на хвост самолета.

И только после того, как экипаж произвел более двадцати успешных вылетов, когда Абдыкасым на деле доказал, что глаза у него действительно «особые», вот тогда в кругу командиров летчик Брандыс сказал:

— Мне оглядываться не надо. У меня за спиной Абдыкасым. Это крепче любой брони.

Вскоре они завоевали право вылетать на свободную охоту. Это разрешалось только опытному и слетанному экипажу.

Утро. Погода подходящая: дымка, низкая облачность. Курс на Никополь. Там уличные бои, а за линией фронта резервы. Есть на что поохотиться.

— Идем через линию фронта, смотри!

— Понял,— ответил Абдыкасым. Пулемет у него наготове, глаза зорко следят за горизонтом.

На подходе к линии фронта самолет попал в зону обстрела. Вокруг забелели разрывы снарядов. Летчик маневрировал, бросал ИЛ из стороны в сторону. Вдруг удар и — тишина. Мотор заклинило. Самолет стал планером. Летел по дуге, снижаясь куда-то.

— Кажется, на нейтральную вытянем,— предположил летчик.

— Понял, командир,— спокойно ответил стрелок.

Земля, рыжая, выгоревшая, вся в воронках, стремительно, до ряби в глазах, летела навстречу. Потом толчок — один, второй. Попад колесом в воронку штурмовик развернулся и, уткнувшись носом в землю, остановился.

— Бежим, командир!

— Куда?

— Стрелять будут. Абдыкасым успел заметить фашистскую батарею, показал на нее. Там уже хлопотали оружейные расчеты, стволы пушек разворачивались на ИЛ.

— Сюда, сюда,— показывал Абдыкасым и побежал к воронке.

Первые пять-шесть снарядов упали вокруг ИЛа, следующий попал в него и там, где он стоял, поднялся черный столб дыма.

— Дальше надо, командир.

Они поползли к своим. Летчик не спрашивал, почему это надо. Ответом были пулеметные очереди врага. Наши стреляли из сорокапятков. Завязалась перестрелка. Одни стремились уничтожить, другие помогали спастись. Но до своих было далеко.

— Не вырваться,— проговорил летчик, когда вокруг начали рваться мины.— Сейчас прижмут и пойдут в атаку. Что будем делать?

— Что прикажешь, командир.— Стрелок прикрывал собой летчика, не давал ему выглянуть из воронки, в которой они опять остановились.

— Будем отстреливаться.

— Понял, командир.

— Но последний патрон оставим для себя.

— Понял тоже...

— Ты другие слова знаешь?

— Фашисты близко, трудно уйти, командир.

— Сколько у тебя детей?

— Мины вперед ушли. Бежим, командир! "

Абдыкасым заметил, что фашисты перенесли огонь на окопы нашей пехоты, и он, схватив летчика за руку, бросился вперед. Этого никто не ожидал. Немцы не успели открыть пулеметный огонь, как Абдыкасым с летчиком оказались в воронке около своих траншей.

Огонь прекратился. Все затихло. Оседала горьковатая пыль. Из окопов позвали:

— Эй, вы, летуны, целы?

«Летуны» переглянулись и неожиданно для себя рассмеялись.

— Целы вроде...

В полк они вернулись ночью, а на следующий день уже снова вылетали на боевое задание.

Фронт двигался к Крыму. Перед советскими войсками стояла задача: не дать врагу уйти живым с Крымского полуострова. На фронтовых аэродромах от зари до зари не смолкал гул самолетов. Большими группами поднимались они в воздух и уходили в сторону Севастополя, Керчи, Джанкоя.

8 апреля 1944 года командование и политотдел 8 Воздушной армии обратились к бойцам и командирам: «Нам выпала честь освободить Крым — родную, исконно рус-

скую землю, за независимость и свободу которой героически сражались с иноземными захватчиками русские воины. Землю, где родилась бессмертная слава полководцев Нахимова, Фрунзе...

Штурмовики и бомбардировщики! Бесстрашно штурмуйте и бомбите вражеские оборонительные рубежи, громите и уничтожайте технику и живую силу противника!

В бой, воздушные воины! Вперед! За Крым! За Советскую Родину! Смерть фашистским захватчикам!»

Через несколько часов эскадрилья штурмовиков под прикрытием истребителей шла курсом на Сапун-гору. Абдыкасым внимательно осматривал окружающее пространство. Слева и справа шли свои самолеты...

— Справа группа самолетов! — возбужденно прокричал Абдыкасым.

— Пока не вижу!

— Группа разделилась. Командир, смотрите вправо по крылу!

— Вижу! Наблюдаю за левой группой. Бери уходящих вправо!

Абдыкасым почувствовал облегчение от того, что наконец увидел врага, что его не надо высматривать, а можно бить. Он развернул пулемет, осмотрелся.

— Немцы окружают!

— Хорошо. Вижу.

Нашекрытие встретило вражеские самолеты. В воздухе закрутилась карусель стреляющих и воющих самолетов. Абдыкасым увидел несколько «фоккеров». Они выскочили из этой карусели и устремились к штурмовикам.

— Идут на нас, командир!

— Держись, Андрей! Будет жарко!

Вражеский истребитель стремительно приближался и не открывал огня. «Смелый», — отметил про себя Абды-

касым и дал длинную очередь. Бледно-зеленый пунктир трассирующих пуль протянулся навстречу «Фокке-Вульф», и тот, круто взмыв, ушел вверх. А рядом с фюзеляжем прочертилась трасса вражеских пуль.

— Левый вираж!!— не своим голосом закричал Абдыкасым. Самолет круто лег на крыло, и Карымшаков успел увидеть хвост уносящегося в сторону второго «фоккера». Он крутанул турель и навскидку дал очередь, стараясь теперь поймать в крестовину прицела истребитель. Вдруг тот как бы повис в воздухе, из-под правой плоскости вырвался черный клуб дыма, истребитель качнулся, лег на крыло и понесся вниз.

Еще четыре атаки отразил в этом бою Абдыкасым, защищая не только свой экипаж, но и два других, где воздушные стрелки были убиты.

В более трудной обстановке пришлось летчикам вести штурмовку в районе Сапун-горы. Плотный зенитный огонь мешал прицельному бомбометанию, дым застилал склоны горы такой плотной пеленой, что трудно было различать цели. Но штурмовики проносились низко над вражескими позициями и бомбили окопы и артиллерийские батареи.

Закончилась крымская битва, и к трем орденам воина-киргизстанца добавился орден Славы III степени.

Через несколько месяцев 75 гвардейский полк штурмовиков был переброшен к границе Восточной Пруссии. Предстоял штурм Кенигсберга. Больше трех месяцев продолжалась Восточно-Прусская операция, и все это время штурмовики непрерывно были в работе.

Два документа военного времени охватывают тридцать четыре дня с 24 февраля по 28 марта 1945 года. Это были дни штурма Кенигсберга, когда Абдыкасыму приходилось вылетать по 2—3 раза в день.

«...В районе Бракунен, при выполнении боевого задания, тов. Карымшаков отбил две атаки шести вражеских истребителей.

25 февраля 1945 года в районе Родельсторг группа «Илов» была атакована истребителями. В этом бою тов. Карымшаков отбил 36 атак «ФВ-190».

То же самое в районе Брегден, в районе Кенигсберга и других городов Восточной Пруссии «...успешно произвел 30 боевых вылетов... Успешно произвел 27 боевых вылетов...»

Кенигсберг пал. Войска 3 Белорусского фронта завершили разгром врага.

За участие в Восточно-Прусской операции Карымшаков получил ордена Славы II и I степеней.

РАЗГОВОР С ФАШИСТАМИ

Ковпак Алексей Павлович родился 11 ноября 1918 года в селе Зеленое Петровского района Кировоградской области. На военной службе с 1939 года. С первых дней войны на фронте. Прошел боевой путь от города Первомайска на Украине до города Цистерсдорфа в Австрии.

На фронте вступил в партию.

За отвагу и мужество Ковпак награжден тремя орденами Славы. Орденом Славы 1 степени он награжден Указом Президиума Верховного Совета СССР от 15 мая 1946 года.

В 1948 году Алексей Павлович демобилизовался и приехал в город Кант. В том же году поступил работать на Кантский сахарный завод и проработал на нем до 1967 года.

21 октября 1967 года Алексей Павлович Ковпак умер.

Черная вода реки отражала гаснувшие звезды. Плот с погруженной на него пушкой сносило левее того места, куда высаживался десант пехоты. Шесть человек орудейного расчета из всех сил работали веслами и шестами, и все-таки течение уносило их. В ранних сумерках они видели, как пехота высаживалась за излучиной, а к ним отделились только две лодки.

— Как называется эта речка?— спросил наводчик.

Командир орудия оглянулся на него, выругался, срывая зло за неудачу.

— Черт ее знает, румынская. А ты что, путевые заметки ведешь?

Алексей промолчал. «Узнаю потом»,— решил он.

Расчет выкатывал орудие на берег. Кустарник и молодые вишни, увитые хмелем, мешали подняться на поляну.

— Выруби их,— приказал старшина.

Взяв топор, Алексей пошел вперед. Срубая вишни, оттаскивал их в сторону и вдруг увидел за поляной, на краю леса, вражеских солдат. Они устанавливали батарею малокалиберных орудий, маскировали ее ветками с желтеющей листвой, а в глубине леса, в сизоватых сумерках, шевелилось множество теней. Слышалось звяканье лопат, стук топоров.

— Нос к носу...— зло проговорил старшина, когда Алексей доложил. В это время к берегу пристали лодки с пехотой. Семнадцать человек во главе с сержантом прибыли для закрепления плацдарма. Узнав о немцах, они заспешили рыть окопы, располагая их полукольцом вокруг орудия. Расчет тоже окапывался и устанавливал орудие так, чтобы вести обстрел по всему полукругу.

«Мы у них в тылу»,— размышлял Алексей. Он понял, что немцы за поляной — это вторая линия их обороны, предназначенная помешать расширению плацдарма нашего полка. «Надо их прогнать»,— думал Алексей.

Сержант и старшина-артиллерист решали, что делать,

как удержать плацдарм. Они были моложе Алексея. Ему шел двадцать шестой, им — двадцатый. Они воевали первый год, не имели такого опыта, как он.

— Мы уничтожим их батарею, пока она молчит, а так как они все равно обнаружат нас, то нам придется туго, — сказал Алексей.

Сержант поддержал:

— Я тоже так думаю. Их батарея наделает шороху. А пехота против пехоты — это другое дело. Мои парни Яссы, Роман, Бакэу брали — это города, а здесь полянка..., — сказал сержант и решительно добавил: — Давай, старшина, дави батарею, пока она молчит.

Старшина ответил командой своему расчету:

— По местам!

Алексей навел на среднее орудие, которое хорошо видел, хотя ветки, закрывая его, казались кустом. Расстояние было не больше семисот метров. Зная свое орудие, Алексей не сомневался, что попадет с первого выстрела.

Стало удивительно тихо. Щелкнул замок. Заряжающий вполголоса доложил о готовности. Алексей сделал то же.

— Поточней, Павлович, поточней надо, — попросил старшина. Он заволновался, и в такие минуты почему-то всегда называл Алексея по отчеству.

Алексей еще раз прильнул к прицелу, но маховики не тронул. Перекрестие нитей стояло точно по цели.

— Огонь... — шепотом выдохнул старшина.

Орудие ахнуло, и в тишине утра показалось, что громыхнуло дальнобойное. Эхо щелкнуло по речке, как кнутом, в лесу отозвалось второе эхо, глуше, и оно показилось вдаль. Но не успело затихнуть, как грохнул второй выстрел, потом третий, четвертый и загромыхало со всей скорострельностью на какую только был способен расчет.

Батарея была опрокинута, разворочена. Стреляли уже шрапнелью по окопам. Фашисты были ошеломлены и не

сразу поняли, откуда бьют по ним. Но потом опомнились. Открыли пулеметный огонь.

Старшина стоял рядом с орудием, смотрел через поляну в бинокль и вдруг упал лицом на куст. Подносчик снарядов бросился к нему и тоже упал.

— В укрытие! В укрытие!— кричал сержант из своего окопа.— В укрытие! Вас засекли!

Алексей скатился в окоп. Там уже сидел заряжающий, молодой парень, недавно прибывший из резерва. Ему было девятнадцать лет. Он казался большим мальчишкой с неуклюжими руками и слишком длинной шеей.

— Их убили?— спросил он о старшине и подносчике.

— Да. Страшно?

— Нет...— заряжающий сказал это, пытаясь улыбнуться, но улыбка получилась такая, словно он скривился от оскомины.

— Не ври, Петя. Здесь не надо врать. Каждый знает про всех по себе.

— А зачем спрашиваете?

Алексей не ответил. В окоп осторожно сполз замком вой.

— Пить дайте,— сказал он и замолк, опрокидываясь навзничь.

Немцы, не прекращая огня, пошли в атаку. Об этом сказал сержант, подбежавший к окопу.

— Артиллерия, поддержки! — попросил он.

Алексей выскочил из окопа, навел орудие на выходивших из леса вражеских солдат, но стрелять не мог. Никто не зарядил орудие.

— Петька! Где ты?!— закричал он. Петька выглянул из окопа и тут же присел.

— Стреляют...— сказал он дрожащим голосом.

— Не валяй дурака! Заряжай!

Алексей подбежал к нему, вытащил за руку и толкнул к снарядам:

— Займись делом! Забудешь все!

Вздрагивая от свиста пуль, Петька зарядил орудие и приготовил второй снаряд. Орудие ожило. Картель рвалась среди противника. Фашисты залегли, потом поползли назад и снова открыли огонь из крупнокалиберного пулемета. Алексей заметил его. Навел туда. Первый взрыв поднялся рядом. Второй накрыл пулемет.

— Молодцы, артиллерия!— кричал сержант.

Он подполз к орудию и, когда вставал, вздрогнул, потом медленно оглянулся и упал. Петька присел за колесо орудия, смотрел на пятна крови, выступающие сквозь гимнастерку, хотел что-то сказать и не мог. На его глазах выступили слезы, он сглатывал спазмы, как будто икал.

А вокруг снова наступила тишина. Только за излучиной реки как будто лениво постреливали минометы. Слышался сухой щелчок, потом вой мины и взрыв. Река приносила звуки чистыми, словно фильтровала их.

Алексей поднял Петьку за плечи, поставил к щиту орудия.

— Вытрись, увидят...— он кивнул в сторону пехотинцев.

— Так ведь... Что же это?..

— Собери оружие. Отнеси в окоп.

Алексей понимал, что фашисты не оставят их в покое, и сам стал подбирать оружие. Пистолет старшины он положил в карман. «Пригодится»,— размышлял он, направляясь к пехотинцам.

Те сидели в окопе, ждали своего командира. Кое-кто завтракал, другие перезаряжали диски автоматов. Один боец вырезал из орехового прута тросточку.

— Будешь за старшего,— сказал ему Алексей.—Как фамилия?

— Матюхин,— ответил боец, пытаясь встать по стойке смирно, но глубина окопа не позволяла, а высунуться он не хотел.

— Ваш сержант погиб. Сколько осталось?

— Трое выбыли совсем. Один раненый.

— Ясно. Оборону держать до последнего.

Алексей старался быть строгим, да в этой обстановке оно и само так получалось. Уходя, он взял с собой двух бойцов.

— Будете помогать,— сказал им у орудия и объяснил, что надо делать, когда начнется бой.

Заметив их озадаченный вид и не желая показать себя новичком, Петька ободрился.

— У нас тут не зевай,— сказал он солидно.

— Верно,— согласился Алексей и посоветовал: — Старайтесь работать за щитом. Поднесите снаряды вот сюда. Будете меньше уязвимы.

Бойцы кинулись выполнять приказ, но в это время фашисты опять пошли в атаку. На этот раз они решили зайти с левого фланга, вдоль реки. Орудие пришлось развернуть, и Алексей чуть не опоздал открыть огонь.

Немцы были уже на половине отдели, и первые снаряды разорвались за ними. Однако это сыграло на пользу защитников плацдарма. Фрицы подумали, что их отсекают от леса, чтобы уничтожить на открытом месте, и их охватила паника. Они бросились назад, скупчились и сами попали под шрапнель.

— Вот как у нас,— сказал Петька, сияя.

Алексей видел, что он справился со своим страхом, теперь будет воевать с умом.

«Но надолго ли нас хватит?»— размышлял Алексей. Ему доложили, что у пехотинцев было еще двое, а фашисты что-то придумывают. И словно подтверждая его догадку, враг пошел в атаку сразу с обоих флангов и открыл пулеметный огонь с фронта.

Разворачивать орудие из стороны в сторону не было смысла, терялось бы время. Алексей приказал всем пехотинцам отражать атаку справа, а сам с расчетом вступил в бой с атакующими по прибрежной полосе.

Бой длился около часа. Когда фашисты оказывались близко, расчет брался за автоматы, потом снова открывал огонь из орудия. Были минуты, когда Алексей один и заряжал, и наводил, и стрелял, а расчет отбивался гранатами.

После боя пришел Матюхин. Он был ранен в голову. Попросил перевязать себя.

— А там некому?— Алексей рассердился за то, что он ушел из окопов.

— Все, командир,— ответил устало Матюхин,— я один остался.

Алексей чуть не выругался, но сдержал себя, сказал строго, спокойно:

— Соберите все оружие и боеприпасы.

Оружия вокруг было много. На окраине зарослей валялись убитые фашисты. Их автоматы, подсумки с патронами, гранаты — все перешло на вооружение пятерых защитников плацдарма. А день только перевалил на вторую половину. Солнце сияло над багряным лесом.

— Разделимся опять,— сказал Алексей Матюхину.— Ты и вы двое занимайте оборону справа, мы с Петром — останемся здесь. Выполняйте приказ.

Матюхин и бойцы ушли. И это произошло вовремя. Немцы опять пошли в атаку. Они никак не могли смириться с тем, что в их тылу оказался плацдарм, на который может высадиться десант.

Бой был недолгим. Фашисты прорвались в окопы пехотинцев и, заняв их, остановились.

Алексей и Петька укрылись в свой окоп. Наступила жуткая тишина. Кустарник, пронизанный лучами солнца, был не ко времени красивым, ярко блестел позолоченной листвой, крупные переспелые вишни просвечивались и казались бусами, украсившими ветки. Желтыми гроздьями висел на них хмель.

Алексей обвязывался гранатами.

— Орудие придется взорвать,— ответил он на удивленный взгляд Петьки.

Из окопов слышался голос:

— Русс, сдавайся!

Алексей громко выматерился и ответил по-немецки, что он пройдет всю Европу и не оставит ни одного фашиста. Его сердитый голос еще звучал в тишине солнечного кустарника, когда с другого берега ударила наша артиллерия, а из леса выходила пехота с плотами, с надувными лодками и просто с бревнами, на которых тоже можно переправляться.

— Огоны! — командовал Алексей, вскидывая автомат. Петька что-то кричал ликующим голосом, строчил из своего автомата, как одержимый. Бросил его, когда кончились патроны, схватил другой и снова строчил по убегающим врагам.

Фашисты были охвачены суеверным ужасом. Грохот канонады после слов Алексея казался им проклятием неба, и они бежали в спасительный лес, как от грозы.

— К орудию! — командовал Алексей.

Петька опередил его, на ходу схватил снаряд и, еще не зарядив, с восторгом крикнул: «Готово»!

Они стреляли по лесу, где среди разрывов тяжелых снарядов металась ошеломленная фашисты. А к берегу плацдарма уже причаливали лодки. Пехотинцы 285 гвардейского стрелкового полка шли в атаку. Смешиваясь с грохотом здесь, всколыхнулся шум боя за излучиной. Эхо заметалось над речкой, покатилося по лесам.

— Вот и все...— сказал Алексей, опускаясь прямо на землю возле колеса орудия. Он улыбался как-то странно, вытирал круглый лоб рукавом, подмигивал Петьке:

— В общем, пойми одно: с фашистами можно говорить только оружием и до последнего дыхания.

Утром их вызвал комдив. Алексея назначили командиром вновь сформированного расчета и приказали готовиться к передислокации.

А через некоторое время Алексей узнал, что он награжден орденом Славы II степени. Орденом Славы III степени он был награжден еще весной 1944 года за бои при форсировании Буга. Потом в третьем наградном листе о нем писали:

«22 февраля 1945 года в районе села Барт (Чехословакия) при отражении атак крупных сил пехоты и танков противника тов. Ковпак показал образцы мужества, стойкости и храбрости. Прямой наводкой из своего орудия уничтожил самоходную пушку, истребил 32 немецких солдата. При повторной танковой атаке на огневую позицию, где находилось орудие тов. Ковпака, он не растерявшись, противотанковыми гранатами расстроил танковый строй врага, вынудив их изменить направление, где они попали на наше минное поле, в результате чего подорвалось два танка противника и из своего личного оружия уничтожил танковый десант в количестве 9 фашистских автоматчиков.

В бою за город Вышков (Чехословакия) 30 апреля 1945 года со своим расчетом уничтожил один станковый пулемет и подавил огонь минометной батареи противника. Поддерживая пехоту огнем и колесами в уличном бою за город Вышков, лично сам забросал гранатами ручной пулемет противника, мешавший дальнейшему продвижению нашей пехоты, и уничтожил из автомата 3 солдата и одного офицера противника.

Достоин награждения орденом Славы I степени».

ПУЛЕМЕТЧИК

Куров Василий Иванович родился 16 ноября 1915 года в городе Новоузенске Саратовской области. В 1936—1938 годах проходил кадровую службу на Дальнем Востоке. В 1939 году приехал к родителям в город Узген Ошской области. В октябре 1941 года был призван на военную службу Узгенским военкоматом Ошской области. На фронте с февраля 1942 года. Сражался на Юго-Западном, 3 Украинском и 1 Белорусском фронтах. Освобождал Украину, воевал в Польше, Германии. Участвовал в Берлинской битве.

Боевой путь гвардейца отмечен орденами Красной Звезды, Славы III, II степеней. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 15 мая 1946 года за героизм при штурме Берлина награжден орденом Славы I степени.

Сейчас полный кавалер ордена Славы живет в городе Новоузенске.

Шли незатихающие бои за Берлин. Василий Куров со своим пулеметом был в числе штурмующих. Огонь, дым и пыль, поднятая падающими стенами, застилала все: и ближние перекрестки, и дома, и площади. Из этой мглы стреляли, бросали гранаты, посылали «фаусты». Но командиры звали:

— Вперед! На рейхстаг!

И бойцы не останавливались, шли вперед.

Василий то и дело менял позицию пулемета. Иногда оказывался впереди всех, иногда задерживался, чтобы добить фашистов. Наконец преодолен последний канал. За ним рейхстаг. Сквозь клубы дыма уже виднелся купол и вдруг — рядом разорвалась мина. Василия перебросило через пулемет, ударило о тротуар, и все погрузилось в безмолвную черноту. Очнулся он в санбате и первым делом спросил: — Взяли рейхстаг?

Ему ответили «взяли» и повезли дальше, в госпиталь. Там он провел около семи месяцев, потом демобилизовался и уже дома узнал, что награжден третьим орденом солдатской Славы. В последнем наградном листе о нем писали:

«Тов. Куров В. И. в боях с фашистскими захватчиками показал себя бесстрашным воином и, не щадя своей жизни, совершил не один подвиг в Великой Отечественной войне, за что и был четыре раза награжден.

В последнем наступлении от реки Одер до Берлина тов. Куров, мужественно отражая воздушные атаки врага на наш передний край в районе западнее Зеелова, 17 апреля 1945 года сбил один вражеский самолет «Фокке-Вульф—190», а 20 апреля 1945 года, поддерживая со своим крупнокалиберным пулеметом наступление нашей пехоты в районе Шлагентин, уничтожил своим огнем 2 пулеметные точки противника.

При форсировании канала в Берлине тов. Куров со своим расчетом в бою захватил в плен 11 гитлеровцев.

Достоин правительственной награды — ордена Славы I степени».

Всего на его боевом счету шесть сбитых самолетов, десятки уничтоженных огневых точек и сотни фашистов. Опытный пулеметчик, Василий Куров воевал как и подобало бойцу Советской Армии: мужественно и бесстрашно.

НАЧАЛЬНИК ГАРНИЗОНА

Ольховский Владимир Сергеевич родился 25 декабря 1925 года в селе Гродиково Джамбулского района Джамбулской области. В 30-х годах родители Ольховского переехали в Киргизскую ССР.

На военную службу был призван Кировским военкоматом Киргизской ССР 17 сентября 1942 года. На фронте с октября 1942 года. Воевал в составе 2 и 1 Белорусских фронтов.

Принимал участие в боях под Брестом, Ковелем, Варшавой, Яблонной, Модлином. Громил группировку врага в районе Шнейдемуля. 25 апреля в авангарде 47 армии встретился с передовыми частями 1 Украинского фронта — это означало окружение Берлина. Был в боях тяжело ранен, контужен.

За ратные подвиги командованием 47 армии награжден орденами Славы III и II степеней и Указом Президиума Верховного Совета СССР от 31 мая 1945 года — орденом Славы 1 степени.

В июле 1945 года Ольховский демобилизовался, вернулся в село Кировское, где работал на различных должностях.

4 декабря 1969 года Владимир Сергеевич Ольховский умер.

В эту весну ему шел двадцатый год. А весна в Померании началась рано и бурно. Разлились реки, размокла земля—ни пройти, ни проехать. Стрелковый взвод наступал на деревню. И вдруг с высоты, что оставалась справа, ударили пулеметы. Командир взвода упал. Бойцы залегли в хлюпающую грязь, начали отползать к кустам, затопленным водой.

«Там будет хуже»,— подумал Ольховский, оглядываясь на уползающих товарищей. По цепи прошло: «Комвзвода убили». И тогда он вскочил, вскинул вверх автомат:

— За мной! — закричал звенящим голосом и побежал на высоту, не боясь, что окажется один, верил в товарищей, и они бросились за ним. Он слышал за спиной шлепанье их сапог по грязи, учащенное дыхание.

— Ура-а!!! — закричал он.

Его поддержали, крик заглушил треск пулеметов, утроил ту силу, которая несла бойцов вперед.

Высота была пологой, сухой. Ольховский заметил плешину дота среди общего рыжего покрова высоты. Из дота полоснула очередь. Бойцы залегли. «Неужели все?»— подумал Ольховский. Он приподнялся, посмотрел в сторону дота. До него оставалось метров двадцать. Приготовив гранату, он пополз к нему. Взрыв всплеснулся у дота, из амбразуры вывалился пулемет. Ольховский вскочил, бросился к траншее. Спрыгнул в нее, столкнулся лицом к лицу с фашистом, выбежавшим из дота. Автоматная очередь и—дальше; в раскрытую дверь дота полетела вторая граната.

В доте было дымно, в разных позах лежали трупы. Ольховский, выбежав из дота, увидел бойцов, бежавших к траншее и исчезавших в ней. Там слышалась перестрелка, крики. Со стороны второй траншеи, под прикрытием станкового пулемета, бежали в атаку гитлеровцы. Владимир дал длинную очередь по ним и бросился к второму пулемету, который расположился в кустарнике

на самой вершине. Пулеметчики стреляли по траншее, не видели Ольховского. Он полосонул по ним из автомата и развернул пулемет на фашистов.

— Вперед!— кричал он во весь голос.— Я здесь!— и продолжал строчить вдоль траншеи, уходящей вниз. Туда убегали враги, и он бил их с фланга. Они бросали оружие, падали, убегали за поворот. А снизу бежали бойцы взвода. Слышалась дробная трескотня автоматов и нарастающий крик: «а-а-а...»

«Куда они?»— не понимал Ольховский, видя, что взвод уклоняется вправо по косогору, не поднимается к нему. Он выскочил на бруствер, замахал над головой автоматом, несколько раз выстрелил.

— Сюда! Сюда-а! Занимай высоту!..

К высоте на помощь отступающим спешила большая группа вражеских автоматчиков. С минуты на минуту будет контратака: Надо успеть закрепиться.

— Занимай оборону! Собирай оружие!— приказал Владимир. Бойцы поняли его. Они тоже увидели автоматчиков и поспешно стали занимать оборону. Контратака была отбита. Немцы собирались на окраине деревни группами, что-то обсуждали. Бойцы смотрели на них, тоже переговаривались и приводили себя в порядок. Все были грязные с ног до головы. Автоматы облеплены глиной, в сапогах хлопала вода.

— Кажись, можно просушиться?— спросил Ольховского сухощавый, длиннолицый парень из Джалал-Абада.— А, командир?

— У немцев спроси,— ответил Ольховский.

Они стояли около пулемета, счищали с шинелей грязь и поглядывали на деревню.

— Значит, теперь ты у нас командир,— рассудительно продолжал земляк.— Ты командовал брать эту плешину, тебе и дальше командовать.

Ольховский молчал. Ему думалось, что самовольно увел взвод на эту высоту и, таким образом, помешал вы-

поднять поставленную задачу: захватить и удержать населенный пункт до подхода основных сил.

— Давай Володя, не смущайся: без командира нельзя, — уговаривал Хворостов и, обернувшись к подошедшему санинструктору, спросил:

— Верно?

— Что?

— Да вот, комвзвода сомневается: пойдут фрицы еще или нет. А я говорю: им опомниться надо.

— Верно, я тоже так думаю, — согласился санинструктор. — У нас раненые внизу остались. Разрешите оказать помощь.

Санинструктор был самым пожилым в взводе, службу начал еще до войны и, помня устав, обращался даже к Ольховскому на «вы» с отданием чести. Это смутило Владимира еще больше.

«Не могу», — подумал он, но, чтобы не держать санинструктора, поспешно разрешил ему заняться ранеными и постарался казаться спокойным.

А взвод готовился к обороне. Бойцы подбирали брошенное немцами оружие, боеприпасы, устраивались поудобней в траншеях.

Время приближалось к полудню. А в деревне происходило что-то непонятное. Сначала немцы суетились, потом убрались с окраины в улицы, а вскоре и вовсе исчезли — попрятались в дома.

Слева от деревни шел бой. Он то затихал, то слышался отчетливо, но с одного и того же места, из густых кустарников, поросших между двух насыпей дамб. Там были остальные взводы наступавшей роты. За ними возвынялись холмы, и там тоже наступали роты и батальоны 216 стрелкового полка. А справа от высоты, за разливом речки, действовала пехота соседей. Шум боя оттуда едва доносился, и было непонятно: или бой затихал, или удалялся.

Никто не знал, что у соседей, что собираются делать

фашисты и что надо делать самим. Затянуло, утомило, появилась потребность в действии.

Больше других беспокоился Ольховский. Он сознавал всю ответственность и за взвод, и за выполнение приказа, и за последствия, которые не мог предугадать.

— Знать бы, сколько их там,— сказал он, глядя на деревню. Она распласталась у подножья высоты чистельская, аккуратная, настоящая немецкая, с мощеными улицами, с кудрявыми деревьями вокруг усадеб.

— Черт их знает...— ответил Хворостов. Он тоже смотрел на деревню. Его улыбочное лицо стало серьезным, над переносицей залегли морщины.

— Сунешься — а они с чердаков...— сказал он, догадываясь о мыслях Ольховского.— Вот как...

Он прищелкнул языком и деловито переворачивал сохнувшие на бруствере портянки.

Время тянулось невыносимо. Ольховский обдумывал разные планы, но ни на одном не решался остановиться. Все казались слишком рискованными. Безопаснее всего было оставаться на высоте. «Но зачем-то приказывали брать деревню...»,— думал он.

Владимир потер подбородок и удивился. Подбородок был колючим, как будто его не брили неделю. Ольховский познался с бритвой недавно и одного бритья обычно хватало на три дня, никто не замечал, что он давно не брит, а тут не прошло и дня, а он уже сам чувствует, что «зарос».

— Штурмовать будем?— спросил Хворостов.

— А что?— Ольховский был рад посоветоваться.

— Вообще-то, приказ... Но..

— Выполнять надо...

— Понятно...

— Передай по цепи: приготовиться.

— Гранат ихних по горло,— неожиданно отозвался Хворостов.— Гранатами забрасаем.

Он передал приказ и стал готовиться к атаке. Но произошло все по-другому.

Фашисты атаковали первыми. Они вышли из деревни тремя цепями численностью до роты и шли в психическую атаку, как на учениях, стреляли по команде, смыкались там, где падали убитые. Казалось, ничто не удержит их, никакой огонь не остановит. Ольховский строчил из пулемета. Хворостов проворно подавал ленты, а когда был свободен, сам стрелял из ручного пулемета. И вдруг спокойно сказал:

— Слушай, Володя, а гранаты...

По траншее передали приказ: отставить стрельбу, приготовить гранаты и по сигналу — контратака.

Наступила внезапная тишина. Было слышно, как в кожухе пулеметного ствола шипела вода. Эта тишина сильно подействовала на немцев. Они непроизвольно остановились. Кто-то лег первым — за ним, как подкошенные, полегли цепи. Но тут же послышались команды их офицеров. Они гнали солдат вперед, ругались и стреляли вверх, чтобы создать ободряющий шум, и солдаты вразброд поднимались.

— Гранаты к бою! — вскрикнул Ольховский.

Грохот взрывов потряс подножье высоты, и она окуталась черными клубами дыма, брызгами огня. Немецкие цепи утонули в них, заметались в стороны, потом бросились назад.

— За мной! Ура-а!!! — Ольховский выскочил на бруствер и устремился вниз. У него было одно желание — догнать убегающих, не дать им опомниться в деревне. Это же ощутили и все — весь взвод.

Деревня была взята с ходу, но грохот гранат и стрельба еще катились по ней, как эхо, пока не осталось ни одного фашиста с оружием в руках.

Бледные, перепуганные и воняющие шнапсом пленные, застыв с поднятыми руками, долго не могли поверить, что их разгромил всего один взвод. Утром, потеряв

высоту, они думали, что на нее с невидимой стороны поднялось подкрепление. Теперь не сразу приходили в себя.

А бойцы закреплялись в деревне. Устанавливали захваченные пулеметы, запасались патронами, гранатами, провизией. Все видели, как небольшой группе врага удалось уйти по дороге за дамбу. Там была какая-то часть фашистских войск. Она попытается вернуть деревню, когда узнает, кто ее занял: надо быть готовыми к окончательному выполнению приказа: «Занять и удержать населенный пункт до подхода основных сил».

Уже вечерело, когда Ольховский проверял позиции обороны.

Ночь начиналась тревожная. На западе и на востоке, куда раскинулись крылья фронта, повернувшего в Поме- ранию, полыхали зарницы далеких и близких боев. Впе- реди, на севере, в темных лесах, в болотах затаился враг, готовый в любой час кинуться на этот «гарнизон». И только сзади были свои. Но когда они подойдут? Ус- пеют или будет поздно? Боеспособных в взводе осталось шестнадцать человек. Легкораненые не считали себя выжившими из строя. Среди тяжелораненых двое уми- рали, и не было возможности отправить их в медсанбат. Никто не знал, где он. Кругом распустье, бездорожье...

Ночью приехала батарея полевой артиллерии на конной тяге. Ее командир, старший лейтенант, выслушав доклад Ольховского, серьезно кивнул:

— Ну, что же, я придан тебе — командуй.

— К утру могут пойти...

— Туман им поможет...

Разговор был немногословным. А утром окрестность деревни огласилась грохотом нового боя и неизвестно, как бы он кончился, если бы не подоспели основные силы.

Взвод Ольховского, охваченный общим наступле-

нием, двинулся вперед и не выходил из боев целый месяц.

В последнем наградном листе Владимира Ольховского это записано по дням:

«...В боях за овладение населенным пунктом Швахов 2 марта сержант Ольховский, командуя стрелковым взводом, показал образцы мужества и отваги, умело организовал взаимодействие приданных средств, первым со взводом ворвался в деревню, где в умелых боях уничтожил 14 немецких солдат и офицеров, чем способствовал продвижению других стрелковых подразделений.

3 марта в боях за населенный пункт Ланхенхаген первым ворвался в населенный пункт со своим взводом, забросал гранатами крупнокалиберный пулемет противника, расчет которого был полностью уничтожен.

При отражении контратаки противника 5 марта, за овладение населенным пунктом Баринг, уничтожил лично 4 фашистов. Был ранен, но поле боя не покинул, выполняя приказ командования...»

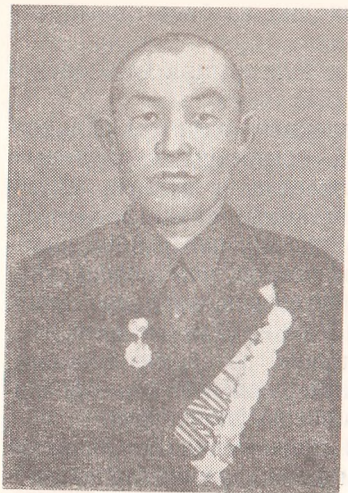
В конце боя, чувствуя, что силы покидают его, Ольховский лег на землю, хотел отдохнуть. В небе клубился красный дым, освещенный зарницами взрывов. Ночью его нашли санитары. Ранение оказалось тяжелым. Он потерял много крови. Его отправили в госпиталь, сделали операцию, затем вторую. Молодой организм взял верх над недугами, здоровье стало улучшаться.

В начале июня в палату, где лежал Ольховский, вошел пачальник госпиталя с газетой в руках.

— Всем больным лежать в положении смирно! — весело сказал полковник и зачитал Указ Президиума Верховного Совета СССР о награждении сержанта Ольховского орденом Славы I степени.

ОБОРОНА ПЛАЦДАРМА

Осмонов Чинтемир Джакшалович родился 5 мая 1923 года в селе Курбу Тюпского района Иссык-Кульской области. На военную службу был призван Тюпским военкоматом 20 сентября 1942 года. Воевал на Воронежском, Степном 2 и 1 Украинских фронтах. Освобождал Украину, сражался под Яссами, на Сандомирском плацдарме, брал штурмом города Ченстохов, Оппельн, Мускау, Дрезден. В последние дни войны освобождал Прагу. Пять раз ранен.

За отвагу и мужество, проявленные в боях, командованием 5 гвардейской армии Осмонов награжден орденами Славы III, II степеней и двумя медалями «За отвагу». Указом Президиума Верховного Совета СССР от 15 мая 1946 года он награжден орденом Славы 1 степени.

В наши дни полный кавалер ордена Славы работает в совхозе «Каракол» Тюпского района.

Кончалась зима 1945 года. Бои шли на Одере.

Ночью стрелковый полк, в котором Чынтемир воевал минометчиком, мощным броском занял городок и небольшой плацдарм на левом берегу Одера. Но утром танки противника оттеснили нашу пехоту. У водокачки, на крохотном плацдарме, остался один минометный расчет. В тумане фашисты не заметили его, а когда наша артиллерия открыла огонь, отошли. Расчет остался на плацдарме.

Местность была удобной: впереди насыпь дороги, обсаженная каштанами, слева — водокачка, прикрывающая с фланга, справа — открытая лужайка, по которой расчет мог вести прицельный огонь, кругом кустарник.

Отойдя за насыпь, гитлеровцы думали сорвать форсирование реки, не выходя на берег. Но туман мешал и тем, и другим. Одни не знали, какие силы остались на плацдарме, другие не видели, какие силы за насыпью.

Командиром минометного расчета был старший сержант Бритченко. Он поднялся на водокачку и увидел обстановку.

В молочной пелене тумана за насыпью спешно закреплялись фолькс-штурмовцы. Дальше на окраине рощи стояли бронетранспортеры, готовые атаковать плацдарм, а за речкой громоздились дома города с высокими крышами, острыми шпилями кирх. Там находились наши. Лед на речке был взломан снарядами и минами, кое-где на льду чернели трупы.

Бритченко позвал Чынтемира, показал на местность:

— Интересная будет война.

— Почему? — спросил Чынтемир.

— Отступать некуда, лед поломали.

— Я мины видел. Тридцать ящиков будет.

— Где? — удивился Бритченко.

— Под лестницей...

Бритченко побежал вниз и, увидев ящики с вражескими минами, заулыбался.

— Черт возьми! Как раз нашего калибра! Можно воевать,— он подозвал остальных из расчета и объявил:

— Слушай задачу: будем держаться. Наши скоро начнут форсировать реку. Плацдарм нужен. Ясно?

Расчет занял огневую позицию в кустарнике под стеной водокачки, выставил наблюдателя и ожидал боя. Все сидели около миномета, тихонько разговаривали.

— От миномета не отходить,— предупредил Бритченко.

Бойцы переглянулись, помолчали — вроде не одобрили решение командира, а потом подносчик, не способный сидеть молча, обратился к Чынтемиру:

— Не пойму я никак одного: каким путем ты из авиации попал в минометчики?

Все ожидали смешного, уже улыбались, но Чынтемир ответил серьезно:

— После ранения сказали: прыгать нельзя, а я в воздушном десанте был.

Шутки не получилось. Все заметили, как нахмурился Чынтемир и поняли, что ему вспомнилось не смешное. Они были моложе его всего на год — на полтора, но он сумел намного опередить их в военной биографии. Его участие на Воронежском и Степном фронтах, в форсировании Южного Буга и Днестра, в сражениях на Сапдормирском плацдарме, под Ченстоховом, его медали «За отвагу», ордена Славы — неожиданно сказали о нем что-то новое, до этого не известное, и расчет настроился на серьезный лад.

— Да-а,— протянул ездовой Шурман...

Вокруг стало светлей. Солнце, прорываясь сквозь пелену облаков, заиграло в ряби на реке. Заискрился иней. С крыши водокачки падали вспыхивающие голубыми огоньками капли. И даже зачирикали воробьи.

— Когда мин много — хорошо,— проговорил Чынтемир.

— А что, ты и без мин воевал?— спросил ездовой.

Чынтемир кивнул, но при командире расчета не стал рассказывать, тот мог это сделать лучше.

— Было такое дело,— отозвался Бритченко, когда на него оглянулись,— на Днепре было. Тоже так же с ходу переправились, а дальше не берет. Пехота залегла. Фашисты из пулеметов строчат, а у нас мин нет. Чынтемир тогда подносчиком был. Ну, и пошел на левый берег... Пять раз ходил...

— Да-а...— опять протянул ездовой.

— Под огнем, не по тишине,— добавил Бритченко.

Все потихоньку посмотрели на Чынтемира, но больше никто ничего не сказал. Зачем? Все отлично представляли, как «ходить на тот берег», и не стоит произносить какие-то слова — они только смущают того, о ком говорится, и того, кто говорит.

А день распоживался. К полудню зазвенела капель, загалдели воробы, помокрел снег, почернели каштаны и с насыпи зазмеились рыжие ручейки.

Весна — не весна, а оттепель дружная. Чынтемиру вспомнилось Прииссыккулье — родные склоны гор. Весной по ним шумят талые воды и следом начинается зеленеть трава, а на солнцепеках кострами загораются поляны тюльпанов. «А-ай, когда увижу?» — подумал он, ощутив такую тоску, что кажется уловил запах весенних гор. Нельзя назвать его детство счастливым. Отец умер рано, у матери на руках осталась большая семья. Юность тоже прошла не радостно — рано начал работать, не было возможности учиться в старших классах, и все-таки все самое дорогое, самое волнующее осталось там — далеко в Киргизии, на берегу голубого Иссык-Куля.

— А может быть, ничего и не будет? Мы на нейтральной полосе?— удивленно высказался ездовой, чуть не задремавший на солнцепеке.

И словно отвечая ему, за насыпью загудели бронетранспортеры. Расчет вскочил, занял места. Бритченко

убежал на водокачку, решил командовать оттуда. А бронетранспортеры гудели и гудели, как самолеты, набирающие высоту.

— Похоже, что пять штук,— сказал Голышев. Он уже держал в руках мину, был готов опустить ее в ствол. Ониско присел у лотка, приготовился подать вторую. Чынтемир ждал команды, чтобы навести миномет. Нашли работу и Шурману — поставили его подносчиком помогать Ониско.

Бритченко посмотрел с водокачки на своих бойцов. перевел взгляд в сторону нараставшего шума и увидел, как передний бронетранспортер нырнул под мост насыпи и выскочил на лужайку.

«Мост надо обвалить»,— подумал Бритченко и подал первую команду. В ту же секунду с легким хлопком мина улетела к цели. Расчет действовал слаженно.

Ониско подавал, Голышев заряжал, Чынтемир наводил. И мина за миной летели туда, где командир хотел видеть их разрывы. Первый бронетранспортер, описав полукруг, встал. Второй застрял под обвалившимся мостом. Выскочившие из машины фашисты, не открывая огня, убежали за насыпь, там стояли еще бронетранспортеры. Они открыли огонь, но не по плацдарму, а по городу, предполагая, что мины прилетели оттуда.

Расчет затаился, ожидал, что будет дальше.

— Надо ожидать атаку,— сказал Бритченко, когда спустился вниз,— фольксштурмовцы что-то зашевелились.

— «Максим» бы сюда...— проговорил ездовой. Он достал свой автомат, приготовился стрелять, но покачал головой:— Одним диском много не сделаешь...

На солнце наплыло облако. Стало пасмурно, и сразу же почувствовался морозец. Снег под ногами захрустел, перестала звенеть капель. А за насыпью слышались приглушенные голоса. Гитлеровцы скапливались для атаки.

Бритченко скомандовал, засвистели мины, за насыпью поднялись взрывы. Они бежали вдоль каштанов вправо и возвращались. Уходили от насыпи в глубину и опять приближались к ней. Там затрещали пулеметы, ухнуло орудия — шум нарастал, в него влился рев бронетранспортеров. Те уходили из-под обстрела и словно уносили с собой шум. Фольксштурмовцы откатывались от насыпи к роще...

Расчет снова затаился. От миномета валило жаром, ствол был фиолетовым.

Раздразнили...— сказал Голышев, прислушиваясь к далекой стрельбе орудий. Это начала работать вражеская артиллерия. Она обстреливала окраину города и реку. Снаряды шелестели над головами, и расчет со страхом ожидал попадания в водокачку. Тогда осколки и кирпичи засыпят, придется уходить на другое место, а нигде нет такой маскировки, нигде не удержаться при повторной атаке.

Наша артиллерия ответила, подавила фашистскую, и снова наступила тишина.

— До ночи не сунутся,— сказал Шурман.

Бритченко пошел на водокачку посмотреть, что делается за насыпью, но не успел он подняться, как на лужайке появились немцы. Чынтемир заметил их первым и, не ожидая команды, открыл огонь. Фашисты залегли. Потом ползком убралась за насыпь. Но теперь они поняли, откуда их обстреливали таким прицельным огнем. Минут через пять заговорили их минометы. Бритченко приказал укрыться в водокачке. Ее толстые стены спасли расчет.

Обстрел длился полчаса, Бритченко засек четыре миномета и решил подавить их. Огонь открыли с невероятной скорострельностью. Пять-шесть мин на одном прицеле, потом такая же порция на втором, на третьем и на остальных, потом — бегом в укрытие.

Немцы были ошеломлены. Они ясно видели одинокий

расчет; перепахали снег с землей вокруг водокачки, и вдруг на их головы опять посыпались мины с точным прицелом.

— За мной, под насыпь! — закричал Бритченко, когда расчет еще не закончил стрельбу.

Его поняли. Бросились прочь от водокачки. Ездовой Шурман и Ониско уносили ящики, как будто вытаскивали их из горящего дома.

— Скорей, скорей... — поторапливал Бритченко.

По водокачке ударили орудия, минометы. Ее крыша слетела, как сбитый зонтик. В стенах появились бреши, внутри загорелась деревянная лестница.

— Скоро рванут мины, — сказал Голышев, — жаль, там их много осталось.

Ахнул взрыв. Одна сторона башни обвалилась, кирпичи смяли лестницу, сбили пламя. Водокачка зачатила.

— Теперь опять туда! — приказал Бритченко, когда канонада смолкла.

Расчет бегом вернулся к водокачке, расчистил площадку для плиты, установил миномет, приготовился.

— Вроде в кошки-мышки... — пошутил Ониско.

— Вроде Володи, наподобие Фомы..., — отозвался Голышев. Он был злой, по его лицу текла струйка крови из рассеченной брови. Другие все — тоже были исцарапаны осколками, и никто не засмеялся от шутки ездового.

Мин осталось меньше половины. Всем было ясно: гитлеровцы поняли, кто мешал им занять плацдарм. Теперь, считая, что расправились с расчетом, пойдут занимать рубеж, чтобы не дать форсировать реку.

Уже вечерело. Солнце путалось в облаках. Дул холодный ветер. Подмораживало. На реке появилась шуга, ее стягивало в льдины, а льдины спаивались в поля. Чынтемир поглядывал туда и думал: «Этот лед не пустит пешком, а лодки не пройдут. Только утром придет пехота». Он подсчитал оставшиеся мины, прикинул в уме,

сколько времени можно держаться, и сел в сторонке, пытаюсь представить, что будет потом.

— Держаться будем,— угадывая его мысли, сказал Бритченко.— Нас пятеро. Все национальности тут: я — украинец, ты — киргиз, Голышев — русский, Ониско — поляк Шурман — еврей, значит полный интернационал, и если это наш последний, то решительный бой. Ясно?

— Конечно,— за всех ответил Чынтемир.

Вечерело быстро. Снеговые тучи скрывали закат. Речка темнела, шуршала, сковываясь льдом. За насыпью было зловеще тихо.

Бритченко пополз туда и через несколько минут вернулся бегом.

— Открыть огонь! — приказал он шепотом.

Расчет вскочил.

— Беглым, по площади!

Взрывы осветили каштаны. Морозный воздух разорвался от выстрелов. Крики за насыпью слились в гвалт, и там трещали пистолетные выстрелы в тех, кто в панике перед «мертвецами» ринулся назад.

Гитлеровское командование еще до Одера издавало приказы расстреливать отступающих, и теперь выстрелами гнало своих солдат в атаку. Но огонь минометов поставил перед ними вал взрывов, и атака снова захлебнулась.

Наступившая тишина, казалось, звенела в ушах. Чынтемир прочищал уши указательными пальцами и боялся, что больше ничего не услышит. А темнота наваливалась такая, что исчезала грань между небом и землей... Расчет уходил из развалин водокачки. Теперь почь маскировала его везде, а на развалинах могли накрыть мины. И в самом деле, скоро туда обрушились мины. Фашисты сравнивали с землей то место, откуда их обстреливал «призрак».

Расчет расположился на совершенно открытой лужайке и опять встретил огневым валом крадущиеся цепи

врага, и опять ушел из-под обстрела, когда на лужайку полетели фашистские мины. Так продолжалось до глубокой ночи. А утром с этого крохотного плацдарма ударило десятков минометов, и в атаку пошли батальоны сорок четвертого гвардейского стрелкового полка.

Расчет Бритченко не участвовал в наступлении. Его отправили на отдых. А миномет бросили, как негодный. А потом на них командир полка писал представления к наградам и удивлялся, как они пятеро целые сутки удерживали плацдарм, на который наступало до двух рот пехоты при поддержке минометов, артиллерии и бронетранспортеров.

Из-за реки в городе видели этот плацдарм, но никто не думал, что там закрепился один минометный расчет, предполагались силы до взвода и собирались помочь им с наступлением темноты.

«...А что дальше? — пишет Бритченко, вспоминая о боевом пути, пройденном вместе с Осмоновым. — Дальше были тяжелые бои под Бреслау, где каждый подвал был дзотом, и приходилось выкуривать фашистов их же «фаустами». Каждый из нас носил их при себе — иначе было нельзя. Потом мы прорывали главную полосу обороны в районе Мускау на реке Нейсе. Через день штурмовали вторую полосу обороны у города Вейсвассер. В этих боях наводчик Осмонов повоевал здорово. Сколько он там фрицев уложил, — в наградных писалось, это я не помню. Командир полка, подполковник Гуцалюк, нас тогда поздравлял. Потом на Дрезден пошли, взяли, оттуда пошли в Чехословакию на Прагу. Хорошо помню, когда пришли в Чехословакию, мой наводчик Чынтемир Осмонов на третий или четвертый день стал полным кавалером ордена Славы. Войну он закончил командиром минометного расчета, а я после ранений был уже нестроевым».

ДОСТОИН НАГРАЖДЕНИЯ

Плотников Дмитрий Тарасович родился 10 октября 1923 года в селе Колпацк Новоорского района Оренбургской области. В армии с 6 ноября 1941 года. Воевал на Калининском, Брянском, Западном и 2 Белорусском фронтах. Освобождал Белоруссию, участвовал в Курской битве, под Могилевом форсировал Днепр, сражался под стенами Варшавы. В боях за Данциг совершил подвиг: лично уничтожил несколько пулеметов врага и более 20 вражеских солдат. Под городом Виттенберге на Эльбе закончился боевой путь отважного воина. Имеет четыре ранения.

Боевые заслуги Плотникова Родиной отмечены наградами — орденами Славы трех степеней и медалью «За отвагу». Орденом Славы 1 степени он награжден Указом Президиума Верховного Совета СССР от 29 июня 1945 года.

В послевоенные годы Дмитрий Тарасович переезжает в поселок Калининское Киргизской ССР и работает машинистом экскаватора в передвижной мехколонне «Севводстрой».

Тишина над Днепром была такая, что слышалось шипение вражеских осветительных ракет, взлетающих с правого берега. Оттуда доносились еще какие-то неясные звуки и тянуло гарью затухающих пожаров. В предсветных сумерках вырисовывались отдельные дома города, водокачка, деревья. А вниз по реке, из воды торчали искоруженные фермы железнодорожного моста.

Пятая стрелковая рота, в которой Плотников был командиром отделения, готовилась форсировать Днепр на подручных средствах. Накануне наша авиация бомбила передний край врага, но оборона его была еще сильной. Первая попытка форсировать реку не удалась. Теперь готовились более тщательно. Основные силы армии уже заняли плацдарм севернее Могилева и, расширяя его, обходили город с фланга, а здесь штурмовал 837 Краснознаменный стрелковый полк и пока что не мог зацепиться за правый берег.

— Что-то наш «молчун» ищет, — сказал Тыквин, боец отделения, когда Плотников осматривал берег, с которого собирались форсировать.

— Найдет, если ищет, — отозвался второй боец.

Они лежали у самой воды уже готовые начать форсирование. Их отделение в роте называли разведчиками, хотя они всегда делали то же самое, что и все, и только иногда им давали особые задания.

Причиной такого положения был их командир. Всегда спокойный, не зря прозванный «молчуном», крепко сложенный, он был не по годам серьезным и вдумчивым. В отделении его любили, но не пропускали случая поговорить о замкнутом характере.

— Может быть, это из-за того, что его отца убили? — спросил Тыквин, недавно прибывший в отделение.

— Он и до того был таким, — ответил Ермолов, который служил с Плотниковым уже больше года. — Я вот вспоминаю про другое. В 1941 году мы отступали через

этот Днепр. Тогда Днепр был не таким — впласть не переплыть, а все-таки переплыли... Чудно...

— Чему удивляешься!

— А чему тут не удивляться? Война вся — сплошное удивление. В мирной жизни такого никогда не увидишь, а главное — не сделаешь, сил не хватит.

— Смотри, что-то тащит... — Тыквин кивал в сторону и слегка приподнялся, чтобы лучше видеть через густую осоку. К ним возвращался Плотников, волоча за собой здоровую плаху.

— Вместо плота будет, — сказал он коротко и, столкнув плаху в воду, стал приторачивать к ней ящики с гранатами.

— Верно, а то на корыто надежды мало, — согласился Ермолов, называя корытом старую лодку, которую они раздобыли с вечера. — Она только мишенью будет, — продолжал он, помогая Плотникову.

Бойцы, не поднимаясь в рост, сползли в воду и работали молча, понимая жесты командира без слов, а Ермолов все говорил, словно объяснял кому-то, что и для чего они делают.

Утренние сумерки рассеивались, разгоралась заря, но над рекой поднимался туман и плотной пеленой скрывал берег. Он весь шевелился, как живой. Солдаты входили в воду с бревнами, с досками, с надувными лодками, с плотами и без ничего и молча отчаливали, теряясь в синей дымке тумана.

И вдруг порыв ветра разорвал пелену. Передние уже были на середине реки. Фашисты увидели их. Открыли огонь. Река вскипела от взрывов. Солдаты заспешили. Кто-то вскрикнул, забарахтался. Наша артиллерия ударила по врагу. Эхо смешалось с гулом. Река словно стояла, разбуженная сотнями звуков.

— Не суетись! — строго сказал Плотников, когда Тыквин нырнул под плаху от близкого взрыва и вынырнул с другой стороны.

— Сейчас заплывем в мертвую зону,—пояснил Ермолов.

Отделение вплавь буксировало свой плот и оказалось далеко впереди роты. Вокруг него перестали вздыматься всплески воды, крутой берег защищал, а на реке еще кипело, и оттуда слышались крики и стоны. Наш берег усилил огонь. Вражеская артиллерия замолкла, реке поднимались столбы воды, стихал шум, и только гул канонады катился над рекой, как будто по железнодорожному мосту шел тяжелый поезд.

Отделение Плотникова выбиралось на берег, по нему стреляли автоматчики, но бойцы оттесняли их гранатами на обрыв, который как козырек нависал над берегом.

— Так... Одно дело сделано...— сказал Ермолов.—А дальше что?— задрал голову, он смотрел на обрыв и трогал оголенные корни кустарника, росшего там.

— Вперед!— приказал Плотников.

Бойцы переглянулись. Впереди была стена, за ней засели фашисты.

— За мной!— повторил Плотников. Он побежал вдоль берега, искал отлогий подъем и вдруг с криком «ложись», упал в расщелину между глыбами обвалившейся глины. Впереди было то, что он искал, но там из кустов строчил пулемет, стреляли автоматы — гитлеровцы били по нашим солдатам на реке, не давали приблизиться к берегу. Солдаты уклонялись вниз по течению, топули, опрокидывали лодки.

Взошедшее солнце рассеяло остатки тумана, река просматривалась от берега до берега, кишела людьми, всюду плескались фонтанчики, поднятые пулями. Кто плыл вперед, кто назад, многих уносило течение...

Плотников пополз к пулемету. Обломки глины и кустарник скрывали его. Он приготовил связку гранат и швырнул ее, когда до пулемета осталось метров двадцать. Пулемет умолк. Плотников вскочил, вскинул автомат.

— Вперед! За мной!—закричал он, стреляя в фашистов. Они не ожидали увидеть русских так близко, а, увидев, бросились бежать. Их догоняли бойцы отделения, косили автоматными очередями и ворвались на окраину города. Сюда выходила улица. Они заняли два крайних дома и остановили немцев, которые пытались вернуться на берег.

Узкий проход в обороне фашистов был сделан. В него устремилась наша пехота, достигшая берега. Она углублялась в город Могилев.

В наградном листе, представляя Плотникова к ордену Славы III степени, командир полка писал:

«Товарищ Плотников под сильным артиллерийским и пулеметным огнем противника форсировал со своим отделением реку Днепр в районе железнодорожного моста и, преодолевая сопротивление противника, первым ворвался на восточную окраину города Могилева. Этим способствовал освобождению города».

Шел сентябрь 1944 года. Рота наступала на местечко Новогрудки. Линия обороны врага была укреплена дзотами, траншеями с пулеметными гнездами, а на опушках многочисленных рощ прятались засады.

Отделение Плотникова получило задание разведать дубовую рощу, что оставалась слева, и, если там есть немцы, сковать их действия, не дать ударить во фланг роты.

Порыжелые поля окружали рощу со всех сторон. По ним шла мощеная булыжником дорога, обсаженная липами в три ряда. Липы уже по-осеннему позолотились, а дубы стояли еще зелеными и были такими могучими и густыми в кронах, что роща казалась курганом.

День начинался пасмурный, дул холодный и сырой ветер. Дубы шумели, под ними чернела густая тень.

Отделение Плотникова подошло к роще и уже готовилось сделать бросок, как на опушке из кустарника застрочил пулемет. Бойцы попадали в кювет и дальше

поползли. Вскоре стали видны немцы. Они ожидали атаки, готовились встретить огнем пулеметов и автоматов. Отделение оказалось в таком положении, что могло только наступать. Если бы оно повернуло назад, контратака фашистов закончилась бы полным уничтожением отделения. Но и наступать оно могло с огромным риском: силы врага намного превосходили.

— Наша задача сковать — будем сковывать — сказал Плотников.

— Как? — спросил Ермолов.

Плотников молча отстегнул саперную лопатку и начал копать ячейку.

— Понятно, — проговорил Ермолов и тоже принялся окапываться. Кювет был достаточно глубоким, хорошо укрывал бойцов, но вести огонь было неудобно.

— Сидеть нам тут до вечера, не меньше, — рассуждал Ермолов вслух, — значит, братцы, конай, чтобы не скучать. Земля мягкая, можно трапшею оборудовать, а то на брюхе лежать сыровато, да еще кажется дождь пойдет...

Немцы догадались, что делает отделение, начали постреливать в те места, где замечали подброшенную землю.

— Постойте, братцы, — сказал Ермолов, — так они пересчитают нас и чего доброго...

— Отбрасывайте землю в кювет, — приказал Плотников.

— Шуруй, как кроты, — пояснил Ермолов и показал, как надо делать.

Стрельба прекратилась. Фашисты, видимо, остались довольны тем, что помешали окапываться, и продолжали наблюдать.

В это время справа донесся шум боя, он перемещался на запад, а скоро на поле за дорогой показались цепи нашей пехоты. Они обходили рощу и устремлялись на Новогрудки. Немцы в кустах всполошились, открыли

огонь, но до наступающих было далеко и пулеметы никакого вреда не причиняли. Они поняли это и бросились в контратаку, намереваясь отсечь передние цепи роты от остальных.

Отделение встретило их плотным огнем. Они поспешили назад и помешали своим пулеметам, те не могли стрелять.

Плотников вскочил:

— Вперед! — закричал он! Бойцы бросились за ним. Стреляя на ходу, они ворвались в кустарник и заняли траншею. Плотников был на опушке рощи, гранатами забросал дзот и захватил его. Там оказалось три пулемета. Он вынес один, подоспевший Ермолов принес ленту, и они ударили вдоль опушки, где фашисты останавливались, чтобы вернуться в траншею. Не ожидая этого удара, немцы отхлынули в глубь рощи и все стихло, только со стороны Новогрудок еще доносился неясный гул боя.

Через несколько дней командир полка писал: «Достоин ордена Славы II степени».

Весна 1945 года застала Плотникова в Прибалтике недалеко от города Данцига. Его батальон наступал среди песчаных дюн. Местность была удобной, маскировала нашу пехоту. Но вражеская разведка все же заметила ее и, когда наш батальон подошел к населенному пункту, фашисты открыли минометный огонь. Однако они стреляли по площади, которую видели не полностью, и батальон успел выйти из-под обстрела. Командир батальона, майор Ардашев, вызвал к себе Плотникова.

— Надо разведать, где их минометы, и уничтожить, — сказал он.

Плотников понимал, что иначе батальон не сможет выйти на исходный рубеж для атаки. На дюнах и во впадинах между ними крутился песчаный смерч, поднятый взрывами мин. Идти сквозь него — значит потерять половину батальона.

— А ты иди в обход,— советовал майор.

— Ясно,— ответил Плотников, но не уходил. Ему показалось, что мины начали рваться только у переднего края батальона, и подумалось, что те минометы, которые вели огонь, перенесут его в глубину батальона.

«Кто-то видит нас и корректирует огонь»,— подумал он. И в это время услышал вой мины, падающей где-то близко. Он свалил майора и сам упал на него. Мина взорвалась в нескольких метрах, осколки полоснули Плотникова по спине, порвали шинель и улетели прочь. Майор, выбираясь из под него, смотрел сердито, но спросил озабоченно.

— Ранен?

— Спину почесали. Свербила она,—усмехнулся Плотников, Подбежавшие санитары осмотрели его и тоже улыбались.

— Пропала шинель. А если бы стояли...

Майор рассеянно спросил:

— Задача понятна?

— Ясно,— повторил Плотников и ушел выполнять приказ. О том, как он выполнял его, записано в наградном листе: «27 марта 1945 года ему была поставлена задача уничтожить огневую точку противника, мешавшую продвижению нашей пехоты.

Сержант Плотников, будучи командиром отделения, используя складки местности, начал выдвигать свое отделение вперед. Но противник, обнаружив их, открыл сильный огонь. Отделение Плотникова продолжало выдвигаться во фланг противника. В это время начала продвигаться рота. Противник перенес огонь на нее. И тогда сержант Плотников внезапно бросился вперед и забросал гранатами огневую точку. Выполнив боевую задачу, он обеспечил продвижение пехоты».

Через месяц война кончилась...

Полк Плотникова прошел севернее Берлина до Эльбы

и там, встретившись с частями американской армии, перешел на новое, непривычное положение — стоять на месте, отдыхать и готовиться к отправке домой. Там же Плотников узнал, что стал полным кавалером ордена Славы.

ПОСЛЕДНИЙ ВЫСТРЕЛ

Сидлер Давид Мордкович родился 4 марта 1905 года в городе Тульчин. В 1941 году приехал в город Фрунзе. В декабре 1942 года был призван на военную службу Фрунзепским горвоенкоматом. На фронте с июля 1943 года. Воевал на Юго-Западном, 3 Украинском и 1 Белорусском фронтах. Освобождал Украину, форсировал Вислу, сражался за Варшаву, под Ковелем. Брал Познань, Кюстрин, штурмовал Берлин.

Боевые подвиги Сидлера отмечены орденами Славы III, II степеней, медалью «За отвагу». Указом Президиума Верховного Совета СССР от 15 мая 1946 года награжден орденом Славы I степени.

В настоящее время ветеран войны живет в городе Днепрпетровске.

Главные силы фронта прорывали оборону с Магнушевского плацдарма на левом берегу Вислы. Полк, в котором воевал Сидлер, находясь на правом крыле армии, форсировал реку в первые часы наступления.

С вечера саперы протянули тросы, чтобы десант не сносило течением. По реке плыли льдины, вставляли разрывы мин и снарядов, но форсирование не останавливалось.

Орудие Сидлера переправлялось на плоту. Недалеко от берега взрыв мины оборвал трос. Плот стало сносить.

— В воду!— приказал Сидлер и сам первый прыгнул. Бойцы видели, что это единственная возможность достичь берега, последовали за командиром и вплавь буксировали плот. У берега помогли пехотицы, вытащили орудие, и оно заняло огневую позицию.

Начало светать. Смутными тенями вырисовывались танки. Орудие Сидлера открыло огонь. Вскоре передний танк загорелся. Второй почему-то остановился и из него выскакивал экипаж. Сидлер приказал стрелять картечью. Экипаж был уничтожен. Но и в расчете сразу было двое: наводчик и замковой.

Уже совсем рассвело, четко обозначалась линия обороны противника. Фашисты выкатывали орудия на прямую наводку. Сидлер подумал, что не справится с ними, и в это время из-за Вислы ударили наши гвардейские минометы-катюши. На позициях фашистов все смешалось, поднялось в небо черным валом.

За переправу через Вислу и бой на плацдарме Давид Мордкович был награжден орденом Славы III степени, а потом начались дни наступления.

Вперед вырвалась танковая армия. Батарея Сидлера не отставала от нее. Иногда встречались узлы сопротивления, и орудие снова включалось в бой.

«Висло-Одерская операция достигла огромного размаха. Она развернулась на фронте протяженностью

500 километров и глубиной 450—500 километров и продолжалась 23 дня. Средний темп передвижения составлял 20—22 километра в сутки»¹.

Остановиться фашисты смогли только на Одере.

Батарея Сидлера вышла к реке 3 февраля, а в апреле снова наступала. В последнем бою у деревни Заксердорф у орудия вышел из строя прицел. Сидлер встал к орудию и наводил через ствол. В этом бою он заставил контратакующие танки повернуть обратно. Тем самым обеспечил продвижение пехоты вперед.

Последними выстрелами у Бранденбургских ворот он закончил войну. Был ранен, но не ушел в медсанбат. Сознание, что победа близка, придавало новые силы, как и всем воинам нашей армии. Он продолжал вести огонь по контратакующим фашистам.

За храбрость и отвагу, проявленные при взятии Берлина, Давид Сидлер награжден орденом Славы I степени.

¹ История Великой Отечественной войны, том 5, стр. 89.

ГВАРДИИ ЕФРЕЙТОР

Фильчаков Михаил Иванович родился в 1910 году. В 1939 году приехал в город Фрунзе. 4 января 1942 года был призван в Красную Армию Фрунзенским горвоенкоматом. На фронте с марта 1942 года. Воевал на Юго-Западном, 3 Украинском и 1 Белорусском фронтах. Форсировал Сев. Донец, Днепр, Южный Буг, Днестр, Вислу, Одер. Освобождал Одессу, сражался под Варшавой, штурмовал Берлин.

За мужество и бесстрашие в боях с фашизмом награжден орденами Славы III и II степеней, медалями «За отвагу» и «За боевые заслуги». Указом Президиума Верховного Совета СССР от 15 мая 1946 года награжден орденом Славы I степени.

Сейчас он живет в городе Астрахани.

На его долю выпала удивительная военная судьба. Вскоре после призыва в армию, он попал на передовую. И за проявленную стойкость и мужество был награжден медалью «За отвагу», через месяц — медалью «За боевые заслуги». А еще через пять месяцев орденом Славы III степени. В самом начале службы ему присвоили звание гвардии ефрейтор, которое он с честью пронес через всю войну.

Вот что о нем писали в наградных листах: «Путь гвардейца разведчика-наблюдателя минометной батареи гвардии ефрейтора Фильчакова М. И.—Сев. Донец—Днепр, Южный Буг—Одесса овеян его славой и подвигами на пользу Родине.

В боях за расширение плацдарма на правом берегу реки Днестр он смело и точно выполнял приказания командования. Под сильным артиллерийско-минометным огнем вел наблюдение, обнаруживая огневые точки и снайперов противника, в результате чего обнаруженные им три пулеметные точки были уничтожены батареями. Изо дня в день, находясь на переднем крае, он каждый раз участвует в отражении контратак противника, где личным огнем из автомата истребил 8 солдат и офицеров противника, за что достоин правительственной награды — ордена Славы III степени».

Михаил Фильчаков в наступательных боях от реки Вислы до Одерского плацдарма показал себя мужественным и бесстрашным разведчиком. Неоднократно доставлял ценные сведения командиру батареи о противнике.

6 февраля 1945 года при отражении контратаки противника в городе Макшнов он, находясь в боевых порядках пехоты, скрытно замаскировался и, при приближении немецких танков с десантом автоматчиков, огнем из автомата расстрелял автоматчиков, находившихся на 2-х танках и 1 офицера взял в плен.

За этот подвиг Михаил Фильчаков был награжден орденом Славы II степени.

Гвардии ефрейтор Фильчаков М. И. в составе полка прошел боевой путь от Сев. Донца до Берлина. Участвовал в прорыве многих оборонительных сооружений противника и в форсировании рубежей. В ходе наступательных боев неоднократно выполнял сложные боевые задания командования в тылу врага.

В наступательных боях с Одерского плацдарма до Берлина и в боях за город Берлин тов. Фильчаков показал исключительные образцы мужества и героизма. Находясь в боевых порядках пехоты, он своевременно за секал огневые точки противника, чем способствовал продвижению вперед нашим подразделениям.

Так, в бою 16 апреля 1945 года в районе Зееловских высот по его корректировке уничтожено: противотанковая батарея противника, 3 станковых пулемета и значительное количество пехоты врага.

В боях при штурме города Берлина тов. Фильчаков выстрелом из фауст-патрона поджег самоходку противника с ее экипажем.

За отвагу и героизм в Берлинской битве Михаил Фильчаков был награжден орденом Славы I степени.

В наградном листе сказано коротко, и, кажется, было все просто: «Взял в плен одного офицера», «поджег самоходку», но стоит обратить внимание на слова: «изодня в день находился на переднем крае...» и кажущаяся простота исчезнет. В его фронтовой биографии оказалось 1230 этих «изодня в день» и ни одного в госпитале или санчасти, то есть ни одного ранения, ни одной контузии. Удивительная судьба полного кавалера орденов Славы.

МОСТ ПОД КЕЛЬМЕ

Шишкин Аркадий Дмитриевич родился 25 августа 1914 года в деревне Лена Верхошижемского района Кировской области, в семье крестьянина-бедняка. На фронтах Великой Отечественной войны с 24 сентября 1941 года. Воевал на Центральном, Белорусском, 1 Прибалтийском фронтах. Участвовал в обороне Москвы, в Курской битве, в наступательных боях в Белоруссии. Сражался на Уманском и Рижском направлениях, освобождал Вильнюс, Шауляй. Дважды ранен.

За мужество и героизм награжден орденами Славы трех степеней и медалью «За боевые заслуги». Золотая звезда Славы I степени вручена по Указу Президиума Верховного Совета СССР от 24 марта 1945 года.

В настоящее время полный кавалер ордена Славы живет в пос. Маевка Аламединского района.

...В оборонительных боях в районе Шауляя отличилась 2 гвардейская армия. В ее составе плечом к плечу с другими соединениями стояла насмерть 16 Литовская стрелковая дивизия под командованием генерал-майора В. А. Карвялиса.

Командиром взвода в саперном батальоне этой дивизии служил старшина Шишкин. Он прошел с ней весь боевой путь и за отличие в сражениях был награжден: медалью «За боевые заслуги», орденами Славы III, II степеней.

Оборонительные бои в районе Шауляя затянулись до октября. Гитлеровцы поняли, что их усилия бесполезны, и ослабили натиск, да и силы их были измотаны. Этим воспользовалось командование нашего фронта.

В начале октября Литовская дивизия получила приказ перейти в наступление. Она занимала рубеж вдоль дороги из Шауляя на город Кельме. Местность была низменная, с перелесками, с тихими, но глубокими речками. На подступах к Кельме протекала речка Кражанте. Мост через нее был в руках у немцев. Разведчики доложили, что они минируют его и взорвут, как только дивизия начнет наступление. Командир дивизии, полковник Урбшас, заменивший генерал-майора Карвялиса, принял решение захватить мост и разминировать его до наступления дивизии. Это могли сделать саперы и разведчики, мастера своего дела. При обсуждении вопроса, кого послать, в штабе дивизии назвали старшину Шишкина и его взвод. Командир саперного батальона майор Терентьев сказал:

— Это у меня самый опытный минер. Служил до войны в кадровой армии, участвовал в финской, а в этой с первого дня. К тому же, кандидат в члены партии. Уверен — выполнит задание.

Взвод Шишкина, усиленный отделением разведчиков, вышел на задание 5 октября 1944 года. Уже вечерело, когда они миновали передовые позиции нашей пехоты и

вышли на полосу ничейной земли. Невдалеке виднелся лесок, тронутый красками осени. Солнце садилось за его вершины, он просвечивался красноватыми лучами, казался нарисованным на огненном полотне заката. Высокая трава на кочковатой низине покрывалась росой.

Бойцы подползли к опушке, осмотрелись и осторожно пошли вдоль леса. Молодые березки все еще светились, словно набравшись солнечного света, теперь излучали его. Кусты потемнели. Остро пахло упавшей, начинающей преть листвой. Было тихо. Из глубины леса слышалось сердитое стрекотание двух сорок. Они как будто ссорились за место ночлега.

Вскоре стемнело. Низину затопила чернота, и там чудились какие-то плавающие тени. В лесу стало настороженно, улавливался шорох падающих листьев, а при дуновении ветерка поднимался тревожный шум. Подойдя к реке, Шишкин послал вперед двоих разведчиков. Остальные бойцы залегли. Тихо шелестел камыш у воды, изредка плескалась рыба. Река мерцала матовым блеском, как ртуть. Противоположный берег едва угадывался сгустком черноты, а в небе блестели редкие звездочки и те заволакивались облаками.

Разведчики долго не возвращались. Наконец появились и доложили неожиданное.

Фашисты работают на мосту. Их не меньше роты. Видно, готовят мост к подрыву. Таскают взрывчатку. Есть охрана — по пять человек с двух сторон.

— Далеко еще? — спросил Шишкин.

— Метров шестьсот — семьсот.

— Почему долго ходили?

Разведчик литовец сказал что-то по-литовски, его товарищи тихонько засмеялись. Командир отделения пере-вел:

— Не пешком шли — на ремнях ехали, ползли, значит.

— Ладно. Мы тоже поедem. Только быстро,— приказал Шишкин.— Надо не опоздать.

Саперы и разведчики, стараясь не нарушать тишину, пошли гуськом, а когда мост стал заметным, продолжали приближаться ползком. Постепенно начали различаться фигуры вражеских солдат, слышались их негромкие голоса. У въезда на мост стояли часовые, рядом с ними маячили наблюдатели. По движениям их рук Шишкин догадался, что они осматривают местность в бинокли. Тогда он тоже достал свой бинокль. Темнота немножко разрядилась. Стали видны отчетливее человеческие фигуры, мост, его опоры и ящики со взрывчаткой. Работа, видимо, заканчивалась. Фашисты подвизывали последние ящики, разматывали бикфордовы шнуры.

— Надо отсечь их от моста,— сказал Шишкин и разделил свой взвод и разведчиков на две группы. Первая должна была ударить по врагу на этом берегу и оттеснить их от моста. Вторая — помогать вначале первой, затем — прорываться на мост и захватывать противоположный берег.

— Я пойду со второй группой. Командир разведчиков возглавляет первую. Ясно?

— Надо еще добавить,— сказал командир разведчиков, рослый литовец.— Нельзя стрелять по ящикам. Самы взорвем мост.

— Правильно... Смотрите, товарищи, натиск должен быть во всю силу, но не теряйте выдержки. Будут попадаться провода и шнуры — сразу рвать.

Высокая трава позволяла ползти дальше. Группы приблизились к мосту, и, когда до него осталось метров пятьдесят, Шишкин вскочил.

— Вперед,— негромко скомандовал он, и обе группы устремились к мосту.

Ошеломленные фашисты вначале не поняли, что происходит, и не сразу бросились бежать. Ближних успели расстрелять в упор короткими очередями. Они падали

молча, и только когда на мосту часовые заорали «Русс!» — они побежали, кто куда. Большинство их ушло через мост на свой берег. Их преследовала группа Шишкина. Она не стреляла на мосту. Слышался только грохот сапог, и это наводило ужас. Безмолвную атаку не выдерживают люди даже с очень крепкими нервами. Немцы бросали оружие, скидывали с плеч ранцы, чтобы облегчить себя в беге.

Выбежав на противоположный берег, Шишкин оставил свою группу. Убегавшие фашисты исчезли в темноте. Он приказал разведчикам занять оборону, а сам вернулся на мост. Саперы сразу приступили к разминированию, но это было не просто. Темнота и вражеские солдаты те, что остались на нашем берегу, мешали работать. Они открыли беспорядочный огонь по мосту. Раненые саперы срывались в воду, некоторые тонули, но остальные продолжали работать. Шум боя докатился до города. Он был всего в километре от моста. На дороге показались огни мотоциклистов. В это же время Шишкину доложили, что саперы обнаружили под настилом моста противотанковые мины. Обстановка складывалась критическая.

Но саперы и разведчики не растерялись. Шишкин был на мосту, когда к нему подбежал командир разведчиков со своим отделением.

— Давай все гранаты. Я задержу мотоциклистов, — сказал он, отбирая у Шишкина гранаты. — Давай все...

Шишкин оценил его план. Тут же приказал саперам отдать гранаты, и разведчики убежали на дорогу. Там они рассыпались по обочине и опрокинули мотоциклистов до того, как те узнали, что происходит на мосту. Задние мотоциклисты уже успели повернуть обратно.

— Пулеметы возьмите! — закричал Шишкин.

Разведчики поняли его, бросились к подбитым мотоциклам, сняли с них пулеметы. А на нашем берегу все еще продолжался бой. Около пятнадцати фашистов

во главе с офицером, команды которого слышались из темноты, залегли в траве и, постоянно меняя место, вели огонь по мосту. Одно отделение саперов спешило покончить с ними, но фашисты как тени появлялись то в одном, то в другом месте. Они сковывали саперов, работающих на мосту, и отвлекали на себя целое отделение, крайне необходимое для разминирования моста.

Через некоторое время к Шишкину прибежал разведчик и доложил, что от города движется вражеская пехота. Стало ясно, что фашисты любой ценой будут стараться взорвать мост. Обстановка продолжала ухудшаться. И тогда Шишкин решился подать сигнал танкам до конца разминирования. «Пусть они подойдут и помогут своими орудиями». Красная ракета взвилась в черное небо, осветила луг, где залегли вражеские солдаты, и этих секунд отступившего мрака хватило, чтобы рассеять их гранатами. Ракета подействовала и на тех, кто наступал со стороны города. Фашисты приняли ее за сигнал к штурму города и остановились на полдороге. Теперь саперов никто не беспокоил.

Оставив небольшое охранение, Шишкин приказал всем остальным заняться поисками противотанковых мин не только на мосту, но и на подступах к нему. Эта предосторожность оказалась не лишней. Саперы обнаружили мины и на дороге, и на обочинах. Мины были обезврежены вовремя. Подошедшим танкам не пришлось задерживаться.

Утром город Кельме был взят нашими войсками, прошедшими через мост.

На боевом счету отважного воина много славных дел. За время войны он разминировал тысячи различных мин. Много фугасов и других хитростей врага убрал с дороги наступавших советских воинов и спас их жизнь. В проволочных заграждениях он проделал сотни проходов для пехоты и танков. Строил мосты и командные пункты, оборудовал переправы и выставлял мины. Ничто

не могло преградить ему путь к выполнению боевого задания Родины.

И все-таки из всех боевых эпизодов более всего памятным для Аркадия Дмитриевича останется захват моста под городом Кельме. И не потому, что за этот подвиг он был награжден орденом Славы I степени, а потому, что этот эпизод стал мостиком дружбы ветерана войны с жителями города Кельме.

ДЖИГИТ

Энгиноев Дуда Эдеевич родился 25 июня 1919 года в селе Писедах Малгобекского района Чечено-Ингушской АССР. По национальности чеченец. На фронте с июня 1941 года. Воевал в составе Северо-Западного, Ленинградского и 1 Украинского фронтов. Участвовал в боях по снятию блокады Ленинграда, освобождал Эстонию, громил врага в Восточной Пруссии, в Нижней Силезии. Пять раз ранен. Награжден орденами Красной Звезды, Славы III и II степеней. За разгром штаба вражеского соединения и пленение немецкого полковника Указом Президиума Верховного Совета СССР от 10 апреля 1945 года Энгиноев награжден орденом Славы 1 степени.

В настоящее время он живет в Сокулукском районе и работает в лесничестве.

В январе и феврале 1944 года войска Ленинградского, Волховского и Прибалтийских фронтов, сняв блокаду Ленинграда, вышли на рубеж Нарва — Восточный берег Чудского озера — Псков.

Старший сержант Энгиноев был разведчиком в 165 отдельно разведывательной роте, входившей в состав 125 стрелковой Красносельской Краснознаменной дивизии 8 армии. Находясь в обороне, Дуда Энгиноев много раз ходил в разведку. 17 апреля командир роты старший лейтенант Селезнев, назначая его старшим группы разведчиков, приказал:

— Нужен «язык». Захватите его во что бы то ни стало.

— Есть товарищ старший лейтенант. Будет язык. — Ответил Дуда и незаметно подмигнул товарищам.

Уже несколько дней до этого они наблюдали за передним краем обороны фашистов и заметили, где и когда меняются их посты. Один был особенно удобным для нападения. Разведчики между собой говорили, что тот, кому дадут задание взять языка, будет счастливым — без труда отличится.

Пост находился на опушке леса, далеко от вражеских траншей. К нему подступали заросли кустарника, по которым легко подобраться скрытно, а главное, что во время смены наблюдателей сюда приходил офицер. Захват такого «языка» — было мечтой каждого разведчика. И вот быть счастливым выпало Дуде Энгиноеву. С ним пошли два помощника: младший сержант Мотузко, здоровяк-украинец, способный кулаком свалить лошадь, и рядовой Наседкин «хитрее черта», как говорили о нем в роте. Эта троица была неразлучной и еще ни разу не возвращалась с пустыми руками.

И теперь посылали их, потому что «язык» был очень нужен. Авиационная разведка донесла, что в расположении противника происходит перемещение войск. Требовалось уточнить, какие части подходят и с какой целью.

С вечера моросил дождь, потом пошел снег и помела поземка — самая подходящая погода для разведчиков — не остается следов, все движется, шуршит. Однако Энгиноев не пошел прямо на пост, а решил зайти с тыла, со стороны траншей противника. У него было предчувствие, рожденное опытом, что этот — «удобный пост» таит в себе какую-то каверзу.

— Ты иди прямо, метрах в ста остановишься и наблюдай за постом, — сказал он Наседкину, — а мы с Мотузко обойдем стороной. Так будет лучше.

— Время зря потеряем, — недовольно сказал Мотузко, но пополз следом за Дудой.

В кустах было тихо, ветер шумел поверху, а у опушки леса стало совсем тихо. Снег курился и оседал медленно, словно устал метаться в вершинах деревьев.

— Может свернем? — шепотом спросил Мотузко, кивая влево, где остался пост. Дуда покачал головой и пополз дальше. Кусты начали редеть, стали попадаться острые пеньки. Дуда разгреб снег, ощупал их и понял, что кусты вырубил недавно. Пеньки торчали выше зимнего наста.

— Зачем рубили? — спросил он Мотузко. Тот пожал плечами.

— Черт их знает. Наверное траншеи укрепляли.

— Кхе! За траншеями лес есть. Жерди, ветки. Зачем из нейтральной полосы тащить?

— Посмотреть надо...

— Я тоже так думаю.

Они поползли дальше, настороженные первой загадкой, и вскоре встретили вторую — путь преградила полоса хвороста, уложенного так, словно здесь было болото и через него мостили дорогу.

— Зачем? — опять спросил Дуда.

— Может это кусты, которые срубили, — отозвался Мотузко.

— Конечно, а зачем положили так? — Дуда осторож-

но раздвинул хворост и замер. Под хворостом был ход сообщения. Он шел со стороны поста и уходил вправо, к траншеям.

— Шакалы, обмануть хотели...— прошептал Дуда.

Теперь он понял, что «удобный пост» был приманкой для наших разведчиков, и офицер приходил на него, чтобы разведчики «клянули» наверняка и сами стали «языками».

— Надо узнать, как они хотят поймать нас,— сказал Дуда, укладывая хворост на место,— ждать будем.

Они выбрали место для наблюдения, зарылись в снег и стали ждать. Было известно, что смена поста приходит утром, когда видимость позволяет заметить человека, но еще держатся сумерки — любимая пора действий наших разведчиков. На это и рассчитывали фашисты, устраивая ловушку. В то время, когда к посту приближалась смена с офицером, по траншее подходила группа захвата. Потом, не дождавшись нападения, офицер и сменный часовой уходили открыто, а группа еще некоторое время ждала и возвращалась, когда становилось совсем светло. Все это Энгиноев и Мотузко увидели своими глазами. Рядышком с ними по ходу сообщения прошли на пост и обратно шестеро немцев, а по кустам выставлялся напоказ «офицер», явно переодетый солдат, бледный от страха и в шинели с чужого плеча. Он боялся наших снайперов, наших разведчиков и своих офицеров, которые в любой момент могли расстрелять его, если бы он сплхнул.

— Будем брать?— спросил Мотузко, когда на посту остался один наблюдатель.

— Зачем? Он такой же дурак, как «офицер», Возьмем настоящего фашиста.

— Где?

— Сам придет,— Дуда кивнул на ход сообщения.

— Будем ждать до завтрашнего утра? — удивился Мотузко.

— Почему до утра? Раньше придет!

Дуда догадывался, что днем на пост придет толковый наблюдатель, и не ошибся.

Спустя немного времени, в траншее под хворостом слышались неторопливые шаги. Кто-то спокойно шел в сторону поста. Когда он прошел, запахло дымом сигары. Потом слышались шаги в обратном направлении.

Дуда сделал знак «вперед». Они осторожно приподняли хворост, спустились в траншею и пошли к посту.

Фашист сидел на удобном мягком сидении в небольшом блиндаже с круговым обзором. Перед ним на треноге стояла стереотруба. Он посматривал в нее и что-то записывал в блокнот, который лежал на специальной подставке, рядом дымила сигара, которую он время от времени покуривал. Энгиноев и Мотузко схватили его, заткнули рот кляпом, связали и, не мешкая, потащили к своим позициям.

— Я думал вы пропали, — сказал Наседкин.

То же самое высказал и командир роты, когда они вернулись. 1 мая, перед строем разведчиков, Энгиноеву был вручен орден Славы III степени.

«Язык» дал ценные сведения. Они помогли установить номера новых частей, их дислокацию, что было важно при прорыве обороны и при дальнейшем наступлении на Таллин.

21 сентября наступающие части дивизии «потеряли» противника. Лесистая пересеченная местность помогла врагу оторваться. Теперь надо было узнать, где он закрепился, чтобы не наткнуться на засаду.

Энгиноев с группой разведчиков получил приказ выдвинуться вперед. Вся группа была на лошадях, добытых у отступающего противника. Кавказец Дуда не мог равнодушно пройти мимо хорошего коня, и теперь выпал случай показать, какой он джигит. Группу он подобрал сам, и когда убедился, что все разведчики умело держатся в седле, выступил.

Сначала ехали по холмистой низине с частыми перелесками, потом углубились в густой лес. Белые березы с огненной листвой рябили в глазах. Зеленые дубы на опушках казались сторожевыми башнями. Часто попадались брошенные хутора, небольшие села. И вдруг за одним из хуторов на дороге он увидел колонну фашистов. Она двигалась в ту сторону, что и разведчики. Вражеские солдаты шли за грузовиком, который тащился за шестеркой лошадей, запряженных в три пары. В кузове ехали офицеры, а на правой передней лошади восседал ефрейтор.

Энгиноев приказал скрытно обогнать колонну, когда она войдет в перелесок, и атаковать ее на выходе в поле. Разведчики помчались во весь опор. Холмы и кустарник хорошо скрывали их. Противник ничего не заметил и был ошеломлен, когда увидел мчащуюся на них конницу. Кустарник не позволял рассмотреть сколько атакующих, а свист, громкое ура и автоматные очереди подсказывали, что их не меньше эскадрона. Фашисты побросали оружие, поднимали руки, никто даже не пытался оказывать сопротивление или бежать в лес, а когда увидели, что разведчиков всего тридцать человек, понуро опустив головы, покорно сели на землю посреди поля.

С помощью переводчика, предусмотрительно взятого в состав группы, Энгиноев допросил офицеров и узнал, что основные силы противника закреплялись в нескольких километрах за речкой у моста, который собираются взорвать, как только пройдет этот батальон.

— Проверить надо,— сказал Дуда,— Сделаем так: пять разведчиков остаются охранять пленных, всем взять немецкие пулеметы, остальные со мной к мосту. Захватить с собой также пулеметы и гранаты.

Вскоре с холма открылась просторная пойма реки. На дороге происходило что-то невообразимое. Автомашинны, повозки, мотоциклы и пешие немцы столпились у взорванного моста. Никто не наводил переправу, никто

не решался переправляться вплавь. У Энгиноева невольно мелькнула мысль: «Неужели они сами взорвали мост, не дождавшись подхода своих замыкающих колонн?»

Оценив обстановку, он послал в дивизию донесение и собрал разведчиков, чтобы принять решение. Через несколько минут четыре всадника отделились от группы и поскакали в сторону. Вне видимости противника, они переправились с лошадьми на другой берег и скрытно вышли к мосту. Выехав на берег, Энгиноев дал в воздух длинную очередь. Это был сигнал. В ту же минуту разведчики, окружившие район моста, вышли на открытое место и также дали в воздух несколько автоматных очередей.

— Сдавайтесь, вы окружены! — закричал переводчик, потрясая над головой ручным пулеметом.

Дальше произошло невероятное: немцы послушно бросили оружие, слезли с бричек, автомашин и отошли на поляну, где самостоятельно построились в колонну. Несколько человек, видимо офицеров, они вытолкнули из строя.

В наградном листе этот необычный боевой эпизод изложен коротко: «В результате умелого и мужественного руководства группой, заставил противника сложить оружие и взял в плен тысячу двести человек».

Утром 22 сентября Дуда Энгиноев был в числе первых, кто ворвался в Таллин. И там, на одной из площадей, перед строем полка, Дуда Энгиноев был награжден орденом Славы II степени. Полным кавалером он стал в боях на территории Верхней Силезии, где наступала 21 армия, в состав которой была передана 165 отдельная разведывательная рота. В это время Энгиноев уже командовал взводом.

25 января 1945 года он снова получил задание взять «языка». О том, как было выполнено это задание, сказано в наградном листе: «Энгиноев лично сам с группой

выполнил задачу по захвату пленного. Действуя в расположении пехоты, они ворвались в деревню, где были немцы, и завязали бой. В результате боя уничтожено до 100 вражеских солдат и 10 человек взяли в плен».

Вскоре старшине Дуде Эдеевичу Энгиноеву вручили золотую звездочку Славы. На его счету к концу войны было около ста «языков».

ЗЕМЛЯКИ- ОДНОПОЛЧАНЕ

Бейшеев Усен родился 10 октября 1922 года в селе Кочкорка Нарынской области. По национальности — киргиз. До войны работал в колхозе. 15 августа 1942 года Кочкорским военкоматом был призван на действительную службу. На фронте с 25 марта 1943 года. Воевал лаводчиком. Имеет пять ранений, одно — тяжелое. Участвовал в боях на Юго-Западном, 3 Украинском и 1 Белорусском фронтах. Прошел боевой путь от Сев. Донца до Берлина. Награжден орденами Славы III и II степеней и за прорыв Одерского рубежа обороны в районе Зееловских высот — Указом Президиума Верховного Совета СССР от 15 мая 1946 года — орденом Славы I степени.

В настоящее время Усен Бейшеев живет и работает в селе Кочкорка.

Парпиев Абдурашид родился 14 февраля 1914 года в г. Ош Киргизской ССР. По национальности — узбек. До войны работал в колхозе. 10 февраля 1942 года Ошским военкоматом был призван на военную службу. На фронте со 2 апреля 1943 года. В марте 1944 года вступил в партию. Боевой путь Парпиева начался форсированием реки Сев. Донец. Потом он освобождал Ковель, прорывал оборону противника на реке Висла, участвовал в боях за овладение городами Лодзь, Кутно, Ленчица, Гнезно, Познань. Штурмовал все девять оборонительных полос на пути к фашистской столице и провел на улицах Берлина свой последний, победный бой. Имеет ранения, контузию.

За боевые заслуги награжден орденами славы III, II степеней и Указом Президиума Верховного Совета СССР от 15 мая 1946 года — орденом Славы I степени. В числе боевых наград две медали «За отвагу», медали «За освобождение Варшавы», «За взятие Берлина» и другие.

После демобилизации вернулся в родные места, работал главным бухгалтером в колхозе имени Калинин, а последние 12 лет был председателем этого колхоза. Умер в ноябре 1974 года.

Темляков Дмитрий Андреевич родился 21 февраля 1924 года в селе Молочная Гора, Кадомского района Рязанской области. В 1937 году родители Темлякова переезжают в совхоз «Санташ» Тюпского района Иссык-Кульской области. 16 октября 1942 года Пржевальским военкоматом был призван на военную службу и направлен в бывшее Фрунзенское пехотное училище. Боевой путь начал в апреле 1943 года на реке Сев. Донец в должности наводчика. Воевал на Юго-Западном, 3 Украинском и 1 Белорусском фронтах. Участвовал в битвах за Донбасс, в сражениях на правобережной Украине. Командиром орудия начал бои по освобождению Польши. В районе Зееловских высот провел свой последний бой.

За смелость и мужество награжден орденами Славы III, II степеней, а Указом Президиума Верховного Совета СССР от 31 мая 1945 года награжден орденом Славы I степени. Участие в форсировании рек Сев. Донец, Южный Буг отмечено двумя медалями «За отвагу».

В настоящее время Темляков живет в городе Пржевальске и работает инженером-экономистом на электротехническом заводе.

Смеркалось. Шел холодный дождь. На передовой было тихо. Изредка хлопнет одиночный глухой выстрел, и снова только шелест дождя и шорох голого кустарника под ветром. А ночью и ветер утих, и дождь перестал. С неба бесшумно падал мелкий снежок, застилая даль мутной пеленой. Сквозь нее едва виднелись желтоватыми пятнами взлетающие над вражескими позициями ракеты.

— Зачем светят? Все равно ничего не видно, — сказал Усен Бейшеев. Он смотрел в ту сторону, где светились ракеты и, от нечего делать, ловил в ладонь снежинки.

Орудийный расчет сидел под навесом из плащпалаток. Дмитрий Темляков, двадцатилетний, стройный, красивый сержант из Пржевальска; замковой Мидхат Тухватуллин — тоже молодой, черноглазый; заряжающий Ашрот Бабаев — родом из Баку и ездовой Иван Гушин — добродушный украинец, любивший поспать в свободную минуту. Все знали: утром наступление, бой, и не просто бой, каких было немало до этого, а прорыв долговременной, глубококошелолированной обороны.

— Видно, тоже не спят, — отозвался Гушин. Он, как и Усен, смотрел на взлетающие ракеты.

— Надеемся удержаться. Назвали свои позиции «Восточным валом», — сказал Темляков, — но за Днепром тоже наша земля...

— Кто-то идет, — заметил Бабаев, глядя в сторону.

В снежной пелене показалась плотная, коренастая фигура. Человек шел не спеша, обходил темные лужи, чтобы не замочить сапоги.

— Земляк, Абдурашид, — узнал его Тухватуллин и зачем-то добавил: — Умный человек Парпиев.

В расчете все знали командира соседнего орудия старшего сержанта Парпиева. Он был гораздо старше каждого из них. Через полмесяца ему исполнится тридцать. Он называл расчет Темлякова «мальчишками», но не было дня, чтобы не приходил и не заводил разговора о до-

ме, об Оше, о Киргизии, по которым, видно, сильно тосковал.

Ассалам алейкум,— поздоровался он, подходя,— как устроились? Как настроение?

Подшучивая над его восточной любезностью, Иван Гущин поспешил ответить в его тоне:

— Все благополучно, уважаемый Абдурашид. Все гарно, а як вы дошли, не замочили ли штиблеты?

Шутку Ивана все поняли, засмеялись и пожали крепкую руку Парпиева каждый двумя руками, как полагалось по обычаю Востока. Усен Бейшеев уступил свое место, предложил чаю.

— Неужели есть?— удивился Абдурашид.

— Конечно, есть, только дома — в Кочкорке. Угощу после войны.

Все опять засмеялись и заговорили о доме. Четверо из них были киргизстанцами, могли вспоминать родные места сколько угодно.

— А я с вами тоже земляк,— сказал Гущин,— на моей Украине воюем.

— Я тоже,— вставил Ашрот Бабаев,— на моей нефти из Баку все танки и машины идут.

— А что — верно! — ответил Темляков,— земляки мы, как одна семья. Завтра фашисты это почувствуют.

Парпиев положил руку на его плечо.

— Как раз об этом пришел сказать. Давай в бою будем смотреть друг на друга. Мы с пехотой идем, первыми встречаем огневые точки, помогать друг другу надо. Будет лучше.

Все согласились с ним и поняли, что Парпиев не забыл уставную взаимосвязь между орудиями в батарее, а предложил особую взаимовыручку в бою. Им часто приходилось действовать на самом переднем крае, помогать пехоте брать укрепленные рубежи, и обстановка всегда складывалась так, что батарея рассыпалась, орудия действовали в одиночку, подчиняясь командирам

пехоты. Теперь Парпиев предлагал не терять друг друга из виду и, если потребуется, поддержать «огоньком».

Расчет начал вспоминать ситуации, когда огонь соседа был крайне нужен, разговор стал оживленным, и они не заметили, как скоротали ночь.

«... На рассвете 31 января после сильной артиллерийской и авиационной подготовки перешли в наступление 46 и 8 гвардейская армии... Так началась Никопольско-Криворожская операция»¹.

Во время армейской артподготовки «сорокапятки» Темлякова и Парпиева, находясь на позициях пехоты, молчали, их работа началась, когда пехота поднялась на штурм вражеских укреплений, и когда по ней ударили уцелевшие пулеметы фашистов.

— На колеса!— скомандовал Темляков. Расчет выкатил пушку на прямую наводку. Вокруг была грязь, смешанная со снегом, в воронки стекала ледяная вода, шипели горячие осколки, свистели пули.

Наша пехота, не дождав до первых траншей фашистов, залегла. По ней строчил крупнокалиберный пулемет, засевший на высоте. Темляков показал на него Бейшееву, Усен торопливо навел. Грянул выстрел. Столб грязи поднялся с перелетом, второй накрыл цель. В воздух взлетели клочья мундиров и комья мерзлой земли.

В цепях пехоты поднялись командиры.

— Вперед! За Родину!

Но тут же слева ударил второй пулемет. Темляков не видел его. Мешал высокий кустарник. Орудие Парпиева поднималось на высоту, где только что был крупнокалиберный пулемет. Темляков подал сигнал Парпиеву трассирующим снарядом в сторону огневой точки. Парпиев развернул орудие, открыл огонь. Пулемет умолк. Пехота бросилась вперед. Расчет Темлякова катил за ней орудие, останавливался, когда встречалась огневая точка, и снова шел вперед.

¹ История Великой Отечественной войны, т. 4, стр. 72.

Фашисты не выдержали натиска, отошли во вторые траншеи. И вскоре открыли по наступающим артиллерийский и минометный огонь. Земля вздыбилась от взрывов. Мерзлые комья, грязь, снег, осколки, пули — все перемешалось и встало стеной, сквозь которую, казалось, невозможно пройти. Но расчеты Темлякова и Парпиева не остановились. Выйдя ко вторым траншеям, они в упор расстреливали пулеметные гнезда, минометы, пушки, и наша пехота снова поднялась и, вырываясь из-под разрывов мин и снарядов, заняла вторые траншеи.

За это наступление наши земляки Дмитрий Темляков, Усен Бейшеев, Абдурашид Парпиев и Мидхат Тухватуллин были награждены орденами Славы III степени. В их наградных листах значатся уничтоженными только за один первый день прорыва 10 пулеметов, одно орудие, одна автомашина с боеприпасами и до роты живой силы. Их награждали перед строем полка, Русский, киргиз, узбек и татарин — все из Киргизии — были отмечены высшим солдатским орденом.

Потом они вышли на Южный Буг.

Был март, половодье. Река разлилась, затопила низкие, поросшие кустарником, берега, форсировавшие ее части наступающей армии заняли небольшой плацдарм, но дальше продвинуться не смогли. Немцы прочно держались на сухой возвышенности, не давали нашей пехоте выйти из затопленного луга. Наше командование решило поддерживать занявших плацдарм батальоном пехоты и одной батареей «сорокопяток». Задача ставилась простая: отвлекать противника, приковывать его внимание к этому участку, пока основные силы полка форсируют реку выше по течению.

Ночью седьмого марта расчеты Темлякова и Парпиева переправились на плацдарм. Плоты остановились у кустарника, дальше было мелко. Орудия покатили на руках по воде. Иногда вода поднималась до колен. Над водой оставались только стволы орудий. Позицию выбрали

где посуше, чтобы замок орудия не заливало водой, снарядные ящики пристроили на кустах.

На рассвете над рекой поплыл туман. Высотка впереди, а на ней — окопы и траншеи немцев с пулеметными гнездами, с позициями минометчиков.

Густой туман скрывал наши позиции, но он быстро редел, и когда встало солнце, рассеялся. Орудийные расчеты вели дуэль с минометной батареей фашистов, с их крупнокалиберными пулеметами. Пехотинцы несколько раз ходили в атаку, но закрепиться на высоте не могли. А немцы не отвечали контратаками, видимо, понимали, что если выйдут из траншей, наша пехота сожмет их.

День тянулся бесконечно. Атакующим казалось, что никогда не наступит ночь. Мокрые, озябшие, в ледяной воде, они ждали ночи, чтобы хоть как-нибудь выбраться на кусты, на плоты, на орудия, вылить из сапог воду, отжать портянки, хоть как-нибудь согреться.

И ночь пришла, но противник освещал луг ракетами и усилил обстрел из минометов.

— На кой черт мы взяли бронебойные? — ругался Темляков, когда подсчитал остаток снарядов, — танки здесь не ударят.

— Я пойду с Иваном, привезу, что надо, — сказал Усен.

Темляков посмотрел на высоту, подумал.

— Давай, только возьми еще кого-нибудь у Парпиева, — согласился он. — Осколочных возьмите и картечь.

Это было уже под утро. Поднимался туман. Затихало все, словно утомилось за ночь. Бойцы, устроившись кто как мог, дремали. Бейшеев с тремя бойцами отправился на свой берег. Вода поднималась. Парпиев пришел сказать, что надо выдвинуться вперед:

— А то затопит. Стрелять не сможем.

— А что командир батареи? — спросил Темляков.

— Убит.

— Та-ак...

— Вперед надо,— Парпиев взобрался на орудие к Темлякову, сидел на корточках, ждал ответа.

— Подождем Усена, а то не найдет.

— Подождем, конечно...

Они замолчали. Каждый обдумывал обстановку и проклинал воду. А туман сгущался, становилось холодней.

— Заблудятся...— проговорил Темляков, имея в виду Бейшеева и его товарищей.

— Киргиз не заблудится,— ответил Парпиев,— ты знаешь, какие у нас горы — как будто все одинаковые, а киргиз — разницу видит.

— Да-да, у нас горы, а тут чертово болото.

— Ничего. Пускай солнце осветит высоту, будем бить минометы. Только сначала вперед пойдем. Там меньше воды. Я смотрел,— Парпиев отжимал полы шинели, выливал из сапог воду.

— Почему не боеем, а? — спросил он со смехом.

— Некогда,— Темляков тоже засмеялся.

— Потом, наверное, будем болеть... Когда старые станем...

Со стороны реки слышались всплески. Приближались плоты. Кто-то негромко ругнулся и, отфыркиваясь, сказал:

— Воронка попалась... Глубокая, черт возьми...

Плоты гнали на руках, вброд. Бейшеев шел впереди.

— Приказ держаться до особого распоряжения,— сказал он и пояснил:— Сегодня еще не начнут, готовят настоящий удар. Там,— он показал рукой вверх по течению и поздоровался с Парпиевым.— Как самочувствие, аксакал?

— Ничего, спасибо,— ответил Парпиев, спрыгивая с орудия в воду,— пойдем вперед, Дима, пока туман.

Плоты привязали к кустам, чтобы не снесло. Расчет взялся за колеса и покатил пушку ближе к высоте. На пути попадались овражки, воронки. Пушка и люди проваливались в них и потом выбирались мокрые с ног до головы. У края кустарника помелело, нашелся даже сухой бугорок.

— Куда это вы, боги? — спрашивали пехотинцы, сидевшие на примятых кустах, — сушиться, что ли?

На заре, когда высота вырисовалась на мутном фоне неба, орудия открыли огонь, Наводчики старались наводять точно, чтобы меньше расходовать снарядов. Фашисты не ожидали такого раннего нападения, открыли беспорядочную стрельбу по старым позициям и вскоре замолчали, подавленные огнем орудий, а новые пулеметные точки не решились открыть себя, ждали, когда на высоту пойдет пехота.

С восходом солнца сильно потеплело, над разливом, сменяя туман, поднялась дымка. Она колыхалась, двинула горизонт и скрадывала наши позиции.

Противник установил новую минометную батарею за высотой и начал обстрел луга, стараясь вызвать ответный огонь орудий, но ни Темляков, ни Парпиев не отзывались.

Обстрел продолжался весь день. Ночью было тихо, шел дождь. С высоты взлетали осветительные ракеты, иногда поднималась стрельба, фашистам мерещилось, что наши пошли на штурм.

На следующий день было все то же. Бой то разгорался, то затихал, как будто обе стороны понимали его бесполезность.

А ночью — это была третья ночь — загрохотало в верховьях реки. Там началось наступление. Зарево осветило часть горизонта, гул катился по реке, как эхо грома. Потом зарево погасло, шум боя изменился — слышалась трескотня выстрелов и частые залпы артиллерии.

— Наверное, прорвали, — сказал Парпиев, прислушиваясь.

Шум перемещался на запад, уходил за высоту.

К артиллеристам пришел командир стрелкового батальона.

— Пожалуй, надо подождать, — сказал он, кивая на высоту, хотел посоветоваться, стоит ли атаковать врага, напуганного обходом с фланга. Но в это время с нашего берега приплыл связной с приказом оставить плацдарм. Его защитники выполнили свою задачу. Мокрые, усталые, многие раненые, они вернулись на свой берег с сознанием честно исполненного долга.

Все участники этих трехдневных боев в невероятных условиях половодья были представлены к награде медалью «За отвагу».

А фронт двигался дальше на запад. В боях за станцию Мецеюв в июле сорок четвертого Темляков и Парпиев заслужили награды — ордена Славы II степени. Расчеты их орудий продолжали сражаться бок о бок. Осенью они вышли на Магнушевский плацдарм за Вислой, южнее Варшавы.

Расчеты Темлякова и Парпиева входили в состав 8 гвардейской армии, которой командовал прославленный генерал-полковник Чуйков.

В наградном листе Темлякова эти январские бои, вошедшие в историю, отражены так: «При прорыве долговременной и глубокоэшелонированной обороны противника в районе Головочув 14 января 1945 года товарищ Темляков, командуя орудием, показал образцы точного огня, расчетливости, решимости действий. Поддерживая наступающую пехоту, его орудие, несмотря на сложность боевой обстановки, следовало в боевых порядках пехоты, сокрушая своим огнем укрепления немцев, уничтожая и рассеивая живую силу противника, очищая путь наступающей нашей пехоте. Его орудие

уничтожило: один дзот, три станковых пулемета и повозку с боеприпасами. За успешные боевые действия, мужество и отвагу — достойн правительственной награды — ордена Славы I степени».

Усен Бейшеев за участие в этих боях был награжден орденом Славы II степени.

16 апреля 1945 года началось сражение за Берлин.

Орудие Дмитрия Темлякова вело огонь с боевого рубежа в полосе наступления 83 стрелкового полка южнее Зееловских высот. Вдруг совсем рядом разорвался снаряд. Земля вздыбилась, тугая, горячая волна ударила по телу, оглушила, отбросила...

Вскочив, Усен прильнул к прицелу, продолжал огонь и, уничтожив дзот, оглянулся. Невдалеке, разбросав руки, неподвижно лежал Темляков.

— Ашрот! Командира в укрытие! — крикнул Усен и снова продолжал вести огонь.

Продвигаясь вперед, орудия Парпиева и Бейшеева оказались рядом. Узнав о ранении Темлякова, Абдурашид покачал головой, подозвал Тухватуллина, который перешел к нему в расчет наводчиком.

— Будет передышка, надо узнать, куда отправили Дмитрия.

В районе фольварка Людвигслут наша пехота пошла на штурм высоты. И тут в бой вступили уцелевшие орудия и пулеметные точки противника. Сначала изредка, а потом все чаще и чаще в цепях наших бойцов вставали разрывы снарядов. А огонь пулеметов не позволял поднять головы. Атака срывалась. Под прикрытием своего огня вражеские солдаты бросились в контратаку.

Орудийный расчет Бейшеева снаряд за снарядом посылал навстречу врагу. Неожиданно Усен почувствовал толчок в плечо, потрогал его рукой — ладонь была в крови, гимнастерка тоже. Рука плохо повиновалась.

— Огонь по гадам! — в неистовстве закричал Усен. У

него были воспалены глаза, по правой руке текла густая струйка крови, рука повисла, как плеть.

Неподалеку прямой наводкой било орудие Парпиева.

Контратака немцев была отбита.

К вечеру, уставшие, запыленные и пропахшие пороховой гарью, оба расчета достигли высоты и расположились на короткий отдых.

21 апреля война пришла в столицу фашистской Германии.

На одной из улиц Берлина провел Парпиев свой последний бой. Уничтожил две огневые точки, мешавшие продвижению нашей пехоты.

В наградных листах Усена Бейшеева и Абдурашида Парпиева предельно сжато изложены подвиги, совершенные ими в Берлинской битве.

Полными кавалерами орденов Славы закончили войну наши земляки: Дмитрий Андреевич Темляков, Усен Бейшеев, Абдурашид Парпиев.

После демобилизации все они вернулись в Киргизию к мирному труду.

Темляков живет в Пржевальске, работает инженером-экономистом на электротехническом заводе.

Бейшеев по-прежнему живет в селе Кочкорка Нарынской области. Работает завхозом районного участка пастбищного хозяйства.

Парпиев с 1947 года работал на руководящих должностях в сельском хозяйстве. Последние двенадцать лет был председателем колхоза имени Калинина Карасуйского района Ошской области. Он был участником Всесоюзной Выставки Достижений Народного Хозяйства, депутатом райсовета, делегатом XII съезда Компартии Киргизии.

В Оше, в органах МВД работает четвертый однопольчанин — Мидхат Тухватуллин.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
Указ Президиума Верховного Совета СССР об учреждении ордена Славы I, II и III степеней	5
Статут ордена Славы	6
Нештатный танкист. (Абрамов А. Ф.)	10
Доброволец. (Аубакиров М. А.)	18
Поединок в Берлине. (Бадигин М. П.)	28
Бой в окружении. (Байтурсунов Н.)	36
В усадьбе Гутта. (Буланакоев Д. Г.)	43
Боевое содружество. (Буханцов К. И.)	50
Командир орудия. (Вертиков А. Г.)	56
За линией фронта. (Герасимов М. К.)	63
Вперед, гвардия, вперед! (Глотов Н. Т.)	71
Позиция под яблоней. (Гудименко Н. И.)	79
Старшина Дудко. (Дудко Ф. И.)	88
И опять высота, (Иванов М. Б.)	97
В огненном вихре. (Исманов Х.)	107
Саперы. (Кадыркулов И.)	117
Воздушный стрелок. (Карымышаков А.)	124
Разговор с фашистами. (Ковпак А. П.)	132
Пулеметчик. (Кузов В. И.)	141
Начальник гарнизона. (Ольховский В. С.)	144
Оборона плацдарма. (Осмонов Ч. Д.)	152
Достоин награждения. (Плотников Д. Т.)	161
Последний выстрел. (Сидлер Д. М.)	170
Гвардии ефрейтор. (Фильчаков М. И.)	173
Мост под Кельме. (Шишкин А. Д.)	176
Джигит. (Энгиноев Д. Э.)	183
Земляки-однополчане. (Бейшеев У., Парпиев А., Темляков Д. А.)	191

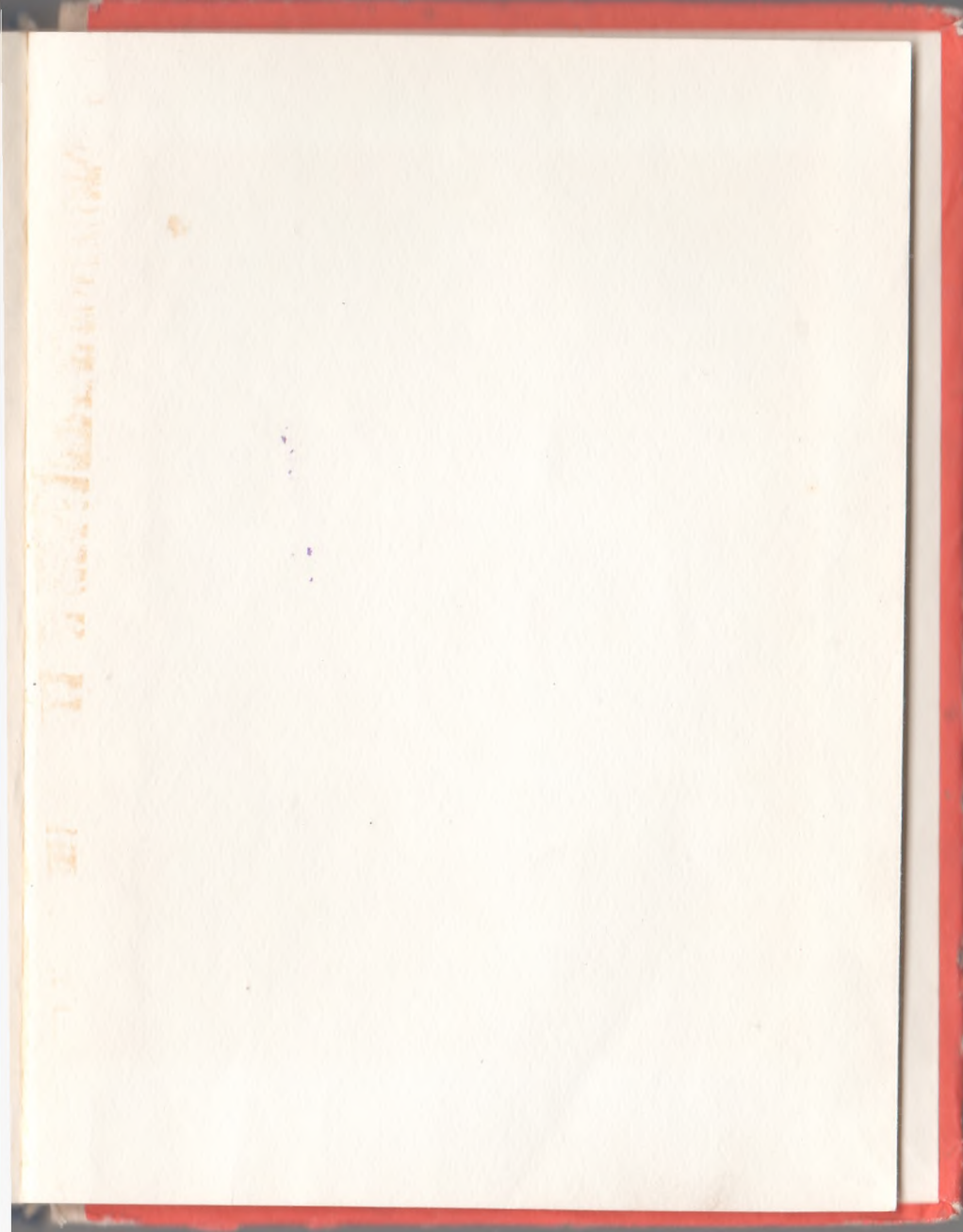
Игорь Николаевич Исаков

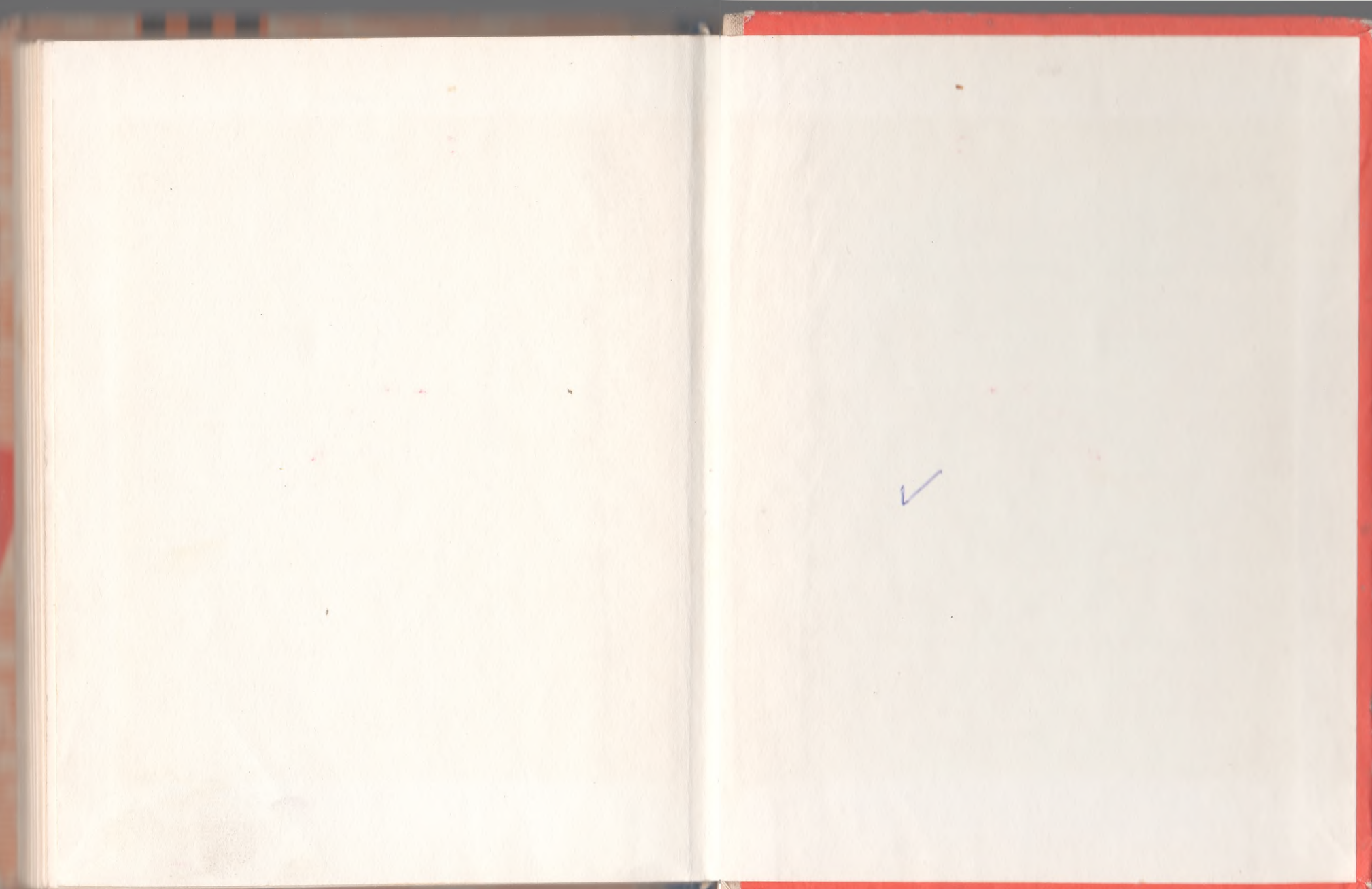
ЗВЕЗДЫ СЛАВЫ КИРГИЗИИ

(О полных кавалерах ордена Славы)

Литобработка Н. Н. Кузьмичева
 Редактор О. К. Машина
 Художник И. Петров
 Худож. редактор А. И. Мисюрёв
 Технич. редактор Т. Ф. Василенко
 Корректор Л. И. Шейко

Слано в набор 30/I-1975 г. Подписано к печати 2/IV-1975 г. Д-03652.
 Бумага типографская № 1, формат 70×108/32, 6,5 физич. печ. л.,
 9,1 условн. печ. л., 8,73 учст.-пзд. л. Тираж 7000. Заказ № 248. Цена 35 к.
 720461, ГСП, Фрунзе, 5, ул. Жигулевская, 102, Киргизполиграфкомбинат
 им. 50-летия Киргизской ССР Госкомиздата Киргизской ССР

35 к.